23-1-14

Вы сможете получить
текущий и последующие номера
журналов
«РОДИНА», «ИСТОЧНИК»!

Многие читатели не сумели вовремя оформить подписку на 2-е полугодие 1994 года и просят редакцию помочь им.

Сообщаем:

Вы можете оформить подписку на текущий и последующие номера журналов «Родина» и «Источник» прямо в редакции. Для этого необходимо в любом почтовом отделении перечислить деньги по указанному счету:
р/с 60902155 во Внешторгбанке РФ в ЦОУ ЦБ РФ,
коррсчет 2161022, МФО 299112, код 5031 ЕЕ.

Цена подписки с доставкой:
на «Родину» за 1 номер — 1000 рублей
на «Источник» за 1 номер — 1250 рублей

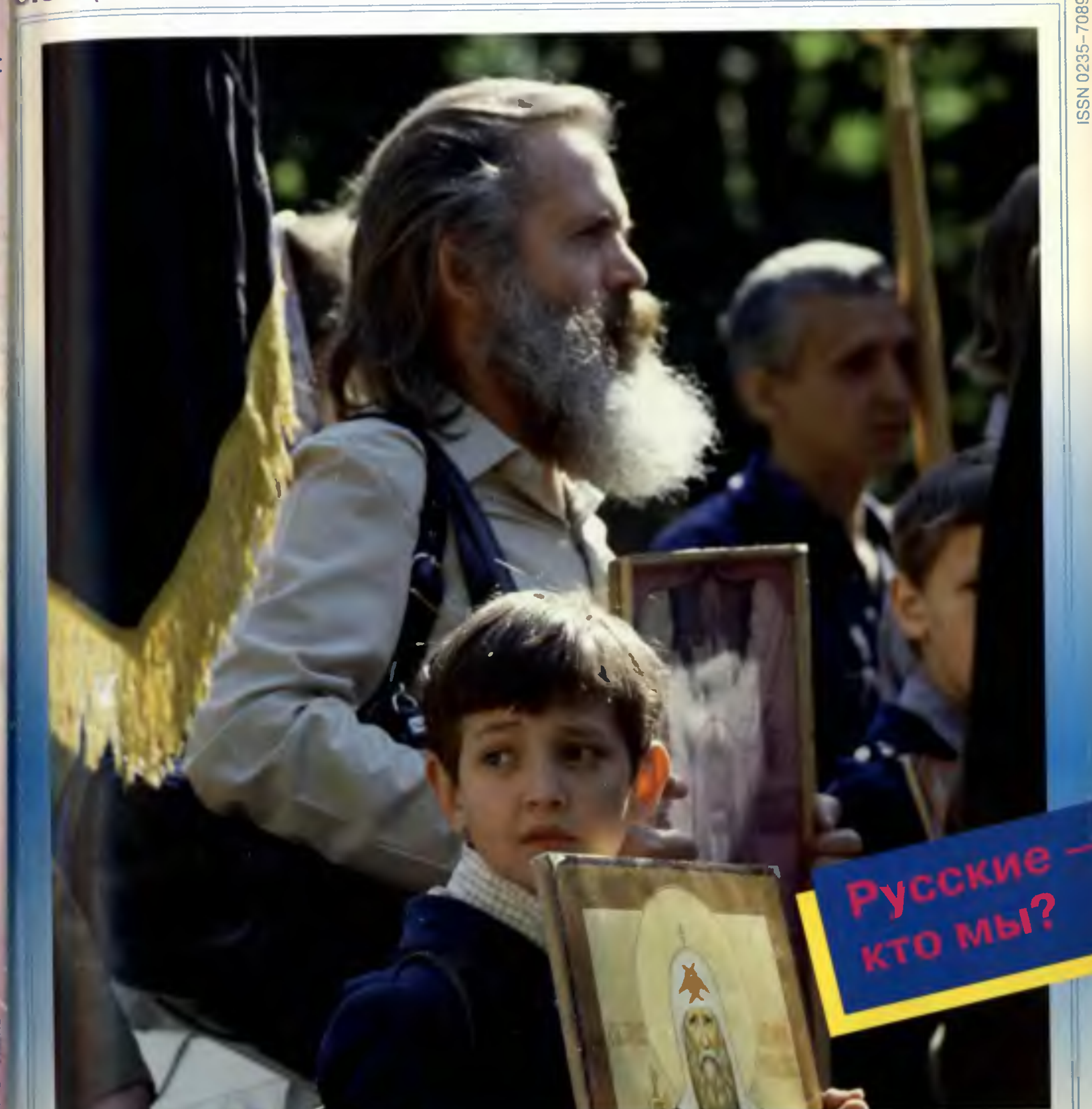
После оплаты необходимо выслать квитанцию (или копию квитанции) в редакцию по адресу:
103009, Москва, ул. Воздвиженка, 4/7,
редакция журнала «Родина».
В письме обязательно сообщите свой полный адрес.

Журналы будут вам высланы
в течение десяти дней после выхода.

РОДИНА
1994 6 Июнь

РОДИНА

6.94 (Июнь)
ISSN 0235-7089

Русские — кто мы?

Русские — кто мы?

Объектив фотокамеры объективен... Посмотрите, какие мы разные. В своей разности наша страна — как в эпоху великого переселения народов. А это значит — Россия еще в движении. И если нас что-то объединяет, то именно это движение. Перебурлив, мы непременно вольемся в свои естественные берега. А они у нас широкие, и течение среди них будет, как встарь, напористым и сильным. Еще раз посмотрите на себя со стороны.

Фотографии Виктора Грицюка

НЕМЦА
ЛУЧШЕГО
К ОТВЕТУ!
развал
ТРУДОВАЯ
КАЛИНИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

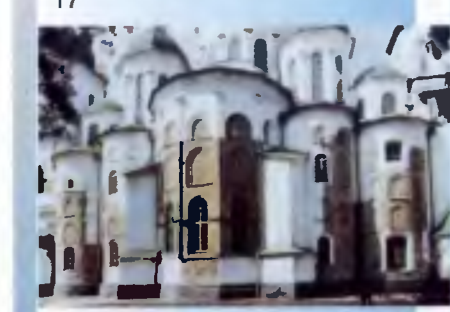
РОДИНА

№ 6—1994
Выходит с января 1989 г.

Российский историко-публицистический журнал
Учредитель: Правительство Российской Федерации

РОДОСЛОВНАЯ

ПУТЬ

Международный фонд «Культурная инициатива» осуществил благотворительную подписку на журнал «Родина» на 1994 г. для десяти тысяч библиотек России, других стран СНГ и Балтии.

НАСЛЕДИЕ

ДОМ

Contents

Реформы и реформаторы...

Сперанский уволен от должностей, арестован, сослан.

Лорис-Меликов отставлен: его реформы взорваны. Тою же народовольческой бомбой, что и царь-освободитель.

Витте отстранен под давлением справа и слева: черносотенцы клянут его за либерализм, революционеры — за административную жестокость.

Столыпин убит, когда он уже почти вытеснен из политической игры — двойным напором: правящей верхушки и ненавидящих «низов».

В России реформаторы не просто бессильны, они несчастны, они обречены, их конец, как правило, трагичен; историки уже знают: после всякой российской реформы следует ждать контрреформы.

И все-таки после всякого реакционного отката реформаторы вновь являются на историческую арену. И имена великих преобразователей оказываются вписаны в память народа. И наследие не пропадает. Разделение властей по вертикали и горизонтали, выношенное Сперанским, все-таки реализуется в России. И Конституцию она все-таки получает, хоть и не от Лорис-Меликова.

И система дорог, выстроенная Витте, служит стране три четверти века спустя.

Да, реформами не бывают довольны все, но все не бывают довольны ни при каком варианте развития. Нынешним реформаторам пока удались только полные прилавки да относительно весомый рубль. Прочие сферы в упадке: от дорог до ферм, не говоря уже о параличе разделенных властей и конституционном ступоре 1993 года, который не скоро забудется.

Но Россия обречена на реформы. Реформаторы будут рождаться и выдвигаться по той же необходимости, по какой они выдвигались на протяжении всей российской истории. На каждую реформу отвечала наступлением экстремистская реакция, но на каждую экстрему находилась новая реформа. Увы, и то и другое — в характере народа: и импульсивное нетерпение, и здравый смысл.

Вопрос в том, на что делать ставку. И как удержать лицо при любом повороте дела. Россия не «погибнет» ни при каком повороте. Не та натура. Но — удержать лицо...

Лев Аннинский,
обозреватель журнала «Родина»

РОДОСЛОВНАЯ

РОССИЯ И РУССКИЕ

КИЕВСКАЯ СОФИЯ — ОЧАГ ДОБРА И СВЕТА

КРЕДО ХУДОЖНИКА

О «НАЦИОНАЛЬНОЙ» ГОРДОСТИ «ВЕЛИКОРОССОВ»

Дмитрий ОЛЬШАНСКИЙ

доктор политических наук, директор Центра стратегического анализа и прогноза

Русак умен, да задним умом.
Народная пословица

Русский человек любит «авось», «небось» да «как-нибудь».
Народная пословица

Фото Виктора Грицюка

Чтобы избежать разнотолков: автор этих строк — русский в самом общепринятом смысле слова. Так сказать, потомственный славянин на стыке западно-славянских и поволжско-славянских кровей. Именно потому все дальнейшее следует воспринимать лишь как естественное сопротивление одной, отдельно взятой «русской души» попыткам ее нынешней активной политической эксплуатации.

Социально-политическая жизнь последнего времени просто перенасыщена «русской идеей» и откровенно квасным патриотизмом. Несть сегодня числа «патриотам» и силам, именующим себя «патриотическими». Но кто они? И зачем им так резко понадобилась русская идея?

Оговорюсь: речь идет не о попытках помочь брошенным в беде людям, считающим себя русскими в нынешнем «ближнем зарубежье», не о позорном термине «русскоязычное население». Здесь необходимо всяческое содействие и кардинальное и обязательно политическое решение. Однако речь о другом — о попытках использовать «русскую идею» внутри нынешней России в целях политических спекуляций.

Бывший генерал ГБ и начальник ХозУ российского правительства Стерлигов создает «славянский», а затем и прямо-таки «русский собор». Демохристианин Аксючиц и кадет Астафьев — конгресс «национальных и патриотических сил». Афганский ветеран Котенев — «народно-патриотическую партию». Жириновский под патриотическую риторику электоральным штурмом берет Государственную Думу.

Между тем с берегов Невы расползается «национально-патриотическое движение». Усиливает свою деятельность ортодоксальная «Память» Васильева и все ее модернистские разновидности. Знаменем патриотизма объявляет себя «День» Проханова. Отдельный разговор — о баркашовцах.

Но о патриотизме заговорили и демократы из окружения Ельцина. «Лагерный иврит» в определении Полторанина, русофилия в исполнении Козырева, государственный патриотизм Президента Ельцина... На этой самой патриотической «почве» сегодня можно встретить всех: от бывших коммунистов до монархистов. От фашистов до элиты новой власти. Все пытаются «раскачать народ». Однако широкие слои идут за ними пока что не слишком восторженно. Не странно ли?

Нет. Ибо существует определенное, вырабатывшееся веками отношение к подобным вещам. Такова традиция «поисков спасения» в нашей политической истории. «Русская идея» появлялась на авансцене всякий раз, когда борьба за политический суверенитет требовала массовой самоотверженности, осененной сверхидеей национальной сплоченности против внешних врагов, угнетателей, иноверцев. В этих случаях она бывала очень эффективной: Сергий Радонежский, Козьма Минин, Отечественные войны.

Но вот ведь что странно: когда ту же самую «русскую идею» пытались использовать для решения внутренних проблем, она никак «не работала». Протопоп Аввакум, царевич Алексей Петрович, стоявшие за «святую Русь». Позднее — Николай Второй, вдруг увидевший выход из социально-политических катаклизмов в возвращении к нравам и обычаям царя Алексея Михайловича. Все ставившие на эту идею в решении внутренних проблем почему-то рано или поздно проигрывали.

Всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут.
Петр I

У нас любят дело или ненавидят, смотря не по делу, а по человеку, который его делает.
А. Ордын-Нащокин

Неразговорчивость, леность, пирование и расточительность — суть наши урожденные приметы или четыре первозданные свойства, с которыми мы, кажется, родились.
Ю. Крижанич

Тем не менее ныне эти попытки опять в моде. Похоже, история учит не всех. И самое удивительное: вновь то, что пытаются выдать за идею «национальную» и «патриотическую», на самом деле не является ни тем, ни другим. Это откровенно политическая идея — российская, державная. Именно она расцветала в смутные времена в кругах элиты, озабоченной своим выживанием: идея правящего, господствующего слоя, облаченная в «народную», «патриотическую» упаковку, на которую покупали обездоленных, растерявшихся людей. Так было, так есть. Сегодня, в условиях кризиса, не о народе, а скорее о новом «наряде» на право управления им думают названные и неназванные товарищи-господа. Для того и идет гальванизация «вечной идеи». Но обратимся к самой истории и к признанным историкам нашего Отечества.

Колония Рос-лагена

Советская общественная наука — как известно, «самая передовая в мире» — считала нашими предками мифическое племя «рось» («русь»), которое вроде бы расселялось когда-то давно в окрестностях Киева и именовалось от реки Рось. Ясно, что интернациональной «советской социалистической» империи был нужен подобный миф для обоснования своей «исконности», для укрепления искусственных корней. Это понятно. Как же обстояло дело с точки зрения наших прежних, забитых и растоптанных в советские времена, великих историков? Припадем к источникам. Еще Карамзин в «Истории государства Российского» впрямую задался волнующими ныне многих вопросами: «Мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь Русью, дал отечеству нашему и первых государей, и самое имя». Карамзина, конечно, можно упрекать во многом: в приверженности идее российского самодержавия, романтизированности его монументального труда, но уж никак не в недобросовестности. Все известные в то время источники, как древнеславянские, так и иноземные, были тщательно изучены. Он знал, что говорил и где искал ответы на волновавшие его вопросы.

И поиск был не слишком долгим. Выпишем слова Нестора-летописца о Руси: «Идоша за море к Варягам к Руси...» Далее: «и от тех прозвался Руськая земля, а Новогородци от рода Варяжьска...» По Нестору, имя нынешней России происходит от «Варягов-Руси». И Карамзину ясно: «Несторовы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется Росскою, Roslagen... Финны, имея некогда с Рос-лагеном более сношений, чем с прочими странами Швеции, доныне именуют всех ее жителей вообще Россами...»

И Карамзин не был одинок в своей точке зрения. Спустя время уже Ключевский напишет: «Обширная восточноевропейская равнина, на которой образовалось русское государство, в начале нашей истории не является на всем своем пространстве заселенной тем народом, который доселе делает ее историю». Как это? А очень просто: «История России есть история страны, которая колонизуется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией».

Извинимся за обилие цитат — тема требует строгости. «Но о Руси среди восточных славян в VIII в. совсем не слышно, а в IX и X вв. Русь среди восточных славян — еще не славяне, отличаясь от них, как пришлый и господствующий класс от туземного и подвластного населения». Вот так. Согласно же «Повести временных лет», новгородцы сначала были славянами, а потом стали варягами, как бы «оваряжились» вследствие усиленного наплыва пришельцев из-за моря и естественной ассимиляции. В летописном своде — Начальной летописи

> **У нас все кончается или запрещением, или приказанием. Когда же нам запретят быть хамами и прикажут быть порядочными людьми?**
>
> *П. Вяземский*

> **Нам, русским, не надобен хлеб: мы друг друга едим и от того сыты бываем.**
>
> *А. Волынский*

игумена Сильвестра сказано предельно ясно: «От варягов прозвались Русь, а изначала были славяне; только звались полянами, а говорили по-славянски; звались полянами потому, что в поле сидели...»

Одни «в поле сидели» — поляне. Другие по лесам с кочки на кочку в шкурах бегали — древляне. А с севера надвигались по тем временам достаточно серьезные ребята — скандинавские «ватаги пиратов», как их именовал Ключевский: «быстрые даны» из будущей Дании да отпрыски «свейских курфюрстов» из того же Рос-лагена. Пришли и завладели всем. А потом не возражали против легенды: дескать, местный народ сам их позвал «на княжение» и дал тем самым особый «наряд» на власть. Соловьев писал о Рюриковичах того времени: «Князья считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении целого рода своего».

Короче: захватили выходцы из Рос-лагена, князья-«нарядники», южные и восточные колонии и стали в них княжить. Они и туземцев называли «русскими» — в смысле, подданными. И земли их стали «русскими» —колониями Рос-лагена. Где-то Великая, где-то Малыя, где-то Белыя и протчая, и протчая... но — Русь. В смысле — Рос-лаген.

Так трактуют дело прежние уважаемые историки, заслуживающие безусловного доверия. Разумеется, из этой версии вовсе не следует, что у Руси не было собственной истории. Была, есть и, хочется верить, будет. Прошло определенное время, наступили новые времена, пошли новые ассимиляционные процессы, и варяжские корни стали прочитываться разве что в именах теперь уже русских князей — Игорь, Олег... Но начиналось именно так. И это важнейший момент для понимания того, почему «русская идея» не очень популярна у «русских».

В исторической психологии не то что побежденного, а прибранного к рукам народа остался своего рода психологический комплекс. И «варяги», давно разбившиеся на самостоятельные государства, еще долго оставались противниками этого народа и, главное, его властителей, претендовавших на суверенитет и независимость. Иван Грозный Ливонскую войну проиграл. Петр Первый битву под Полтавой выиграл. И это была победа не только военная и политическая — исторически психологическая. Своего рода национально-освободительное восстание. Если хотите, своеобразный аналог англо-бурской войны. Но все это — гораздо позднее.

Под сенью византийского орла

До поры наместники-«нарядники» Рюриковичи выясняли отношения между собой на «вверенных им территориях». Ссорились и мирились, роднились между собой и с туземным населением, воевали друг друга и соединялись для обороны от иных, восточных колонизаторов — от татаро-монгольского нашествия. Постепенно поняли, что надо укреплять самостоятельность и защищать собственную власть как от тех, так от других. И поскольку ни север, ни восток в поисках какой-то новой идеи никак не манили — враги были именно там, — то повернулись к югу. Это был, так сказать, один из самых первых «бросков на юг».

Переломным для нашей истории стал брак Ивана Третьего с византийской принцессой Софьей Палеолог. Жившая в Риме изгнанница не имела никакого приданого, кроме известной на всю тогдашнюю Европу дородности и редкого титула — наследницы распавшегося византийского царства. Брак этот обозначил коренной политический поворот: Софья перенесла державные права Византии в Москву, как в новый Царьград. В нашем гербе появился византийский двуглавый орел, равно повернутый, но и противостоящий и Западу, и Востоку. Именно тогда возникает идея Москвы как «третьего и последнего Рима», сбрасывается татарское иго (дань) и начинается строительство самостоятельной империи. Тогда Иван Третий и стал «собирателем русских (чужих, варяжско-княжеских) земель» под собственным «патриотическим» верховенством. И одновременно сторонником жесткого (тоталитарного, по-нынешнему) централизма. Он первым отважился показать миру титул «государя» и «царя всея Руси». Слово «царь» тогда отчетливо противостояло слову «вассал». Суверенное государство — колонизаторам. И стал Иван Третий «великим государем», а Москва – главным, если не единственным, системообразующим геополитическим, стратегическим интересом всей вначале все еще Руси, но вскоре уже — России.

Четвертый же Иван, Грозный, пошел еще дальше: он уже изначально «венчался на царство». Так в нашем отечестве утвердился византийский титул и византийский способ правления. Примерно в это время название «Русь» трансформируется в «Россию», а чуть позже Петр принимает титул императора всероссийского. И побеждает шведов, уже окончательно решив вопрос о самостоятельности России — не только политической, но и психологической. С этого момента Русь как колония исчезает; появляется новое государство — держава, уже сама построенная по принципу централизованной, «москва-центрированной» империи. Этакая полузаконная наследница Севера и Юга на костях местного «туземного населения».

Фотографии Виктора Грицюка

> **Недоброжелательство — основная черта русских нравов: в народе оно выражается насмешливостью, в высшем кругу — невниманием и холодностью.**
>
> *А. Пушкин*

Не случайно не так давно историк Гефтер заметил, что нет проблемы «русской государственности» — есть проблема державности. Именно поэтому русский народ всякий раз оказывался своеобразным остовом вненациональной власти. Вот почему и призывы к «патриотизму», и страхи перед «русским патриотическим движением» не находят сегодня широкой аудитории. Внутри России эти проблемы не кажутся самыми острыми.

Есть, конечно, городок Алапаевск, где молодняк с извечным «оружием пролетариата» — подвернувшимся кирпичом — периодически «очищает» город от «лиц кавказской национальности». Были в Москве забастовки таксистов, отказывавшихся возить «кавказских убийц». Но — «русское национальное движение»? Помилуй Бог! Не на обломках ли «Памяти» увидела их издалека и убоялась наша политизированная интеллигенция? Не этот ли страх обеспечивает подписку и выживание газетке из Тушина, а также непрерывную шумиху вокруг известного «русского патриота», сына «папы-юриста и мамы-украинки» господина Жириновского? Похоже, дело обстоит именно так. Оттого имущие власть и стремящиеся к ней и пытаются разыграть данную карту — вдруг козырной окажется?

На обломках бывшей империи начинается новое мифотворчество в конкретных политических целях. Как когда-то давно, освобождаясь от власти Рос-лагена, наши предки, как сегодня и мы, бывшие советские, вновь оказались «постколониальным пространством» — теперь уже в постсоветской колонии. И вновь — те же проблемы у людей, считающих себя принадлежащими к правящей элите: как удержать власть, в какую упаковку завернуть стремление править? Поскольку же ныне принято править народом от его имени, как бы демократически (монархию только пытаются, на уровне идеи, ввести в моду), то упаковку они избирают «национальную» и «патриотическую». Но соответствует ли она самоидентификации большинства населения России?

В поисках «самости»

Так сложилось: у нас все, что не переворот, уже «цивилизованные формы». Сегодня борьба за власть в стране продолжается и в виде острых дискуссий вокруг мифологемы о «русской идее». Дошли до самостийности, и идет соревнование: кто сильнее выразит ее основу, ту самую «самость». Внешне — цивилизованно, на деле — не слишком: отдает спекуляцией. И воззвания к «мужику», и боязнь «великорусского мужицкого войска», «ополчения», собираемого по лесам то ли заблудшим Иваном Сусаниным, то ли Козьмой Мининым. Все это стороны одной и той же медали — слепой уверенности интернациональной по образованию интеллигенции в том, что русская национальная идея то ли спасет, то ли погубит Россию. У разных отрядов этой интеллигенции отношение к данной идее разное. Одни категорически «за», другие радикально «против», но подоплека одна и та же: они верят чуть ли не во всемогущество данной идеи. На деле, к сожалению, все проще. Трагичнее — но в ином смысле: «русские» продолжают оставаться мифическими персонажами в обыденных разговорах, в привычках наших суждений. Если же оценивать строго, то «русские» как единый и целостный этнос, как реальная общность, обладающая единым национально-этническим, а тем более социально-политическим самосознанием, так толком и не сложились. Драматично, но факт: «русские» — общность социокультурная, но не этническая. И само это слово «русские» — никак не этноним. Да и не самоназвание.

Покажите, пожалуйста, этих «русских» — только не надо в качестве аргумента использовать запись в пресловутой пятой графе. И ответьте: мордва — это русские? А, скажем, чуваши? Марийцы? Вообще большая часть «привычно русского» Поволжья? Если «да», то «русские» — это просто своего рода коллективный псевдоним, обозначающий разные, но совместно проживающие народы. Синоним слов «российские» и «советские». Если «нет», то попробуйте сами указать на реальные критерии различения. Ареал проживания? Да он для всех един — та самая «шестая часть земли с названьем кратким...» Язык? Но ведь миллионы людей в мире говорят по-английски, однако никто не считает их англичанами. Антропологические черты? Они общие для миллионов и миллионов славян, но не специфичны для неких отдельных «русских».

В конечном счете большинство национально-этни-

ческих групп в современном мире выделяются на основе национального самосознания — национального характера и психического склада нации, собственной психологической идентификации и признания их самоопределения соседними группами. Если этого естественного выделения нет, то оно подменяется искусственным, идеологическим — мифологемами, необходимыми политикам. И тогда неизбежно возникают казусы типа полуанекдотической записи в энциклопедии: великий русский художник Левитан родился в бедной еврейской семье.

Вспомним известный психолингвистический аргумент: в русском языке все народы обозначаются существительными, и только «русский» идет как прилагательное. Почему? Да потому, что в своем политико-психологическом прошлом наша общность шла не путем четкого выделения себя, а путем прежде всего определения других. Вот так когда-то и появились «немцы» — «не мы», «немые», то есть не говорящие по-нашему. Остальные же из близких соседей, кто изначально, а кто постепенно, с течением времени и расширением собственной государственной колониальной экспансии считались «нашими», «русскими». Через простую физическую принадлежность все к тому же Рос-лагену или, позднее, к освободившейся от него собственной, уже российской империи. По принципу: «Кто не против нас, тот уже поэтому с нами».

Плюс, конечно же, необходимо принять во внимание географические миграции средостения русской государственности: от Москвы до Киевской Руси и далее, «до самых до окраин». Это не могло не размывать собственное этническое самоопределение населения и было крайне удобно политикам. Вначале это эксплуатировалось монархической российской государственностью — в качестве идейно-психологической основы, цементирующей лоскутную имперскую державность. Позднее было воспринято советской империей — на идее «интернационализма», прикрывающей размывание и расширение «русского» самоопределения, держалась державность социалистическая. Старый лозунг был вывернут по идеологической форме, но было сохранено его принципиальное этнопсихологическое содержание: «Кто не с нами, тот против нас». Читай: кто не хочет считать себя державным, тот просто не русский и не россиянин, а так — космополит за «чертой оседлости». Отсюда идефикс Сталина, стремившегося быть именно «русским вождем», и пан-«русизм» всей его политики. Миф, обретающий политические рычаги своего внедрения в жизнь и сознание людей, со временем становится особой квазиреальностью, которая вроде бы даже существует (как брежневская мифологема о «новой исторической общности», говорящей исключительно на русском языке, была реализована в реальной жизни — вот почему сейчас в том же «ближнем зарубежье» считают себя «русскими» не столько собственно русские, сколько именно советские), но при малейшем катаклизме рассыпается из-за отсутствия основания, фундамента, обеспечивающего ее существование. Вот таких реальных оснований у собственно русского национального самосознания, к сожалению, и нет.

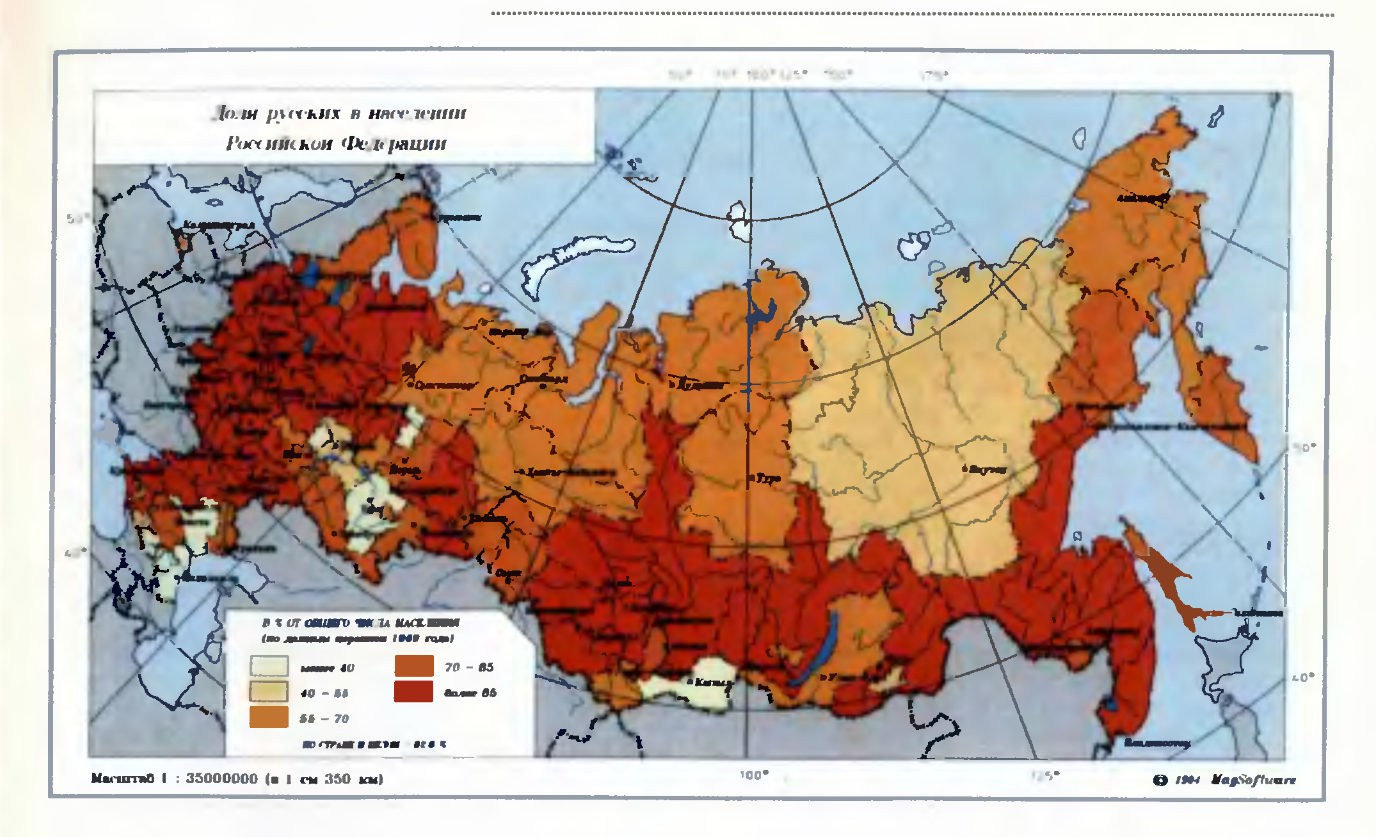
О сути «русского национального движения»

Вопрос даже не в том, «есть» русские или «нет» их. Проблема в ином: прикрываясь заботой о «судьбе России», на «русской идее» пытаются строить свою игру псевдопатриотические социально-политические силы. Используя трудности населения, как бы «жалея» его, под этим соусом хотят поднять антидемократическое движение и привести освобождающихся людей к новой тоталитарной сверхдержаве. Вот эти попытки, являясь назойливо массированными, на фоне разрушения прежней идейной основы жизни и возникновения духовного вакуума все-таки имеют под собой определенную почву.

Однако давайте разбираться. Древняя языческая пракультура была разгромлена византийско-христианским «огнем и мечом». Следы ее с трудом обнаруживаются в народных приметах и обычаях. У истоков нашей классической литературы стоит потомок молдавского господаря князь Антиох Кантемир, а в жилах «великого русского поэта» А. С. Пушкина текла эфиопская кровь. Нет традиций национального политического наследования — кто только не правил нашим народом, от «варяг» и татар до немцев, получивших российский престол через династические браки, и того же грузина Сталина. Вот почему, кстати, нелепо настаивать на реставрации «дома Романовых» — потому что он давно уже не романовский. Нет, наконец, территориально-государственного ядра — не было Русской республики в составе СССР, нет ни в СНГ, ни в нынешней России. Россия без Руси — политический нонсенс, на фоне которого действительно можно бояться всплесков обездоленного «великорусского» (а на деле, не «велико», а элементарно «русского») национального самосознания.

Но еще раз — бояться, к сожалению ли, к счастью ли, нечего. «Русское национальное движение» не имеет под собой соответствующей психологической основы. И потому не надо нагнетать страсти, пугая представителей иных наций и народностей, не надо провоцировать отдельных сторонников «русской идеи» и стимулировать — как знать? — возможные перехлесты русофилии. Это может, в свою очередь, вызвать пвтологическую русофобию. И тогда старая иллюзия-страшилка «русские идут!» запугает нашу страну так, как уже запугала весь мир.

Не пугать надо себя и друг друга, а помогать возрождению русского национального самосознания. Отречемся от старого мира — забудем империю. И начнем по камушку, по кирпичику складывать то, без чего жить нельзя. В Кремле, в «Белом доме», в Государственной Думе и в Совете Федерации многие озабочены проблемой строительства российской государственности, но есть затруднения: с чего начать? Давайте конституируем Русскую республику как центр будущей национальной защищенности и в перспективе межнациональной стабильности всей страны. Не надо гнаться за размерами территории — достаточно иметь такое государственно-территориальное образование хотя бы в качестве символа. Пусть в границах бывшего Великого княжества Московского. А уж потом люди — те же миллионы «русских» — сами решат, что и зачем им нужно. Конституирование этой государственности нужно не в качестве очага «патриотизма», социальной базы не всем понятного русского освободительного движения. Оно крайне необходимо хотя бы для того, чтобы направить сегодняшнюю кризисную энергию людей на созидательные дела. Пусть патриоты реально обустраивают русские земли — это лучше бесплодной борьбы «за идею».

Многое можно сделать, чтобы направить «в мирных целях» потенциально взрывоопасную психоэнергетику апатридов — русских, лишенных психологической родины. Она и впрямь может стать губительной. Только не надо называть этот возможный деструктивный всплеск «перспективами», да еще «русского национального движения». Если оно и будет, то совершенно противоположным — деструктивным движением людей, лишенных национального самоопределения. Бунтом «перемещенных лиц», маргиналов и люмпенов, чьей энергией отчаяния пытаются воспользоваться. Но не надо пугать нас нашей бедой и заранее превращать ее в некую «вину». Как не надо и под видом заботы о «судьбе России» поднимать обездоленных «на бой кровавый, святой и правый». Не надо строить на чужой беде помост для своих политических спектаклей.

Россия была интернациональным государством чуть ли не изначально. А это значит, что сохранить хотя бы относительную ее целостность можно только на интернациональной идее. Национальная, как и любая другая локальная идея, будет лишь усиливать сепаратизм и центробежные тенденции. Значит, нужна определенная национальная опора — в виде права наций и народностей, в том числе русских, на самоопределение и создание необходимых атрибутов самоопределения. Но дело не может сводиться только к этому. Такая опора должна сочетаться с мощной наднациональной, интернациональной идеей, которая только и может удерживать лоскутное государство типа нашего. Какой должна быть эта идея, сегодня еще сказать трудно. Старый, социалистический интернационализм приказал долго жить. Возрождение прежнего, православно-монархического, выглядит жалкой пародией. Исторический реванш за поражение в гражданской войне семидесятилетней давности всерьез невозможен — нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Значит, со временем родится что-то новое. Однако до момента рождения необходимы огромные усилия для того, чтобы предродовые судороги не обернулись несчастьем, не разрушили то единство разных наций и народностей, которое все еще существует в нашей стране.

Процессы разрушения, к сожалению, идут. Это и межнациональные конфликты, и вооруженные столкновения на окраинах былой империи. Главное — идет разрушение в сознании людей. И при всей непродуктивности национальной идеи — как знать? — на какой-то момент она вдруг может возобладать. С заведомо бесперспективным финалом, она может-таки взорваться видимостью решения проблем. Тогда даже господин Жириновский покажется вполне цивилизованным политиком. Тогда мы станем свидетелями самого страшного — бескрайнего, без рамок и ограничений, национал-популизма.

Истоки популизма

Вспомним: популизм — не просто ругательное слово. Оно происходит от слова «народ». И обычно употребляется для обозначения достаточно широкого, действительно массового сопротивления слишком резким, поспешным преобразованиям определенного типа. Это мощный, хотя и не всегда внятный голос опреде-

ленных слоев, желающих сказать о своих бедах и услышать себя. Конечно, голос усиливается рупорами — на волне массового популизма обычно взлетают отдельные популисты-политики и «дизайнеры»-идеологи, появляются харизматические «вожди» и «свита». Но сила их — не в собственных речах и действиях, а в волне, которая их «несет». Они могут лишь попытаться, лучше или хуже, «оседлать» и политически «оформить» ее.

> **Удивителен русский народ, но удивителен только еще в возможности. В действительности он низок, ужасен и скотен. Что можно из него сделать?**
> *М. Погодин*

Популизм в качестве идейного и общественного движения, как правило, расцветал в странах и регионах «западавшего», сравнительно неразвитого капитализма — в преимущественно крестьянских по составу колониальных, зависимых или просто отсталых странах в те моменты, когда они вовлекались в сферу капиталистических отношений. Во многом это был неизбежный спутник периода первоначального накопления капитала, ломки старых и утверждения новых общественных отношений. К сожалению, это наш сегодняшний, а может быть, и завтрашний день.

Хотим мы этого или не хотим, но развитие капитализма протекает обычно противоречиво и неравномерно. Можно проснуться однажды знаменитым, но нельзя в одночасье стать рыночником, оказаться в развитом, «светлом капиталистическом будущем». Форсированный кризис прежнего производства — когда-то крестьянских хозяйств, ремесленников, в ныне бывших социалистических госпредприятий, колхозов и совхозов — порождает бездну проблем для людей. Нарастает безработица, возникает гигантская «резервная армия труда». Рушатся устаревшие представления о жизни, привычные нормы и ценности, эталонные «образцы поведения». Люди, которых с детства учили «делать жизнь» непременно «с товарища Дзержинского» и с «пионеров-героев» типа Павлика Морозова, не могут в одночасье начать делать ее «с господина Борового» или с бойскаутов, молодых «героев капиталистического труда».

«Импортируемый капитализм (равно как и стимулируемый им капитализм национальный) ... не может обеспечить занятость населения, а распад традиционных секторов хозяйства подрывает его собственный внутренний рынок» — так писал старый энциклопедический словарь о «третьем мире», но сегодня ясно: и о нас тоже. На глазах разрушается прежняя социальная структура общества, рвутся привычные связи. Падает производство. На пороге массовая безработица. Люди из прежнего, определенного, положения попадают в неопределенное, как бы промежуточное: становятся «маргиналами», со «столбовой дороги» съезжают на обочину жизни, теряют прежний смысл своего существования.

Одни принимают это смиренно, с готовностью, с вопросом из того старого анекдота: «А веревку с собой приносить?» Другие озабочены поиском нового смысла. Однако быстро получается не у всех. И тогда те, у которых не получается, начинают бороться. За сохранение старого смысла, за «разоблачение» нового. В идеологии популизма обычно преобладает критика капитализма, его разрушительных последствий для прежнего образа жизни и «национальных социокультурных традиций». В качестве противовеса выдвигается идея «сохранения народа» как «особого социально-культурного слоя», который «распадается под натиском космополитических капиталистических отношений», но который должен быть сохранен и укреплен для «национальных целей всестороннего развития». У людей срабатывают защитные механизмы сознания: охраняя его, они тормозят перемены, сдерживают их, ищут компромиссные формы. Если они не находятся, возникает агрессивное сопротивление. И тогда на политическую авансцену выходит озлобленный, доведенный до крайности и — не дай Бог! — просто голодный маргинал-люмпен. В очереди за кружкой пива, на митинге он находит себе вождя, а потом голосует за очередного Жириновского или Баркашова. А вождь такого типа уже «именем народа» способен почти на все.

Уроки демократии

Извечный вопрос: что делать? Помнить о простых вещах. Свобода — не просто лозунг. Демократия — не самоназвание очередной власти. Они становятся необратимыми, лишь когда прорастают в сознании людей, превращаются во внутренние ценности и определяют повседневные, бытовые взаимоотношения людей. Когда это закрепляется в новых поколениях граждан. Вот тогда это действительно «новые общественные отношения», глубинная основа нового общества. Пока же свободная личность, самостоятельное и самодеятельное индивидуальное «Я» не стали ценностями, популистское «Мы» еще долго будет готово к реваншу. Опасность для нынешних реформ идет не столько от былой номенклатуры, сколько от популистской массовой психологии. Значит, не поиск врагов и даже не макроэкономика являются самыми главными проблемами. А целенаправленное формирование цепочки: частная собственность — независимый гражданин — гражданское общество — правовое государство.

Залог стратегического успеха демократических реформ спрятан не в Кремле, не в «Белом доме». И не на производстве. Он не столько в политике или в экономике, сколько — пусть это будет неожиданным — в школе. Упускаем время — сразу после августовского путча нужно было ввести Уроки Демократии. После принятия российского Основного Закона следует восстановить Уроки Конституции. Были когда-то такие, но изучали на них сталинский «основной закон». Усатый знал, что и как делать, закрепляя массовое популистское тоталитарное сознание. Значит, должны знать, что делать, вытесняя его, и те, кто именуют себя реформаторами. Надо же в конце концов попробовать понять Россию умом.

Дом Премудрости Божией

Виктория ГОРШКОВА

Софийский собор. Вид со стороны апсид.

В предыдущих материалах рубрики мы познакомили читателя со стилистическими особенностями древнерусской иконы: композицией, соотношением цвета и света, семантикой жестов и атрибутов, с философией пространства и времени, свойственной средневековой культуре. Продолжая раздел «Иконописная мастерская», мы предполагаем опубликовать серию материалов о том, как запечатлелось в древнерусском искусстве мировоззрение эпохи, с чем связан, к примеру, московский «культ» Божией Матери и владимиро-суздальский — Андрея Боголюбского. А начинается этот разговор рассказом о фресках и мозаиках знаменитой Софии Киевской.

София Киевская — славная память времен Ярослава Мудрого. Собор был построен по заказу Ярослава в 1037—1045 годах. Само посвящение храма Софии Премудрости Божией демонстрировало величие древнерусского государства, соперничавшего с блистательной Византией. Ведь главная святыня Константинополя тоже была посвящена Софии.

Софийский храм был построен на месте победы Ярослава над печенегами в 1036 году. Для Киевской Руси это было важнейшее политическое событие, так как печенеги были грозными врагами и победа над ними укрепила древнерусское государство.

София Киевская строилась и украшалась в тот период, когда христианская вера и интеллектуальная культура в русском сознании отождествлялись, а новизна приобщения к новой системе мировидения рождала восторг и удивление Вселенной. Светлый взгляд на мир, восхищение окружающим, открытие значительности человека в мире — этим пафосом пронизана русская культура XI века. Софийские церкви в Киеве, Новгороде (1045—1050), Полоцке (середина XI века) знаменовали для новообращенных народов победу христианства над язычеством и нисхождение в их среду Премудрости Божией. Действительно, современники Ярослава Мудрого и митрополита Илариона остро ощущали просветительскую сторону

2 Родина 1994/6

христианизации Руси. «Для тех, кто переходил... к незримому Богу... от культа Перуна и Велеса, вера принимала прежде всего облик грамотности, книжности, любомудрия — любви к Премудрости Софии»[1]. Учитывая это, по-новому следует осмыслить и то, почему киевского князя прозвали Мудрым. Этот почетный титул означал в то время приобщенность к христианству, Божественной Мудрости, святоотеческой книжности.

Строительство Софии Киевской было частью большой государственной программы возвеличения Киевской Руси и ее столицы. Уже для современников Киев был соперником Константинополя. По свидетельству поляков, побывавших в Киеве в 1018—1019 годах, «в городе более 400 церквей, 8 торговых площадей и необычное скопление народа»[2].

Для строительства храма, который должен был стать и центром русской митрополии, были приглашены греческие мастера, обладавшие опытом крупного каменного строительства. Мастера константинопольской архитектурной школы были поставлены перед необходимостью создать в грандиозном соборе с запада широкие хоры — второй ярус, где должен был находиться во время богослужения великий князь. Там он вместе с членами своей семьи и ближайшим окружением принимал причастие. Необходимость осветить хоры, сделать их торжественными залами — одна из причин 13-главия Софии Киевской. Подчиненная условиям местного заказа, Софийская церковь стала самым крупным собором византийской архитектуры XI века. Ее площадь с внешними галереями — 2310 кв.м.

Храм был построен из тонкого кирпича — плинфы — и булыжников, утопленных в цементном растворе. Таким образом, кладка стен была полосатой, серо-розовой. А поскольку стены не были оштукатурены, по внешнему виду София практически ничем не отличалась от византийских церквей.

Особенность внутреннего убранства храма — соединение мозаик и фресок, незнакомое византийской традиции. Мозаиками покрыты наиболее важные по смыслу части интерьера: центральный купол и его барабан, верхняя часть восточных столпов и восточная алтарная стена.

Богоматерь Оранта. Мозаика. Софийский собор. Киев. XI в.

Мозаиками украшены изогнутые плоскости. Благодаря этому мозаичные кубики дольше сохраняются и не осыпаются; кроме того, достигается интенсивное мерцание выложенных под разными углами кубиков.

Все мозаичные изображения созданы на золотом фоне, излучающем сияние. Благодаря подвижности световых рефлексов мозаичные фигуры святых кажутся вибрирующими: они то удаляются, то приближаются к молящемуся. Этот эффект должен был усиливаться во время богослужений, когда к куполу поднимался дым от кадила и струился теплый воздух свечей.

Исследователи различают руку восьми мозаичистов, работавших в Софии. Вероятно, старшему мастеру, руководителю артели, принадлежит самое крупное (5 м 45 см) и самое значительное по смыслу изображение Богоматери Оранты[3] в конхе (верхней части) центральной апсиды. Фигура Богоматери господствует в интерьере храма. Она, кажется, парит в золотой стихии света, торжественно являясь любому входящему. Богоматерь представлена в позе моления — с поднятыми вверх руками. Этот древний жест, как отмечал С. С. Аверинцев, напоминает молитву Моисея в битве израильтян с амалекитянами. Пока упорным усилием воли Моисей удерживал руки в поднятом положении, побеждали израильтяне, а когда руки пророка бессильно падали — верх брали их враги.

И молитва Оранты — это не сентиментальное, слезное обращение к Божеству. Это «духовная брань», многотрудное предстояние «за други своя». Начальные слова акафиста[4]: «Взбранной воеводе победительная» — как нельзя более точно подходят к этому образу. Приземистая, устойчивая фигура Девы Марии, ее лик с крупными тяжеловатыми чертами создают образ воински непреклонный, сильный и цельный. Не случайно киевляне называли ее «нерушимой стеной», а митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» проводил аналогию между Богородицей и Киевом: «Да еже целование Архангел даст Девици, будет и граду сему. К оной бо: радуйся, обрадованне, Господь с Тобою! к граду же: радуйся, благоверный граде, Господь с тобою!» Богородица воспевалась как «градодержица», «царству нерушимая стена», «церкви несокрушимый столп».

Но и государство, и город, и храм строятся по определенным законам, а их назначение — оберегать и охранять людей. Эти законы — проявление Премудрости Божией, средоточием и носительницей которой является Богоматерь. Так, для Ярослава (Мудрого!) и его современников символ Софии был тесно связан с образами Девы Марии, церкви и священной христианской державы.

Наиболее талантливому мастеру-мозаичисту приписывают фигуры святительского чина. Святители представлены в рост, в нижнем регистре стены в алтаре, так как они считались создателями литургии — церковной службы. Одаренный рисовальщик, колорист и глубокий мыслитель, мастер святительского чина создал одухотворенные и приподнятые образы. Одного из них — Иоанна Златоуста — В. Н. Лазарев считал «подлинным шедевром портретной характеристики»[5]. Сила воли и фанатизм, подвижничество и аскетизм, незаурядный интеллект и пафос учительства слились в этом образе воедино.

Мозаичисты использовали кубики смальты[6], сланцев и известняков разного размера в зависимости от желаемого художественного эффекта. На фигуре Богоматери, крупной и удаленной от зрителя, на 1 кв.дм поверхности насчитывается 178—205 кубиков, а на лике Иоанна Златоуста, расположенного на уровне человеческого роста, — до 500 кубиков. Необычно и колористическое богатство Софийских мозаик: 143 тональных оттенка да еще 25 оттенков золотых и серебряных смальт!

Фрески Софии Киевской занимают основную площадь храмового интерьера. Наряду с традиционными изображениями праздников и житийных сцен, на стенах и столпах — обилие отдельно стоящих фигур святых. Фрески сохранились хуже, чем мозаики. И самая печальная утрата — фрески с изображением семейства Ярослава Мудрого. Эта композиция была представлена на торжественном и видном месте: южной, западной и северной стенах центрального помещения храма, непосредственно под хорами. Можно представить чувства современников, находившихся в храме внизу и видевших одновременно и живого князя с его семейством, вознесенного хорами, и его изображение в предстоянии Христу, бывшее своеобразным пьедесталом хоров.

Остатки фрески были искажены переделками XVII—XVIII веков, а также реставрацией XIX века, которая понималась тогда как поновление. Так, четыре мужские княжеские фигуры на южной стене, раскрытые из-под масляной живописи в 1843 году, переписали в изображения Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Остатки княжеских шапок с меховой опушкой, плохо сохранившиеся, переделали в белые платочки. Позже это изображение широко вошло в литературу как «дочери Ярослава Мудрого». А между тем в подобных ктиторских[7] композициях XI века мужчины изображались справа от Христа, а женщины слева. В храмах, также по традиции, мужчины располагались вдоль южной стены (справа от входа в храм), женщины — вдоль северной. Сравнение остатков фрески с рисунками Абрагама ван Вестерфельда (1651)[8] и академика Ф. Г. Солнцева (1843)[9], выполненными до переделки фигур, а также современные технические средства исследования позволяют определенно сказать: на южной стене, то есть справа от Христа, в ктиторской композиции были изображены князь Ярослав и его сыновья: Владимир, Изяслав (со свечами), Святослав и Всеволод. Свечи выделяют главных наследников киевского князя: Владимир княжил в Новгороде еще при жизни Ярослава, а Изяслав — после смерти отца и брата, «предержащу обе власти и отца своего Ярослава, и брата своего Володимира». По реконструкции украинского исследователя С. А. Высоцкого, по сторонам Христа в центре могли быть изображены, кроме того, князь Владимир и княгиня Ольга. Прославление их деятельности — одно из ярких мест «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона: «Ты же с бабою своею Ольгою принесоша крест от... Константинаграда по всей земли своей поставивша утвердиста веру». Особенно выразительно сравнение Владимира — крестителя Руси с апостолами: «Радуйся, во владыках апостоле...»

Мозаика XI в. «Евхаристия». Фрагмент. Главный алтарь.

За Ольгой, возглавлявшей шествие женской половины семьи Ярослава, должны были следовать Ингигерд (Ирина), его супруга, и дочери Анна, Елизавета, Анастасия.

Яркие судьбы Анны и Елизаветы до сих пор будоражат воображение.

Я город Мессину в разор разорил,
Разграбил поморья Царьграда,
Ладьи жемчугом по края нагрузил,
А тканей и мерить не надо!
Прибрежья, где черный мой флаг
прошумел,
Сицилия, Понт и Эллада
Вовек не забудут Гаральдовых дел,
Набегов Гаральда Гардрада!

Эти рыцарско-романтические стихи в вольном переложении А. К. Толстого были написаны норвежским викингом Гаральдом, долго добивавшимся руки Елизаветы и сделавшим таки ее норвежской королевой.

А Анна! В ее жизни как бы все из приключенческого романа. И старый неграмотный муж — французский король Генрих I, и регентство вдовой французской королевы — «Анны регины» — при малолетнем сыне Филиппе, и похищение влюбленным графом Раулем де Крепи, и проклятие римского папы (ведь граф был женат), и счастливый брак, несмотря на проклятие...

И эти княжеские дочери, еще не ведая своих судеб, присутствовали в Софии Киевской на богослужениях, поднимаясь на хоры вместе с матерью по лестнице в отведенной им северной башне.

А мужская часть семейства Ярослава поднималась по лестнице внутри южной башни. Фрески этих башен с их светскими изображениями достаточно хорошо известны. Но вот сравнительно недавно украинские исследователи установили, что во фреске «Скоморохи» представлены не просто музыканты, а придворный оркестр византийского императора! Изображенные здесь органист (с двумя помощниками, качающими меха) и флейтист ведут основную мелодию; ритмическую основу ансамбля (исполнители на тарелках, колоколах и барабанах, трубачи) обеспечивали фоновые звуки; музыканты, играющие на лютне и лире, могли и солировать, и аккомпанировать. Оркестр, изображенный на фреске лестничной башни Софии Киевской, — один из самых больших в средневековье. Чтобы добиться его слаженного звучания, музыканты должны были иметь высокую профессиональную подготовку. Такие оркестры были и при дворах киевских князей, свидетельствуя о высоком уровне музыкальной культуры Киевской Руси.

...Храмы, по мысли Феодосия Печерского, созданы в прославление людей: «На честь бо нам столпы суть и стены церковные, а не на бещестие». София Киевская навсегда

прославила и обессмертила своих создателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской //Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 43.
2. Цит. по: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. М., 1982. С. 410—411.
3. Оранта — молящаяся.
4. Акафист — песнопение в честь Богоматери, исполняемое стоя.
5. Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960. С. 118.
6. Смальта — цветное непрозрачное стекло.
7. Ктиторская композиция — изображение заказчика храма, фрески, иконы, рукописи в предстоянии Христу, реже — Богоматери.
8. Абрагам ван Вестерфельд — придворный художник польско-литовского гетмана Януша Радзивилла, войско которого в 1651 г. временно захватило Киев. Его рисунки в копиях XVIII в. были открыты в 1904 г.
9. Ф. Г. Солнцев (1801—1892), академик. Художник, археолог, реставратор.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987.
2. Высоцкий С. А. Ктиторская фреска Ярослава Мудрого в Киевской Софии.//Древнерусское искусство. Художественная культура X—первой половины XIII в. М., 1988. С. 120—134.
3. Тоцкая И. Ф., Заярузный А. М. Музыканты на фреске «Скоморохи» в Софии Киевской.//Там же. С. 143—155.
4. Лихачев Д. С. Стилеформирующая доминанта древнерусского домонгольского искусства и литературы.//Средневековая Русь. М., 1976. С. 131—134.
5. София Киевская. Сост. Г. Н. Логвин. Киев, 1971.

«Троица»

МАСТЕРА

ОСЕЛОК, ЗАОСТРЯЮЩИЙ ДАРОВАНИЕ

Борис и Глеб

Святая Ольга

...Еще совсем недавно скульптор из подмосковного города Хотьково Саша Савин работал достаточно «традиционно»: фигуры, портреты, памятники; камень, дерево, кость, металл. Заказы были, на выставках его работы замечали и отмечали — в общем, как многие вокруг сорокалетние, он «ходил» в перспективных, хотя уже довольно долго. И вдруг!..

Впрочем, конечно же, не вдруг: резьба по дереву и камню старинных русских мастеров уже давно привлекала А. Савина. Тем более что в Абрамцевском художественно-промышленном училище, которое он окончил как керамист, «костянщики» учатся и работают очень серьезно. А ведь Абрамцево здесь же, в городской черте Хотьково, расположено. И не одно поколение выпускников АХПУ осело после окончания учебы здесь, в этом городе художников: прикладники, скульпторы, живописцы. Все — однокашники, все знакомы, смотрят работы, учатся и учат друг друга. И вываривается в этом волшебном котле нечто ни на что не похожее, что современные искусствоведы все чаще называют в последнее время «хотьковским стилем».

А совсем рядом Сергиев Посад, Троицкая лавра — крупнейший заказчик и вдохновитель многих хотьковских художников. Да и их собственный город хоть и в тени Сергиева, но тоже славен: здесь поблизости сам Радонеж, откуда родом Сергий, а в Покровском монастыре, что сверкает куполами на солнце справа от дороги, находится рака родителей преподобного, Кирилла и Марии, резную деревянную сень к которой изготовил недавно Александр. Так что православное искусство недаром так расцвело здесь в последние годы, мирно уживаясь, впрочем, с вполне светским и даже откровенно «рыночным», «арбатским».

Который уже год стоит в мастерской А. Савина неоконченный портрет еще одного знаменитого «хотьковита» — прекрасного русского прозаика Юрия Казакова: Александр весь ушел в сложную и кропотливую миниатюрную резьбу по камню, кости и дереву. Сначала сделал по заказу настоятеля Валаамского монастыря отца Андроника Трубачева искуснейшую деревянную шкатулку-мощевик, в которой братия монастыря преподнесла Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию II в день его тезоименитства в 1992 году частицу вновь обретенных в конце 1991-го на Валааме честных мощей преподобного Антипа.

Это — целая поэма в дереве: подобно белокаменным русским храмам, вся она с избыточной вроде пышностью убрана узорочьем орнамента. Но природное благородство материала и там и тут делает свое дело: не дает буйному мастерству художника перейти ту неуловимую границу, за которой кончается истинный вкус...

Оправа для зеркала.

Шкатулка - мощевик.

За ларцом пошли вещи еще более великолепные: миниатюрные резные иконы, рассмотреть которые как следует (а уж тем более вырезать!) можно только с помощью огромной линзы. Конечно, жанр этот в православном искусстве не новый, но Александр Савин нашел в нем свое, уникальное сочетание древнерусского канона и неизбежно присутствующего в работах художника конца XX века опыта всего предшествующего искусства иконописи, резьбы, скульптуры.

И канон, оказывается, ничуть не мешает настоящему мастеру — напротив, выручает его сплошь и рядом. Сейчас Александру даже поверить трудно, что совсем еще недавно лепил он, рубил и резал на собственный страх и риск, доверяя целиком лишь руке и глазу. Правда, художник признается, что уже лет 15 мучился этим, постепенно начиная понимать: не так работают люди, не туда идут, зря так слепо следуют западной традиции, есть ведь и своя. Так постепенно пришел А. Савин к канону, а когда наконец припал к нему — все сразу на свои места стало. Открывает Александр книгу и читает из Павла Флоренского: «Трудные канонические формы во всех областях искусства всегда были тем оселком, на котором ломались ничтожества и заострялись настоящие дарования».

Похоже, у него, Александра Савина, появилось настоящее. По крайней мере, к его последним резным иконам — «Троице», «Святой Ольге», «Борису и Глебу», панагии «Знамение» — слова П. Флоренского относятся в полной мере. В их основе — сразу два канона: традиция русской резьбы по дереву и всемирно известные древнерусские иконы. Непросто определить, в каких отношениях с «оригиналом» находятся работы Александра Савина — ближе всего подходит, наверное, аналогия с литературным переводом или сценической постановкой прозы. И там и тут создается вроде бы то же самое, но совсем на другом языке — узнаваемое и в то же время совершенно другое. Судите сами: савинские миниатюры, во-первых, в десятки раз меньше «настоящих» икон, во-вторых, они одноцветные, причем белые, а главное — не лежат на плоскости, а располагаются в пространстве. Но вот чудо: узнаешь и Троицу, и псковскую икону Бориса и Глеба — хотя Александр и добавил к ней «недостающую» доску — уже по их скульптурным композиционным меркам.

И еще одно чудо: несмотря на миниатюрные размеры, работы художника не просто смотрят на нас, а словно бы обнимают зрителя, охватывают его со всех сторон. Это, по утверждению Александра Савина, главное качество русского рельефа, в отличие, скажем, от западноевропейского, менее «активного» во взаимодействии со зрителем. Как это достигается? Конечно же, художник, как и всякий мастер, умеет хранить секреты своего искусства. А нам остается только любоваться и восхищаться творениями его рук и величием традиции, с молитвенной благодарностью воспринятой нашим современником.

ПУТЬ

УРОКИ ИСТОРИИ: ИМПЕРИЯ — ЭТО ДОРОГИ

«БОЙ ПОД КОВРОМ» У ЦАРСКОГО ТРОНА

СУДЬБА РЕФОРМ И РЕФОРМАТОРОВ В РОССИИ

Чему учит история?

Солдаты мвродерствуют. XIV век. Иллюстрации «History Today». Лондон. «Русское государство».

К началу 90-х годов наша историческая наука существенно изменилась. Распалась принудительная связь времен, воплощенная в «классовом подходе» и «общественно-экономических формациях». Единого монолита общенациональной исторической науки уже не будет никогда. На месте развалин должны появиться различные исторические школы, представители которых в спорах будут приближать нас к адекватному восприятию прошлого.

Журнал «Родина» пишет в основном об отечественной истории, но на этот раз мы намеренно обратились к специалистам, занимающимся историей мировой цивилизации. В беседе участвовали: доктор исторических наук, профессор, проректор Российского государственного гуманитарного университета НАТАЛИЯ ИВАНОВНА БАСОВСКАЯ и доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА УКОЛОВА.

Мы предлагаем вниманию читателей диалог двух известных историков. Главный вопрос, который обсуждали собеседники, предельно прост: что такое история и учит ли она чему-нибудь? Правильна ли знаменитая латинская фраза: Historia est magistra vitae (история — учительница жизни)?

Королевство кривых зеркал

Н. Б. Многим поколениям советских людей внушали, что мы изучаем историю для того, чтобы лучше понять настоящее и моделировать, прогнозировать будущее. Это настолько прочно засело в нашем сознании, что на недавнем историческом переломе люди прежде всего закричали: «Откройте архивы! Расскажите нам всю правду!» И в подсознании у большинства покоилось убеждение, что это нас научит, мы увидим свои ошибки и дальше уже будем знать, где не упасть и не споткнуться. Это очень трогательная, но наивная постановка вопроса. На самом деле история н и ч е м у н е у ч и т. Если бы она учила, мы были бы не здесь, не такими, не в таких обстоятельствах.

Так что же такое история и почему она существует? Как мне кажется, история — это з е р к а л о. Борьба за открытые архивы — это борьба за чистоту зеркала. Мы провели очень много лет в королевстве кривых зеркал. Там плохо и противно. Я никогда не любила комнату смеха в парке Горького, потому что всякая ложь раздражает. Правды хочется!

В чем же цель истории? Вспомним, что писал Пушкин Василию Андреевичу Жуковскому: «Ты спрашиваешь меня, в чем цель поэзии? Цель поэзии — поэзия». Так вот я полагаю, что цель истории — история. Это органическое свойство человека (с тех пор, как он стал человеком) — знать свое прошлое. Откуда мы? Кто мы? Почему мы такие? В чем наши корни? Какую дорогу мы прошли? Это область человеческой интеллектуальной деятельности, которая так же естественна, как дышать.

В. У. *Наталья Ивановна только что почти повторила мысль гностика Феодота, который говорил, что нужно знать: кто мы, кем стали, где мы, куда заброшены, куда стремимся и т. д.? Феодот — сложный мыслитель, даже на фоне философии своего направления, но его никогда не интересовала история, ни один факт ее не волновал его душу. Однако это не помешало ему сформулировать столь «исторические» вопросы: все мы живем во времени и иначе смотреть на себя и на мир не можем.*

Н. Б. История отвечает на потребности человеческой натуры. Человек очень лестно сам себя назвал — homo sapiens, но у него действительно есть реальное свойство, отличающее его от животных, — анализировать, размышлять. И есть неотвратимое последствие этого свойства — человек подобен жене Лота, которая не могла не оглянуться, даже под угрозой превращения в соляной столб. Человечество всегда оглядывалось назад и будет оглядываться. Необходимо, чтобы дорогу, пройденную нами, не перегораживали сознательно, чтобы свет включили, и человек по своим способностям сколько может, столько в ней и поймет, другие поколения поймут что-то еще и т. д. Ведь сколько было тиранов, которые хотели отменить историю! Тираны историю ненавидели. Иван Грозный редактировал историю своего царствования, как ему хотелось. Уже в Древнем Египте фараона Эхнатона хотели вообще вычеркнуть из истории...

В. У. *Впервые так четко концепцию истории как зеркала сформулировал некий прелестный грекоримский писатель, весельчак и фантазер Лукиан. Он сочинил наставление «Как надо писать историю», где указывал: «Пусть разум уподобится зеркалу, чистому и блестящему, точному по центру, и каким оно восприняло образы вещей, таким пусть и покажет, не исказив в форме и цвете».*

— Несколько лет назад и у нас пытались почистить зеркало и изобрели при этом немало оригинальных терминов. Например, «белые пятна» истории. А существуют ли они вообще?

Н. Б. Когда еще только начиналась перестройка, многие люди хорошо представляли себе, что они живут в королевстве кривых зеркал, которые выдуваются специально, по заказу. И весь этот вопль о «белых пятнах» истории означал только то, что из нашей большой комнаты смеха, в которой мы все жили, решили первым делом вынести наиболее кривые зеркала (стеклышки-то были разные).

В. У. *Когда в обществе происходят «эпохальные» перемены, всегда кажется, что все прошлое было искажено и понималось неправильно. При этом меняется само «зеркало» или «система зеркал» — меняются люди, всматривающиеся в историю. Так было всегда. Когда после нескольких веков гонений со стороны государства христианство «почуествовало вкус победы» и стало превращаться в официальную религию Римской империи, христианские писатели и мыслители обрушили свой гнев на «грязную и кровавую» римскую историю. Великая книга св. Августина «О граде Божием» — это не только грандиозная христианская утопия о Царстве небесном и пути к нему, но и пламенное разоблачение «страшного» римского прошлого. Через тысячу лет, на заре Возрождения, итальянским гуманистам прошлое Рима, напротив, покажется прекрасным и светлым, а христианское средневековье — темным и варварским. Они ведь и изобрели этот в общем-то уничижительный термин «средний век» — безвременье между «великолепной» античностью и своей эпохой.*

Новое «присвоение» прошлого происходит подобно имущественному перераспределению. После Никейского собора (325), когда христианство вступает в союз с Римским государством, церковь потребовала от императоров передачи всех языческих храмов христианам. Одновременно христианскому духовенству передаются государственные субсидии, ранее отпускавшиеся коллегиям языческих жрецов, авгуров, весталок.

— Из Думы делают музей, а потом из музея — думу.

В. У. *Очень похожая картина. Нам кажется, что это наше изобретение, когда каждый следующий правитель или руководитель оплевывает предыдущего. В Риме вообще подошли к этому очень просто: был известный обычай «осуждения памяти», согласно которому каждый новый император мог «законно» оплевывать своего предшественника, уничтожать его статуи и скульптурные портреты. Правда, если император держался на троне всего три дня (и такое случалось в римской истории), он не успевал...*

Н. Б. А что сделали египтяне, когда предали анафеме Эхнатона? Они не поленились забить его имя на всех надписях. Каменотесы трудились не покладая рук. А новую дивную столицу Ахетатон всем жителям предписано было покинуть молниеносно. Бла-

годаря всем этим попыткам вычеркнуть строптивца из истории мы знаем об Эхнатоне больше, чем о любом другом фараоне: пески накрыли покинутый город и сохранили его для потомков.

Царица Хатшепсут, известная красавица, 22 года не пускала на престол своего пасынка Тутмоса III. Когда она наконец скончалась, Тутмос первым делом распорядился уничтожить все ее изображения и все надписи в ее честь. Так что Россия совсем уж не такая уникальная страна, как ее подчас старательно изображают.

— Учит ли нас зеркало чему-нибудь напрямую?

Н. Б. Разве что в сказке Пушкина, да и то не учит, а говорит какие-то неприятные вещи. На обложке американского журнала «Speculum» помещен характерный образ — рука, держащая зеркало. Когда человек смотрится в зеркало, происходит процесс самоанализа. Человек сам решит, что ему с собой сделать. Никакого прямого обличения зеркало не дает, не говорит: «Пойди сделай то-то» и т. д.

В. У. *История никогда не может быть прямым отражением, она может быть либо отражением отражения, либо множественностью отражений, в которых человек пытается найти точку опоры.*

Н. Б. Естественная поправка на несовершенство нашего знания сохранится всегда, и абсолютно адекватно историю мы никогда не узнаем. Приближение, максимально возможное уточнение уже накопленных до нас знаний и составляет процесс настоящего познания истории.

В. У. *Мы привычно думаем, что история — это течение событий, совокупность исторических фактов, то, что свершается реально. Но реальность ведь многомерна, и то, что выплескивается в виде зафиксированных историками событий, иногда является только внешней формой процесса, который может находиться даже в странном, на первый взгляд, противоречии с самими этими событиями. Каждому поколению прошлое видится по-новому, ибо, как полагали древние, «времена меняются, и мы меняемся в них». Естественно, что современник, будь он человеком весьма осведомленным или даже гениальным провидцем, не в состоянии дать всеобъемлющую, адекватную оценку какого-либо события. Он не может даже изложить его так, чтобы мы с течением веков сказали: да, так было.*

Реальность истории — вещь, о которой многие мечтают, но достичь не может никто. Ибо история — это всегда множество реальностей, совмещенных, но не совпадающих. Историческое событие — не точка и даже не круг на плоскости. Это призма со множеством граней.

Н. Б. Об этом хорошо написал Арнольд Тойнби: он сравнивал взгляд человека, наблюдающего за каким-либо сражением с холма, с огромной горы, и непосредственного участника битвы, который зачастую не видит ничего, кроме копыт вражеского коня. Последнее время мы со студентами все пытаемся найти геометрическую фигуру, которой можно было бы выразить течение истории. Раньше, особенно в Советском Союзе, все было очень просто: лесенка из пяти ступенек (теория общественно-экономических формаций), и человечество бодро, стройно, построившись в ряды, перешагивало с одной на другую. В тридцатые годы это назвали пятичленкой (тогдашние простодушные люди не придавали этому слову иного смысла). У Гегеля тоже была своя очень простая фигура — спираль, указывавшая направленность движения. Направленность движения была ясна: вперед и вверх (в тех или иных вариантах).

В. У. *«Линейное» представление об истории прочно вошло в европейское сознание из христианства. Согласно христианскому учению, протяженная во времени история имеет определенные «смысловые» этапы и отражает высший божественный смысл. Отсюда — при признании всего «ужаса» истории — вера в то, что закончится она после Страшного суда торжеством высшей справедливости, царствием небесным. С этих позиций каждая последующая эпоха всегда «лучше» предыдущей; это новый шаг на пути к спасению Богом человека. Гегель лишь облек такое понимание истории в философскую терминологию.*

Н. Б. На пятой ступеньке все заканчивалось, там была конечная остановка. Между тем древние давным-давно употребляли выражение «река жизни», к которому теперь многие ведущие исторические школы возвращаются все чаще и чаще. (Как мне кажется, школа «Анналов» вернулась имеенно к этому.) Идея «вертикального прогресса», заложенная еще в XVIII веке, теперь подвергается все большему сомнению. Мы начинаем понимать, что картина движения истории может быть различной, ее можно по-разному понимать.

В. У. *Мне кажется, что мы сегодня присутствуем при завершении тех процессов, которые начались в эпоху Просвещения. Именно тогда овладела умами идея, согласно которой при помощи разума можно преобразить мир. Мир можно выразить в слове, создать Энциклопедию, где все будет исчислено, выстроено, закономерно; усилиями человека или каких-то групп людей (я не говорю классов — я никогда не пользовалась этим термином) можно преобразовать действительность. Это самое большое заблуждение, которое только можно себе представить. Меня всегда поражало, что в просвещенном XVIII веке в Европе широко распространяются тайные учения, оккультная практика, различные формы масонства. Это столетие, когда на поверхности общественной жизни как бы торжествует разум, а в недрах общества томится, ворочается, а затем вырывается наружу страшное, бессознательное — огромная неконтролируемая энергия. Свет и мрак соединяются, чтобы породить революцию. Мы до сих пор продолжаем верить в могущество разума. Даже отказавшись от марксизма, мы, по сути, остаемся на тех же позициях: можно изменить мир, если придумать хороший план и по шагам расписать очередность его выполнения. Повторим вслед за Тойнби: «История — это жизнь». Она всегда выкидывает на поверхность некий третий вариант, который всегда будет неадекватен предполагаемому развитию событий. И это замечательно — тайна любви, как известно, «не изречена есть», и не дай Бог, если кто-нибудь когда-нибудь ее постигнет.*

Н. Б. И многим теперь страшно выйти из этого царства разума, им кажется, что наука отступает... Я уверена, что на пороге XXI века мы все-таки расстанемся с иллюзией крайнего рационализма XVIII столетия. Другое дело, что маятник может с большой силой качнуться в другую сторону. Ведь в свое время радикализм века Просвещения был вызван как минимум тысячелетним засильем иррационализма, тем же самым духовным диктатом.

Нам кажется, что история стала мировой только в двадцатом веке, в крайнем случае, в девятнадцатом. На самом деле она была мировой всегда, только течение истории было более медленным. Границы мира были иными. И сегодняшний крестьянин вряд ли живет в мировой системе, а интеллектуалы древнего мира и средних веков, напротив, существовали в ней, пытались объять все.

В. У. *Кажется, Лев Толстой сказал, что огромное счастье человека — знать день своей смерти. В древности не находили ничего противоестественного в том, что человеку рано или поздно суждено умереть. Мне кажется, что панический страх смерти вошел в наше обыденное сознание именно с эпохой Просвещения, когда человек остался один на один со своим разумом. И вот этот страх, сформировавшийся в XVIII веке, на протяжении всего XIX века гонит революционную волну. Все революции продолжаются очень долго и не заканчиваются внезапно. Мы сейчас, быть может, существуем в самом конце эры Просвещения. Это не страшно, вослед придет какая-то новая эпоха.*

НАСТУПИТ ЛИ КОНЕЦ ИСТОРИИ?

— В последние два-три года пошли разговоры, что наступает некий таинственный «конец истории». Что скрывается под этим выражением?

В. У. *Американец Фрэнсис Фукуяма, который привлек к этому термину всеобщее внимание, в свое время называл свою одноименную статью проходной. Тем не менее историки и журналисты охотно подхватили идею. Фукуяма говорил, что история кончается в том смысле, что торжествует западная модель демократии. Вот уже скоро десять лет мы тоже наблюдаем попытки внедрения подобного либерального пути. Как-то почти внезапно Россия решила отказаться от привычного тысячелетнего «имперского» маршрута (особо отмечу, что в слово «имперский» я вкладываю не оценочный, а цивилизационный смысл). На наших глазах перестает существовать Третий Рим, то есть та цивилизация, которая была построена на римско-византийском государственном и правовом основании. Квинтэссенция римского пути развития — это империя. У нас есть очень большое заблуждение, что империя — это жесткое государство. Но империя — это н е г о с у д а р с т в о, вернее — не с т о л ь к о государство. Это особый тип коммуникаций, связывания разноязыких и находящихся на разных уровнях развития народов и земель. Не случайно ведь Римская империя называлась pax romana (римский мир, основанный на договоре) или «римский круг земель».*

Н. Б. Вспомним, как строился римский город: легион захватывал определенную территорию, затем местные жители просили права стать римской колонией (добровольное присоединение, по нашей терминологии), затем проводили борозду, и на этом месте возникал город. По устройству жизни это поселение было маленькой копией Рима. Смысл империи состоял не в том, чтобы создать точную копию Рима, а в том, чтобы связать новые земли с Римом хорошими дорогами. (Интересно, что дороги строили те же легионеры, причем строили на века — и сейчас по ним могут ездить танки.) Рим делал своими все народы, с которыми он соприкасался. Конечно, этот процесс проходил через войны и территориальные захваты, но также и с помощью закона и культурно-политической интеграции. Именно в этом был многовековой смысл империи: она в состоянии не только завоевывать, но и культурно интегрировать другие народы в свою орбиту, притягивать их к себе, создавать модель, в которой умещались потребности британцев и египтян, сирийцев и пиктов, ютов и т. д.

В. У. *Объединение, универсализм — главная историческая идея империи. И хотя в пору расцвета Римской державы страны, входившие в нее, имели своих богов, собственные фиксированные территории, свои деньги, а некоторые — и собственных царей, все они были частью целого. И дикий брит уживался в едином мире с египтянином, утомленным тысячелетиями рафинированной цивилизации. Все средневековье проходило под лозунгом «возрождения Римской империи». И это была не только борьба за политическое господство: Европа безуспешно грезила о восстановлении «единого мира». Человечество и тогда было мечтательным и жестоким.*

Н. Б. В имперской идее выделяются две составляющие: цивилизующая и завоевательная. Когда между ними имеется относительный баланс, империя существует. Если же равновесие нарушается (допустим, все сводится к насилию, а цивилизующая роль сведена к минимуму — я провожу грубую аналогию с Советским Союзом), она взрывается.

В. У. *Империя не держится только на цивилизующей роли центра. Почему Римская империя продержалась так долго? Местные элиты всегда интегрировались в центральную власть на разных условиях. Наиболее развитые области (Сирия, Испания, Галлия) давали сенаторов — они просто допускались в правящее сословие. Постоянное обновление правящего слоя несколько веков не давало «заржаветь» государственному механизму.*

В начале III века эдиктом императора Каракаллы все

Войны всегда составляли наиболее заметную страницу мировой истории. Сцена битвы при Креси между англичанами и французами в 1346 г. (изображение XV века).

свободные жители империи получили римское гражданство, все они стали «равны перед законом». По жестокой иронии истории примерно с этого момента начинается закат империи. Предоставление гражданства всем привело к варваризации империи, она, по существу, становится неримской. И дело не только в том, что «вдруг» перестают мирно уживаться соседние народы и племена или же появляется «слишком много» варваров. В одночасье став «римлянами» по повелению императора, все перестают быть ими по существу. Размывается римская политическая традиция, разрушается духовная преемственность — «родные боги уходят», как выразился один римский историк. Веротерпимый Рим наводнили экзотические боги и невероятные суеверия. «Римский стержень» империи оказался безнадежно разрушенным.

Н. Б. Когда волна варварских нашествий прокатилась поблизости от римских границ, на территорию империи стали проникать тысячи страждущих и обездоленных. Беженцы обратились с просьбой поселить их в пределах империи. Император распорядился поселить, а местные чиновники стали присваивать все, что тем выделялось (сегодня это называется гуманитарной помощью). От голода и отчаяния эти несчастные стали крушить все, что попадалось им на глаза, и в конце концов дошли до Рима.

В. У. *Такое развитие событий предсказал последний великий историк античности Аммиан Марцеллин, который считал, что решение разрешить варварам переправиться через Дунай в сердцевинные территории империи было безумием со стороны императора.*

Н. Б. Виктория Ивановна, на мой взгляд, несколько приукрашивает Римскую империю. Мне кажется, наиболее продуктивными для судеб мира были империи р ы х л ы е. Цивилизующая роль таких аморфных, неструктурированных, чаще всего недолговечных образований была значительной. Почему? Жесткая системность, строгая целесообразность римлян несла с собой и большее насилие. А теперь обратимся к одному из самых характерных примеров рыхлой империи — державе Александра Македонского. Недолговечная, мимолетная как тень империя, созданная в результате десятилетнего похода великого полководца, оказала колоссальное цивилизующее воздействие на территории, которые она в себя вобрала. Произошел мощный синтез Востока и Запада, какого в истории, как мне кажется, с тех пор и не случалось в такие короткие сроки. Другой характерный пример — так называемая Священная Римская империя германской нации, много раз оплеванная историками, ибо однажды Маркс сказал, что она была «уродливым образованием». Здесь возник интеллектуальный центр Европы накануне Нового времени. Именно там зародились идеи Реформации. В сильном, жестко централизованном государстве подобные идеи появились бы не скоро. Ибо, например, возможность в любой момент укрыться в другом княжестве или спрятаться за стенами соседнего замка окрыляла и поддерживала Лютера. В таких вот рыхлых империях в какой-то мере осуществлялся принцип федерализма, который в нынешнее время представляется мне самым лучшим, что выработало человечество в области политического устройства общества. Классическим примером здесь является маленькая Швейцария.

В. У. *Россия до определенного момента была империей в римском смысле — централизованной, но на разных условиях объединяющей входившие в нее земли и народы. Она не только завоевывала сопредельные народы, но и присоединяла их миром, с помощью договоров, цивилизуя. В XIX веке Россия почти непостижимым образом соединяла признаки как рыхлой, так и централизованной, бюрократической империи. И это придавало ей определенную устойчивость. Попытки «все выправить», унифицировать, облечь в общепринятую «цивилизованную» форму приводили к обратным результатам — дезинтеграции и хаосу. Источником живучести и стабильности нередко была именно некоторая «формальная неопределенность».*

Н. Б. А когда акценты сместились и возобладало насилие, конец государства был предрешен. Именно здесь корни неизбежной гибели Советского Союза.

— Можем ли мы сейчас вернуться к тому рыхлому, федералистскому началу, которое придает устойчивость империи?

Н. Б. При всем юмористическом отношении народа к выражению СНГ это интуитивная попытка сохранить все целесообразное, что было в этой империи («рублевое пространство», экономические коммуникации и т. п.), и от жесткости перейти к спасительной рыхлости.

В. У. *Когда я говорю, что мы присутствуем при «конце Третьего Рима и римской цивилизации вообще», я думаю, что прежние варианты имперского развития — и централизованный, и рыхлый — уже исчерпали себя. Но на смену неизбежной дезинтеграции обязательно придет новый универсализм, предполагающий новые формы объединения и иную реализацию вечных грез о единстве рода человеческого.*

— Если бы эту империю не создали русские, за них это сделали бы татары. Мы подхватили у татар имперскую модель. 70 лет советской власти — это же красная орда. Татары выстроили грандиозную систему мировой зависимости на огромной части суши. Насколько эта идея продуктивна?

Н. Б. Это верно. Со времен Александра Невского (он был вернейшим слугой Орды и был убит в Орде тогда, когда сделал для них все, что мог) Россия во многом развивалась под влиянием Орды. Перед страной была альтернатива — среднеевропейская модель (Новгород, Псков, Владимиро-Суздальская Русь), нас же занесло в сторону Востока. Я не могу сказать, что это было плохо. Я вообще не вижу смысла оценивать исторические события с позиций известного стихотворения Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». Так случилось — но могло быть и по-другому. Россия восприняла кое-что из опыта империй Востока — с присущей им рыхлостью, большей длительностью, жизнеспособностью. Это ее выгодно отличало от того же римского варианта. Такая вот рыхлая империя оказалась для нас более естественной, более близкой русской натуре.
— Династия всегда была какая угодно — литовская, татарская, немецкая. Это не имеет никакого значения...

В. У. *Но империя всегда была русская (не в смысле узконациональном, а в цивилизационном).*

Н. Б. В России никогда не прижилась бы жесткая модель. Я бы обратила внимание читателей на первые главы знаменитого «Курса русской истории» В. О. Ключевского, где историк подробнейшим образом анализирует природные условия, в которых сложилась Российская империя. Болота, леса, подсечно-огневая система земледелия, плохие коммуникации — все это надо было осваивать долго и мучительно. Греция и Рим появились в Средиземноморье...

В. У. *И все же я убеждена, что Российская и советская империи по своему типу гораздо ближе к Риму и Византии. Не стоит представлять римский вариант таким уж предельно жестким. Когда империя стала «жесткой», она рухнула в пропасть.*
Мы никогда не принимали в расчет, что история развивается пульсируя. Людям свойственны два стремления: разъединиться и выразить свою индивидуальность и противоположная — объединиться, образовать единую общность, универсальный социальный организм. Обе эти тенденции взаимодействуют, пересекаются, поочередно преобладает каждая из них. Ситуация, в которой мы сейчас оказались, невольно заставляет вспомнить другую «историческую развилку», переход от античности к средневековью. Тогда мир, в течение столетий казавшийся устойчивым, тоже стал стремительно распадаться, но идея объединения жила — в форме борьбы за «христианский мир» и «восстановление» Римской империи.

Н. Б. Эпоха мировых империй, которая восходит не к Риму, а к неизмеримо более давним временам, кончается. Советский Союз, на мой взгляд, был последней мировой империей. За этой идеей стоят совершенно конкретные факторы. Это весьма протяженный этап в основном э к с т е н с и в н о г о развития мира за счет прибавления и приращения. Все эти тысячелетия Земля была достаточно велика для подобных действий. Впервые человеку стало тесно уже в эпоху великих географических открытий, когда мыслимые границы окружающего пространства заметно сузились. Но в конце XX века новых возможностей для экстенсивного развития уже не осталось. Своим богатством нужно распорядиться совершенно по-другому.

В. У. *Сегодняшняя ситуация распада и чрезвычайно хрупкого равновесия в мире не внушает особого оптимизма. Однако хочется надеяться, что и Россия, и человечество в целом все-таки найдут выход из кризиса, а наше время окажется не концом, а началом нового объединения и нового подъема. Но как они осуществятся в действительности — сказать трудно.*

Беседу записал
ЮРИЙ БОРИСЁНОК

Послесловие к диалогу историков

Рыхлость или твердость?

Когда одна из моих собеседниц процитировала Арнольда Тойнби, то почти угадала наш тайный расчет. Что может знать о ситуации человек, втянутый в свалку, погруженный в злобу интересов дня? Что может разглядеть участник битвы? Копыта вражеского коня, готовые растоптать его? Нет, с «холма» виднее.

И мы отошли на «холм». И попросили взглянуть на наш теперешний день — не тех историков, которые варятся в «русском котле», а тех, которые пребывают мыслью на холмах Древнего Рима, в чертогах исчезнувшей Византии, в ослепительной тьме европейского средневековья. Не поможет ли нам на нашем распутье их долгое знание?

Помогло. Во всяком случае, душу облегчило. Мы сковыриваем памятники, соскабливаем с карты старые имена и названия, проклинаем отошедших вождей. Оглянешься — ни одного незатоптанного: все в грязи.

Виктория Уколова утешает: в Риме оплевыванье предшественников было общепринятым ритуалом. Наталия Басовская подкрепляет: в Египте Тутмос Третий, прорвавшись на трон после смерти венценосной мачехи, велел стереть самую память о ней из истории.

Значит, не одни мы такие... Отлично, сограждане! Продолжаем плясать на гробах предшественников! Не мы первые, не мы последние. Биологический закон.

Выходит, история ничему не учит?

— Ничему не учит, — соглашаются мои ученые собеседницы.

Тогда зачем история?

— Знать, как было. Очистить зеркало от плевков и грязи.

«Очистить»? Лукиан,обаятельный герой Виктории Уколовой, верил: вот протрем зеркало и увидим все, как было.

А если зеркало кривое, тогда зачем его очищать? Если, по выражению сказочника, вспомянутого Наталией Басовской, мы живем в королевстве кривых зеркал, — зачем ТАКИЕ зеркала очищать и вообще к зеркалам обращаться?

— А есть законы кривизны, и если их познать... — объясняют нам. — Зеркала истории делаются кривыми нарочно, по злому умыслу диктаторов и тиранов. Надо эти зеркала «выпрямить». И «вычистить».

А кто выпрямит? Такие же люди? Новые тираны и диктаторы?

Где гарантия, что «спрямление» не покажется впоследствии новой «кривизной»?

Я-то думаю, что так и получится: кривда ложится на кривду. Конечно, накопление искривлений разного плана в конце концов позволяет историкам очертить некую туманную «объективность», но возможен ли «конец концов» в этом процессе? И достанет ли у наших потомков времени в этот наш туман вглядываться? Я-то думаю, что они будут не «выпрямлять», а «гнуть» зеркала. Исходя из своих злободневностей.

Вот и мы — «гнем». Сейчас, сегодня. Потому что у нас болит. Что же до объективной истины, из нашего тумана проступающей, то вот какая наблюдается закономерность: история пульсирует. От диктатуры к анархии и обратно. От империи к демократии и обратно. Постичь бы только ритм. Сообразить, куда же она теперь поворачивает. А если дышать можно в «точках перехода», то есть «пока не развалилось» или «пока не удушило», то мы сейчас в какой точке? Чтобы дышать? Или чтобы зажать нос?

В экспертизе двух профессоров, взглянувших на нашу многострадальную современность из тьмы веков, одна мысль кажется мне особенно существенной. Есть системы твердые, говорят они, и есть системы рыхлые. Твердые долго не живут: раскалываются, разваливаются, рассыпаются. Живучи системы рыхлые, они дышат, они меняются, они перестраиваются.

Аналогии понятны? Рим был тверд — и раскололся. Восточные империи были рыхлей и потому долговечней. «По кандидатурам» можно спорить, конечно, но вот что бесспорно и важно: империя — не тип государства, а тип коммуникаций, связывающих народы, и только как тип связи имеет смысл. Римская империя — это ДОРОГИ.

Тогда позвольте слегка «выпрямить зеркало». Российская империя — это, кажется, бездорожье? Тогда нечего кричать, что царизм — тюрьма, а большевизм — казарма; суть совсем в другом: в Турксибе и в БАМе. Была бы Дорога, а Храм построится. Рим погиб не от варваров, а от беженцев. Но ведь эти два процесса: дарование римского гражданства захваченным «туземцам» и толпы старых и новых «граждан», захлестнувшие Вечный Город, — на самом деле один процесс. Есть дорога — человек по ней идет. Добро пожаловать в Москву! Хотим быть «столицей мира» — распахиваем двери! Хотим «чистоты» — запираемся и смотримся в зеркало, а столица устраивается в другом месте.

Я не знаю, рыхлая или твердая была Московия, она же Российская империя, она же Советский Союз. Погром Новгорода — явная «твердость». А ротация детей разных народов на имперской вершине (бояре первой руки... второй руки... приезжают, ждут очереди) — это «рыхлость»? Спасительная рыхлость! По Кюстину (или по Герцену): законы в России губительно тупы, а исполнение — спасительно лукаво.

Я не знаю, где мы будем жестки и где мягки. Это не угадаешь: ни одна доктрина не высветит будущего.

А есть законы общения. Есть императивы связей. Есть человеческая природа. Стало быть, и пути есть. То есть дороги. Общие цели и общие ценности. Называйте это: «Империя», «Союз», «Содружество» или хоть «Общее здравие». Живите здраво и праведно, а там историки разберутся.

Таковы мысли, вызванные у меня диалогом двух прекрасных женщин: я этот диалог спровоцировал, но ходу его мешать не хотел, потому и высказался вдогонку.

Лев Аннинский

Духовной жаждою томимые...

Александр КИРЬЯНОВ

Переход из православия в католицизм — явление, существующее на протяжении всей многовековой русской истории. Однако можно отметить периоды, когда в России наблюдается резкое усиление интереса к католической церкви. Наиболее сильная тяга к римскому католицизму приходится на первую половину XIX века. Носителями и хранителями русской католической традиции в этот период выступают представители лучших русских аристократических фамилий, как принявшие католическую веру и исповедовавшие ее тайно или открыто, так и симпатизировавшие католицизму, но не сменившие вероисповедания. Эта традиция оказалась способной выжить даже в условиях николаевской реакции, несмотря на то, что исповедовать католическую веру было едва ли безопаснее, чем подпасть под подозрение в вольнодумстве. Фатальный пессимизм агента III отделения по поводу невозможности «пресечь это зло» не был чисто риторическим. Какая же непреодолимая сила толкала русских к католицизму, если ради присоединения к римской церкви они готовы были поступиться карьерой, материальными благами, сознательно обрекали себя на разлуку с родиной и на осуждение со стороны властей?

Великая Французская революция, наполеоновские войны, потрясшие Европу на рубеже XVIII и XIX столетий, вызвали небывалый всплеск мистических настроений во всех слоях общества. Повсеместно можно было встретить «пророков», проповедовавших скорый конец света и в один голос называвших французского императора Антихристом. Упоение просветительской философией, столь занимавшей европейских интеллектуалов, сменилось повышенным интересом к религиозным проблемам. Французская революция показала невозможность переустройства общественных отношений на основании идеальных законов, открытых путем рационального познания; более того, она уже представлялась «последним словом той пагубной разнузданной философии мысли, которая так отличает XVIII век», за Робеспьера и Дантона призвали к ответу Вольтера и Руссо. Одним из последствий Великой Французской революции стал кризис рационализма, «который многих толкал к вере, стоящей над логикой»[1-2]. Образовавшийся таким об-

разом мировоззренческий вакуум оказалось способным заполнить лишь христианство и близкие ему учения.

Религиозный голод присутствовал в русском обществе рубежа XVIII—XIX веков. Утоляли его сочинения мистиков Якоба Бема, Эккартсгаузена, госпожи Гюйон, Юнга Штиллинга, разнообразные масонские издания, вошедшие в моду спиритические сеансы. Взоры интеллигенции, терзаемой противоречиями и душевным разладом, зачастую обращались к католической церкви, подходящей «высоким умам, которые в лоне авторитета отдыхают от сомнений, и умам заурядным, находящим доступные им идеи в единстве, недвижности и равенстве»[3].

Русское дворянство конца XVIII — начала XIX века, в особенности придворная аристократия, в массе своей было чуждо любых конфессиональных пристрастий. Интегрированность значительной части русской аристократии в европейскую культуру и ее религиозный индифферентизм, более граничащий с некомпетентностью в вопросах веры, нежели с устойчивой веротерпимостью, обусловили успех проповедей иезуитов, оказавшихся благодаря хитросплетениям европейской политики на некоторое время в фаворе у русских царей. Гонимые по всей Европе иезуиты нашли приют в России*; более того, в их распоряжение было отдано воспитание подрастающего поколения русских дворян. Обучение детей известнейших фамилий (Вяземские, Бенкендорфы, Нарышкины, Гагарины и др.) в иезуитских пансионах, приглашение членов товарищества Иисуса в качестве педагогов-наставников стало наряду с употреблением французского языка своего рода сословным знаком, неотъемлемым атрибутом русского дворянина начала XIX века. От «отцов-иезуитов» не отставали и католики-миряне, в основном французские эмигранты, бежавшие в Россию под ударами Великой Французской революции и принесшие к нам «изящество французских нравов и католическую пропаганду» (Ф. Буслаев).

Среди светских проповедников наибольшей популярностью пользовался сардинский посланник в России граф Жозеф де Местр, имевший в первое десятилетие XIX века обширные знакомства в петербургских аристократических кругах и способствовавший обращению в католичество С. П. Свечиной, А. И. Толстой, М. А. Воронцовой и др. Вот какие аргументы выдвигались в ходе агитации в пользу католицизма: «кто глава русской церкви? Его нет. Если Россия распадется на части, у нее не будет никакого церковного главы, ...каждый государь претендовал бы, без сомнения, на такую же власть над церквами в своих владениях, какую теперь имеет император над церковью империи». Другой слабой стороной русской православной церкви считалось ее духовенство, состоящее «исключительно из людей, происходящих из самого низкого класса»[4].

Русский католицизм формировался в аристократической салонной среде под определяющим воздействием французского культурного влияния. С. П. Свечина, одна из виднейших представительниц русского католицизма из числа обратившихся в первые десятилетия XIX века, признавалась, что «чувствовала себя француженкой с тех пор, как стала сознавать себя». «...Весь строй ее воспитания располагал ее ко Франции», — прибавляет ее биограф П. Пирлинг. Русское дворянство, будучи органической частью европейской культуры, оказалось вовлеченным в общеевропейский процесс вытеснения возрожденным католицизмом просветительских доктрин XVIII века.

Кто были они, эти русские аристократки, сделавшие выбор в пользу католицизма? Екатерина Петровна Ростопчина (1775—1859), жена небезызвестного Федора Васильевича Ростопчина, до мозга костей преданного православию. Воспитанная при дворе Екатерины II в традициях европейской культуры на сочинениях французских просветителей, она тем не менее сохранила эстетическую симпатию к христианству. Ростопчина многим была обязана своему воспитанию при дворе, «привившему пристрастие к интеллектуальным поискам, независимость суждений и твердость в убеждениях, которые вели ее по трудной дороге обращения и сделали столь динамичным и решительным апостолом новой веры». Ростопчина всегда испытывала отвращение к светской жизни и ценила серьезных собеседников. Одним из приятных ей людей был немецкий физик доктор Крафт, живший вместе с Ростопчиными в имении Вороново на юго-западе Москвы. Он был добр и приятен столь же, сколь и умен, но имел существенный недостаток — стойкие атеистические убеждения, что, впрочем, не мешало ему находить общий язык с Ростопчиными. Перед смертью Крафт изменил свои взгляды и уверовал в истину религии, признал себя виновным в своем презрении к ней. Подозвав Екатерину Ростопчину к своему смертному ложу, он умолял ее изучать Священное Писание, медитировать и молиться, чему та, до глубины души потрясенная смертью близкого человека, и последовала.

Ростопчина занялась изучением христианства и в результате длительных поисков решилась оставить православие, к которому, впрочем, никогда не испытывала ни духовного влечения, ни просто интереса, не понимая ни смысла, ни содержания православной литургии. Беседы же с сельским священником из Воронова, которого даже враждебно настроенная по отношению к католицизму мемуаристка** называет «пьяницей и дураком», ее явно не удовлетворяли. А вот утонченность таких адептов католицизма, как кавалер Огар (сыгравший немалую роль в обращении С. П. Свечиной), Жозеф де Местр, уже обращенная княгиня Алекси (Александра Голицына)***, привлекла внимание Ростопчиной, принявшей католичество между 1806 и 1810 годами[5].

В первые десятилетия XIX века русские католики не представляли собой сколь-нибудь значимой политической силы. Однако была заложена основа для будущего развития традиции: в русском обществе четко обозначился интерес к католицизму.

1812 год наметил новые тенденции в русском общественном сознании. Прежде всего обозначилось общее охлаждение в отношении к французской культуре. Другой важный момент — Отечественная война, ставшая национальной трагедией России, стимулировала обращение общественного мнения к религиозным проблемам.

Александр I, до 1812 года не бравший в руки Библии, признавался впоследствии: «...пожар Москвы просветил мою душу, а суд Господень на ледяных полях исполнил мое сердце теплою, невиданною до сих пор верою»[6].

Суть поворота, совершившегося в сознании многих просвещенных русских, заключалась в изменении взгляда на историю: то, что считалось ранее следствием человеческой активности, теперь стало приписываться воле Всевышнего; рационализм в трактовке исторических событий был вытеснен фатализмом и иррационализмом.

* См. статью Д. Шлафли (Родина. 1993. №12).
** Наталья Нарышкина, старшая дочь Ф. В. Ростопчина.
*** Старшая сестра Е. П. Ростопчиной.

Начиная с 1812 года, с распространением в России (с высочайшего повеления) Библейских обществ протестантского толка, мистицизм, лишенный четкой церковной ориентации, воплощающий идею соединения церквей (идея, на которой основывался Священный союз), на время приобрел черты официальной идеологии и овладел умами русской аристократии.

Вероятно, именно во второй половине царствования Благословенного самодержца запрятаны корни той религиозно-морализаторской направленности русской литературы XIX века, которая ныне выделяется в качестве ее существенной черты.

На заседаниях Библейских обществ в присутствии представителей всевозможных церквей и сект чиновники со слезами на глазах произносили душещипательные речи на богоугодные темы. К обер-прокурору Синода А. Н. Голицыну приводили на благословение детей, считая его святым. А русские католики, став ревностными поборниками ультрамонтанства*, следуя линии Ватикана, противопоставили себя общественному мнению России даже в период небывалой веротерпимости. Многие из них вынуждены были эмигрировать. Прибежищем, как правило, становилась Франция. Парижский салон С. П. Свечиной, игравший заметную роль в интеллектуальной жизни французской столицы, ставший ее признанным «христианским центром», превращается в крупнейший очаг русского католицизма.

Расстановка сил на европейской арене к 1820 году изменилась таким образом, что иезуиты из союзников России превратились в противников, и это, наряду с раздражением Александра I по поводу дальнейшего распространения среди русских дворян католических пристрастий, ускорило изгнание иезуитов из России. Указ от 20 декабря 1815 года обвинял иезуитов в том, что они «стали порученных им юношей и некоторые лица из слабейшего женского пола отвлекать от Нашего и прельщать в свое вероисповедание», объявлял о немедленной «высылке всех Иезуитского ордена монахов из Санкт-Петербурга» и о «воспрещении им въезда в обе Столицы». Был также закрыт пансион иезуитов в Петербурге. В марте 1820 года иезуиты были высланы из России[7].

Открывалась новая страница в истории русского католицизма. Россия в результате наполеоновских войн была возведена историей в ранг гаранта стабильности европейской политики. Начало 20-х годов ознаменовалось всплеском патриотических настроений, осознанием потребности осмысления проблемы взаимоотношений России и Европы, взаимодействия их культур. Размышляя на подобную тему, трудно было обойти вопрос о католицизме. Представление о нем как о цементирующей основе европейской цивилизации стало необходимым элементом историософских построений многих мыслителей первой половины XIX века (Бональд, Местр, Шатобриан). В России подобную точку зрения изложил П. Я. Чаадаев. Так или иначе ее поддерживали многие.

Католиками становились люди самых различных убеждений: декабрист М. С. Лунин, социалист В. С. Печерин, И. С. Гагарин, придерживавшийся вполне умеренных взглядов, монархистка С. П. Свечина, до конца жизни преклонявшаяся перед Николаем I. Лунин находил в католицизме источник конституционализма, Печерину были близки идеи социального равенства и романтическая мистика, Свечина считала, что только католическая церковь в достаточной степени воплощает принцип авторитета, Гагарин видел в ней единственную силу, способную противостоять революции. В целом причину увлечения русских католицизмом довольно точно определяют слова Ф. И. Тютчева, сказанные по поводу католических веяний в русском обществе в 30-е годы XIX века: это стремление «присвоить себе современную культуру»[8].

Католики второго поколения довольно сильно отличались от своих собратьев-предшественников: они уже осознавали себя русскими и, делая выбор в пользу католицизма, стремились к сохранению в себе национального начала. Они, воспитанные в пору наибольшего распространения мистицизма и обостренного интереса к религии, несли на себе бремя подчас мучительных религиозно-этических исканий. Их обращение, в меньшей степени продиктованное соображениями моды, можно по праву считать проявлением гражданского мужества.

* Ультрамонтанство — направление католицизма, выступающее за идею неограниченной власти Папы Римского, в том числе и в политической области.

Ведь в пору господства теории официальной народности измена православию приравнивалась к государственному преступлению и влекла за собой в лучшем случае эмиграцию, в худшем — уголовную ответственность[9]. Чего стоит хотя бы закон от 21 марта 1840 года, гласивший, что «совратившийся от православия не может иметь в услужении состоящих в его владении крепостных православных людей, ни жить в своих поместьях». Если применительно к католикам первой волны напрашивается вопрос: что благоприятствовало принятию ими католицизма?, то по отношению к конвертитам эпохи Николая I уместнее иная формулировка: что заставляло их, несмотря на все сложности, решиться на столь серьезный шаг?

Для подавляющего большинства смена вероисповедания совпала с началом полноценной церковной жизни вместо однобокой секуляризованной светской. Однако у нас есть все основания рассуждать о социокультурных причинах, обусловивших принятие именно католической религии. Тот факт, что католицизм в России привлекал в основном представителей интеллектуальной элиты, лишний раз подчеркивает значимость факторов эстетико-культурного характера.

Многие русские конвертиты оставили свидетельства восторга, испытанного ими от посещения католических стран, присутствия на мессах в костеле. Так, М. С. Лунин в своей «Записной книжке», содержащей, по словам Н. Я. Эйдельмана, «целый гимн изящному в католичестве», пишет: «Католические страны живописны и озарены поэзией, которую тщетно было бы искать в краях, где расширила свое господство реформация. Различие это ощущается во множестве смутных впечатлений, которые трудно определить, но которые в конце концов пленяют сердце. То это увиденный путником на горизонте полуразрушенный монастырь, чей отдаленный колокол возвещает ему гостеприимный кров; то крест, воздвигнутый на холме, или мадонна среди леса, указующие ему путь. Только вблизи этих памятников истинной веры услышишь романс, каватину или тирольскую песнь».

Григорий Петрович Шувалов с восторгом отзывается о католических службах, виденных им в Риме, называя их не иначе как «величественным зрелищем», «пышной церемонией». «Мои глаза останавливались порой на древних скульптурах и великолепных картинах, изображения которых виделись ожившими за завесой курящегося фимиама, — пишет Шувалов. — Повсюду были изображения Девы Марии в окружении бесчисленного множества даров — знаков надежды, скорби, признательности и любви, ...воздух базилик, казалось мне, был пропитан чувством веры»[10]. Эстетика католицизма, столь близкая представлениям русских дворян об истинной красоте, вынесенным из знакомства с европейским искусством, способствовала укреплению во многих из них тяги к римской церкви.

Широко распространено мнение о том, что после разгрома восстания декабристов, в условиях

«...царства виста и зимы,
Где, под управой их двоякой,
И атмосферу и умы
Сжимает холод одинакой,
Где жизнь какой-то тяжкий сон...»

(Баратынский),

в обстановке подавления любой социально-политической активности, идущей вразрез с генеральным курсом, естественным образом укреплялась тенденция к религиозно-философской рефлексии, обращению общественного сознания на самое себя. В случае с русскими католиками все обстоит не так просто. С одной стороны, обращение знаменовало начало работы над самоусовершенствованием, в некоторых случаях за ним следовал отказ от политического радикализма и поправение политических взглядов (Лунин, Печерин), но, с другой стороны, принятие католицизма означало прорыв из безвременья в реальность, открытие совершенно новых широких возможностей. Русские католики в Европе поражали своей неистощимой жаждой деятельности. Упомянем хотя бы благотворительность Волконской в Риме, издательскую активность парижского центра русских иезуитов во главе с И. С. Гагариным. Уникальный пример: Степан Джунковский, в начале 40-х годов окончив университет, отправляется в Европу с целью распространять там православие (установка типично католическая!). Неудивительно, что, попав за границу, он скоро стал католиком, прославился в Париже своими проповедями, впоследствии получал от Папы Римского ответственные апостольские задания, восстановил несколько европейских епархий, не существовавших со времен Реформации, напечатал немалое количество своих проповедей на французском, норвежском, итальянском, английском языках[11]. Не случайно П. Пирлинг, кстати один из русских иезуитов, пришел к выводу, что переход русских в католицизм был «бессознательным стремлением к какой-либо деятельности, следствием избытка сил, искавших приложения и не находивших разумного применения в окружавшей их действительности».

Католицизм не только удовлетворял неутоленную жажду деятельности, он давал русскому ощущение духовной независимости, неподвластности царю и патриарху, осознание причастности к глубокой и прочной традиции, опирающейся на непротиворечивую философию. В николаевское время в ряду русских католиков появляется новая фигура — юноша, жадно тянущийся к наукам и философскому познанию мира, горящий желанием найти ответы на «проклятые» байроновские вопросы, горделиво жаждущий принести себя в жертву на алтарь счастья человечества, подчас поэт и романтик, склонный к мистике. Он всей душой стремится в Европу, обещающую ему лучшие достижения человеческого гения и знакомства со знаменитостями, он образован и способен вызвать восхищение корифеев науки. Как правило, обращения молодых русских дворян в 30—40-е годы совершались за границей после длительных путешествий по Европе, где они воочию могли убедиться в преимуществах, которыми обладает католическая церковь, в частности ее монашеские ордена, открывающие необыкновенный простор для проповеднической, научной и литературной деятельности. В. С. Печерин, И. С. Гагарин, С. С. Джунковский, И. М. Мартынов, Е. П. Балабин, Г. П. Шувалов — все эти представители «молодой России» (как образно назвал М. О. Гершензон поколение 30—40-х годов) стали католическими монахами и почти все прославились своим подвижничеством. В поисках смысла жизни они изучали всевозможные философские системы. В. С. Печерин, рассказывая в известных письмах-мемуарах, фигурирующих ныне под заглавием «Замогильные записки», о своем пути в католицизм, пишет, что успел побывать гегельянцем, пифагорейцем, фурьеристом, коммунистом, сен-симонистом, прежде чем надел сутану. Современник Печерина Григорий Шувалов признается, что в ходе длительных изысканий он не пришел ни к чему большему, нежели хаотичная философская эклектика, базирующаяся на идее прогресса и не предусматривающая ответа на вопрос о конечной цели человеческого бытия. Идеологи католицизма с распростертыми объятиями принимали «философов», заблудившихся в химерах собственного разума, и помогали обрести твердые мировоззренческие основания.

Были и иные причины, склонявшие русских к принятию католицизма. Назовем их «факторами отторжения от православия». Как пишет польская исследовательница В. Сливовска, «в России, где православная церковь, полностью зависимая от царской власти, становилась слепым орудием в ее руках, где темный и занятый собственными материальными заботами поп исполнял функции полицейского агента, интерес к католицизму вполне объясним».

Преимущества католического духовенства перед православным были очевидны. Такие личности, как митрополит Филарет, представляли скорее исключение, чем правило. Весьма характерные строки находим в воспоминаниях Г. П. Шувалова: «Увы, религиозное образование, полученное мною, заключалось лишь в нескольких неопределенных понятиях, которые обычно преподносят в России молодым дворянам. ...И по-иному у нас быть не может, религия у нас не является, как это принято в католических странах, католических семьях неотъемлемой частью существования, она находится в стороне от жизни». Шувалов указывает и главную причину этого: «Какое религиозное образование может дать клир, не имеющий более духовной независимости, и каким образом он мог бы проповедовать благородному сословию, осознающему свою власть и свой авторитет, которых сам он лишен полностью?»[12]

Между католической церковью и европейской интеллигенцией были Жорж Санд, Сен-Симон, Ламенне, Пьер Леру, Шатобриан, наконец, Жозеф де Местр. Нашим же славянофилам потребовалось вызвать к жизни предания старины, искать в глубоком прошлом нити, связывающие светскую и духовную культуру. Между культурой русского дворянства и православной церковью зияла пропасть. Русские православные мыслители не смогли приспособить учение церкви к культурным и политическим реалиям нового времени, ориентировать его на разрешение насущных социальных проблем. Этому много причин — уже упоминавшаяся подчиненность духовной власти светской, державшая православное богословие в рамках идеологии абсолютизма, замкнутость духовного сословия, в которое просвещенные дворяне практически не могли перейти, рутинный характер системы духовного образования. Не без оснований А. И. Тургенев в качестве причины увлечения русских католицизмом выделял «летаргизм нашего православия». Позицию православной церкви по отношению к светской культуре достаточно характеризует пример с «Выбранными местами из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: церковь «положила камень» в руку, протянутую ей писателем.

И все же не многие русские стали католиками.

Пример Н. В. Гоголя наглядно иллюстрирует причины этого. Вот выдержка из известного письма Гоголя к матери из Рима, в котором писатель дает опровержение слухам о том, что он якобы готов изменить вере предков: «...Я не переменю обрядов своей религии. Это совершенно справедливо. Потому что как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую. Та и другая истинна. Та и другая признают одного и того же Спасителя нашего, одну и ту же божественную мудрость, посетившую некогда нашу землю...»[13]

Русский католицизм не умер. Несмотря на все старания самодержавия, он продолжал свое существование в подполье, в эмиграции. В последние годы в нашей стране интерес к католицизму значительно возрос. В Москве существует многочисленная община русских католиков, беседы с которыми убеждают в том, что причины, заставившие их остановить свой выбор на католицизме, те же, что и у их предшественников, русских католиков XIX века.

Примечания

1-2. Эйдельман Н. Я. Лунин. М., 1970. С. 98.
3. Лунин М. С. Записная книжка.//Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 213.
4. Степанов М. Жозеф де Местр в России.//Литературное наследство. Т. 29—30. М., 1937. С. 608—609.
5. Schlafly D. De Joseph de Maistre a la «Bibliotheque Rose». Le catholicizme chez les Rostopcin.//Cahiers du monde russe et sovietique. Sect. 6. V. XI. MCMLXX. 1er Cahier. P. 93—109.
6. Цит. по: Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Т. 2. Рига, 1886. С. 141.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIII. СПб., 1830. № 26.032. С. 408—409; № 26.034. С. 410—411; Т. XXXVII. № 28.198. С. 113—119.
8. Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С. 76—77. К похожему мнению пришел П. Шайберт, автор биографического очерка о В. С. Печерине: «Католическая церковь стала для Печерина дверью в храм западноевропейской культуры, которого лишь фасад и оболочку он знал» (Scheibert P. Von Bakunin zu Lenin. Leiden, 1970. S. 34.)
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 45—47.
10. Schouvaloff. Avant et apres. Souvenirs intimes par le comte Schouvaloff. Lille—Paris. 1894. P. 40.
11. Прот. Базаров И. С. С. Джунковский и его возвращение в православие.//Православное обозрение. 1866. Т. XIX. № 4. С. 430—442.
12. Schouvaloff. Ma conversion et ma vocation. Paris, 1864. P. 12.
13. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. II. Письма. 1836—1841. Л., 1952. С. 118—119.

Анна Леопольдовна

Николай ПАВЛЕНКО
доктор исторических наук

Граф Бурхард Миних.

Глава VII

НЕМЦЫ СМЕНИЛИ НЕМЦЕВ

Анна Иоанновна умерла внезапно. В конце сентября 1740 года у нее появились припадки подагры; на это никто не обратил внимания: причиной недомогания сочли совсем не подагру, а присущую критическому возрасту императрицы женскую болезнь. Вскоре появилось кровохарканье и сильные боли в пояснице, которые связали с нарывом в почках. Но и это не насторожило императрицу: она надеялась быстро преодолеть недуг.

Вскрытие показало, что врачи ошиблись в диагнозе: на самом деле в почках образовались камни, один из которых запер мочевой пузырь, что вызвало воспаление.

Более всех такая развязка встревожила Бирона: смерть Анны Иоанновны грозила вернуть его, как любили тогда выражаться, в «первобытное состояние». Курляндское дворянство его презирало и терпело только потому, что за его спиной стояла колоссальная империя; в России этого надменного и жестокого выскочку ненавидели не меньше.

Тревога Бирона усугублялась тем, что Анна, все еще надеявшаяся справиться с болезнью, отказывалась подписать завещание и держала его под подушкой. Отказ узаконить документ, согласно которому на престоле появлялся грудной ребенок, по версии Бирона, объяснялся тем, что «ежели де его объявить великим князьям, то уже всяк будет больше за ним ходить, нежели за нею».

Бирон не стал покорно ждать развязки. По совету фельдмаршала Миниха и барона Менгдена, облеченных его доверием, он стал настойчиво домогаться подписи Анны под завещанием. Коленопреклоненно он умолял царицу протянуть ему, человеку, пожертвовавшему ради нее собою, руку помощи и назначить его регентом. В этом случае он рассчитывал сохранить власть, положение и богатства. Одновременно он организовал ходатайства столичных вельможных персон, чтобы права регента были предоставлены ему и никому другому. В итоге подпись императрицы под завещанием все-таки появилась. Бирон добился своего.

Теперь попробуем уяснить, какое отношение имел двухмесячный сын герцога Брауншвейгского Иоанн Антонович к царствующей в России династии Романовых?

Петр Великий положил начало династическому обычаю, впоследствии прочно укоренившемуся и соблюдавшемуся до Николая II включительно, выдавать дочерей и племянниц замуж за иноземных государей и принцев — брачные союзы считались надежным фундаментом союзов политических. Свою старшую дочь Анну Петр выдал за герцога Голштинского, одного из претендентов на шведскую корону. Это позволяло царю шантажировать Стокгольм угрозой усадить на шведский трон своего зятя. Младшую же дочь Елизавету Петр настойчиво пытался соединить брачными узами с будущим французским королем Людовиком XV.

Столь же прозрачными были политические мотивы и при определении судьбы царских племянниц — дочерей сводного брата Петра Иоанна Алексеевича. Как мы помним, Анну Иоанновну выдали замуж за герцога Курляндского, ее старшую сестру Екатерину — за герцога Мекленбургского Карла Леопольда. От этого брака в 1718 году появилась на свет дочь Анна Леопольдовна. Тщанием Анны Иоанновны ее племянница была обвенчана с принцем Брауншвейгским Антоном Ульрихом, жившим в России с 1733 года. Свадьба состоялась 14 июля 1739 года и обошлась казне в кругленькую сумму. 24 августа 1740 года принцесса Анна родила сына, нареченного Иоанном. Ему уготована была судьба суровая и неблагодарная. Именно этому младенцу Анна Иоанновна и завещала российскую корону.

Могла ли Анна Иоанновна объявить наследником более близкого по крови представителя царствующего дома? Безусловно. К возможным кандидатам можно отнести ее двоюродную сестру Елизавету, дочь Петра Великого, и его внука Петра Федоровича. Последний также имел известное преимущество перед младенцем Иоанном Антоновичем — он родился в 1728 году.

Передавая трон ребенку, императрица руководствовалась интересами «своей» ветви династии — потомков Иоанна Алексеевича. Естественно предположить, что преимущественные права на регентство при малолетнем императоре полагались его матери. Но Бирон преградил ей путь к опекунству. Перед смертью Анна Иоанновна подписала составленный Остерманом устав о регентстве Бирона, которому предоставлялась «полная мочь» управлять «все государственные дела, как внутренние, так и иностранные», до достижения Иоанном Антоновичем 17-летнего возраста. В случае смерти Иоанна Антоновича престол переходил к его еще не родившемуся брату, а если и он умрет, то императорская корона должна украсить голову «из того же супружества рожденных принцев». Все эти перемены не задевали интересов Бирона — он оставался регентом и при новых императорах. В случае отказа Бирона от регентства устав предписывал «с общего совета и согласия Кабинета, Сената, генерал-фельдмаршалов и прочего генералитета учредить такое правление», которое бы шло на пользу империи и подданных до совершеннолетия наследника.

Устав обнародовали 18 октября, а на следующий день Бирон вступил в права регента. По поводу этого факта С. М. Соловьев заметил: при жизни Петра Великого среди старообрядцев ходили слухи о подмененном в младенчестве царе — Россией правил не настоящий Петр, а немец. «Молва теперь обрела значение были — страной действительно должен был править немец. Но теперь этот самый ненавистный фаворит-иноземец, на которого привыкли складывать все бедствия прошлого тяжелого царствования, становится правителем самостоятельным; эта тень, наброшенная на царствование Анны, этот позор ее становится полноправным преемником ее власти».

Случившееся вызвало множество вопросов у современников. Поручик Преображенского полка Петр Ханыков рассуждал:

— Для чего де так министры сделали, что управление Всероссийской империи мимо его императорского величества (Иоанна VI.— Н. П.) родителей поручили его высочеству герцогу Курляндскому?

Своему собеседнику сержанту Алфимову Ханыков заявил:

— Что де мы сделали, что государева отца и мать оставили; они де, надеюсь, на нас плачутся, а отдали де все государство какому человеку регенту! Что де он за человек? Лучше бы до возрасту государева управлять государством отцу его, государеву, или матери.

Алфимов соглашался:

— Это бы правдивее было.

Спустя несколько дней Алфимов встречался с поручиком Преображенского полка Михаилом Аргамаковым, который, видимо в состоянии сильного подпития, рыдая, говорил:

— До чего мы дожили и какая нам жизнь? Лучше бы де сам заколол себя, что мы допускаем до чего, и хотя бы де жилы из меня стали тянуть, я де говорить то не престану.

Узнав от Алфимова о настроении Аргамакова, Ханыков счел возможным перейти от слов к делу: он с Аргамаковым «учинили бы тревогу барабанным боем», к ним присоединились бы другие солдаты, «и мы бы де регента и сообщников его, Остермана, Бестужева и Никиту Трубецкова убрали». Собеседников схватили и подвергли пыткам.

Недовольство обнаружилось и в высших слоях общества. Граф Михаил Головкин советовал гвардейским офицерам, протестовавшим против назначения регентом Бирона, выразить недовольство кабинет-

А. И. Остерман.

министру князю Алексею Черкасскому. Эту миссию возложил на себя подполковник Любим Пустошкин. В сопровождении нескольких офицеров он явился к Черкасскому. Тот, по словам Миниха-младшего, терпеливо их выслушал, похвалил за намерение, велел прийти за ответом на следующий день, а сам отправился к герцогу с доносом. Все причастные к делу офицеры были арестованы и подверглись бы суровому наказанию, если бы регентство Бирона продержалось еще неделю-другую. А так все ограничилось пытками.

Свое правление Бирон начал с милостей. Из ссылки был возвращен кабинет-министр князь А. М. Черкасский; пожалованием 360 рублей придворному пииту Василию Кирилловичу Тредиаковскому компенсировали ущерб, нанесенный побоями Волынского. Но главная милость состояла в уменьшении размеров подати на 1740 год на 17 копеек. Еще одним указом Бирон попытался избавить себя от репутации расточительного человека: он предписал носить платье, сшитое из материи не дороже четырех рублей за аршин.

Другим средством укрепления своих позиций Бирон считал репрессии, которые он щедро «расточал» своим реальным и потенциальным недругам с первого дня регентства. Сколь неуверенно чувствовал себя Бирон в новом качестве, явствует из его предписания главнокомандующему в Москве графу С. А. Салтыкову, датированного 26 октября 1740 года, то есть неделю спустя после вступления в должность регента. Бирон велел «искреным образом осведомиться», что говорят в Москве «между народом и прочими людьми о таком нынешнем определении». О мере секретности указа можно судить по тому, что донесение о результатах тайных наблюдений Салтыков должен был сочинить «своею рукою», минуя канцелярию.

Бирон не без оснований полагал, что к направленным против него толкам причастен Антон Ульрих, и, чтобы подтвердить эту догадку, велел арестовать его адъютанта Петра Граматина. Существенных сведений, компрометирующих Брауншвейгскую фамилию, следователям выколотить не удалось — недовольство Антона Ульриха своим унизительным положением, равно как и тем, что его, а также мать императора обошли при назначении регентом, были известны и без показаний Граматина. Тем не менее Бирон предпринял меры по выдворению Брауншвейгской фамилии из России.

Первый шаг на пути преследований родителей императора состоял в принуждении Антона Ульриха подать прошение об освобождении от всех воинских должностей. Подоплека этой меры прозрачна — лишить его возможности использовать военную силу: он был подполковником Семеновского полка и полковником Брауншвейгского полка. В указе об отрешении принца от этих должностей Бирон не преминул воспользоваться издевательской формулировкой, якобы исходившей от двухмесячного ребенка: «Понеже его высочество, любезнейший наш родитель желание свое объявил имевшиеся у него военные чины снизложить, а мы ему в том отказать не могли, того ради чрез сие военной коллегии для известия». Весь этот фарс был разыгран при активном участии Миниха, рассчитывавшего, что он будет должным образом облагодетельствован. Но фельдмаршал ошибся.

Временщика погубила не только его дурная слава, но и свара внутри немецкого лагеря, где соперничали за власть каждый против всех и все против каждого. Триумвират Бирон—Миних—Остерман был бы неприступен для всех противников. Но в том-то и дело, что лица, стоявшие у подножия трона, вцепились друг в друга мертвой хваткой, ревниво следили за своими успехами и норовили в любую минуту подставить ножку противнику.

Начнем с того, что в самой Брауншвейгской семье напрочь отсутствовали любовь и согласие. Непрерывные ссоры, одной из причин которых были нескрываемые интимные связи Анны Леопольдовны с фаворитом, создавали разнобой во внутренней и внешней политике — Остерман сделал ставку на Антона Ульриха, в то время как мать императора игнорировала его советы и прислушивалась к мнению вице-канцлера Головкина. Брауншвейгский дом опасался своего выселения из России, которым то и дело стращал Бирон. Кроме того, герцог шантажировал брауншвейгцев перспективой посадить на трон голштинскую династию в лице Петра Федоровича.

Но и Бирон не чувствовал себя в безопасности — перед ним маячила угроза лишиться регентства. Неуютно было и Остерману. Ему приходилось постоянно лавировать между Бироном, Минихом и членами Брауншвейгской семьи. Считаться с «конъюнктурой» было для Остермана делом привычным, но с каждым годом ему, прикованному к постели, становилось все труднее отдаваться этому занятию.

Э. И. Бирон.

Всех их лишал спокойствия Миних — человек беспредельного честолюбия, готовый ради достижения цели на решительные и рискованные действия, что он с успехом и продемонстрировал во время свержения Бирона. Но и его не покидало чувство опасности. Для него угроза лишиться власти и почестей исходила и от Бирона, и от Брауншвейгской фамилии. Соперничавшие стороны с легкостью заключали союзы и столь же легко их расторгали: бывшие союзники становились заклятыми врагами.

Так, фельдмаршал Миних поддержал Бирона в его выпадах против Антона Ульриха и в претензиях на регентство, надеясь получить за эту поддержку чин генералиссимуса. Его честолюбивые замыслы простирались вплоть до надежд стать фактическим правителем страны, а Бирону он отводил чисто декоративную роль регента.

Расчеты Миниха не оправдались. Он не извлек никаких выгод из регентства Бирона, но быстро утешился, переметнувшись на сторону Анны Леопольдовны. Перемена ориентации свершилась с фантастической скоростью. 19 октября был обнародован указ о назначении Бирона регентом, а 7 ноября Миних во время аудиенции у Анны Леопольдовны внимал жалобам рыдавшей принцессы: «Граф Миних! Вы видите, как обращается со мною регент. Мне многие надежные люди говорят, что он намерен выслать меня за границу». Миних дал слово освободить страну от тирана, а на следующий день заявил матери императора о намерении ночью схватить Бирона. Принцесса малость покуражилась, но затем сказала: «Ну, хорошо, только делайте поскорее!»

Миних отнюдь не нуждался в подобных советах, ибо привык действовать прямолинейно и решительно. В канун переворота Миних, как часто бывало и до этого, обедал у Бирона, который пригласил фельдмаршала и на ужин. Как бы предчувствуя беду, Бирон не мог сосредоточенно вести беседу и вдруг задал своему гостю вопрос, вызвавший у того подозрение, не догадался ли Бирон о перевороте. Он спросил Миниха, «не предпринимал ли он во время походов каких-нибудь важных дел ночью». Миних оторопел и пробормотал что-то невразумительное, но для себя решил действовать в эту же ночь.

XVIII век примечателен политической нестабильностью. Но переворот, произошедший в ночь на 8 ноября 1740 года не имел аналогов и отличался необычайной легкостью: ему не предшествовали тайные совещания заговорщиков, разработка плана действий и т. д. Фельдмаршал Миних не счел нужным поделиться своим замыслом даже с собственным сыном, камергером Анны Леопольдовны, а последняя не посчитала надобным известить о надвигавшихся событиях собственного супруга. Вот свидетельство Миниха-младшего: «В сие самое время (в ночь на 8 ноября.— Н. П.) лежал я, не ведая ничего, в передней комнате у малолетнего императора, будучи тогда дежурным камергером, в приятнейшем сне, почему немало ужаснулся, как вдруг, пробудясь, увидел принцессу, на моей постели сидящую. Я вопросил о причине, она с трепещущим голосом отвечала:

«Мой любезный Миних, знаешь ли, что твой отец предпринял? Он пошел арестовать регента. — К чему присовокупила еще: — Дай Боже, чтобы сие благополучно удалось!»

И я того же желаю, сказал я, и просил, чтобы она не пугалась, представляя, что отец мой не преминул надежные на то принять меры.

Потом принцесса с фрейлиной Менгден, которая одна при ней находилась, пошла в спальню малолетнего императора, а я скорее выскочил из постели и оделся, немного спустя пришел и принц» (Безвременье и временщики. Л., 1991. С. 173).

Успеху переворота способствовали благоприятные обстоятельства: в ночь, когда Миних решил свергнуть регента, во дворце дежурили солдаты и офицеры Преображенского полка, командиром которого он состоял. Вызвав адъютанта полковника Манштейна, Миних вместе с ним отправился в Зимний

дворец, где разбудили Анну Леопольдовну, которая благословила их действовать.

После разговора с принцессой Миних направился к главному караулу и обратился к его солдатам с призывом арестовать Бирона. Упрашивать караул не пришлось — согласились тут же. Оставив на гауптвахте при знамени 40 рядовых и офицера, фельдмаршал и полковник с 80 человеками двинулись в направлении Летнего дворца, где находился Бирон.

Не дойдя до дворца, Миних велел Манштейну отправиться в покои Бирона и взять его живым или мертвым. Охранявшие регента караульные знали полковника в лицо и пропустили его беспрепятственно, полагая, что тот послан с каким-то срочным поручением. Не зная расположения комнат во дворце и не ведая, в каких покоях находился регент с супругой, Манштейн, что называется, на ощупь, благополучно и без шума достиг комнаты, где безмятежно почивала супружеская пара.

Герцог и герцогиня не проснулись даже от шума открываемой двери, одна из половинок которой, к счастью, оказалась не закрыта задвижками сверху и снизу. Подойдя к кровати, полковник громко окликнул Бирона, заявив о своем желании переговорить с ним. Регент сообразил, что появление в его апартаментах Манштейна в неурочное время не сулило ничего хорошего, и поднял крик. Сначала он попытался спрятаться под кроватью, а затем вступил в единоборство с непрошенным визитером. Подоспевшие гренадеры без труда совладали с орудовавшим кулаками Бироном: повалили его на пол, заткнули рот платком, связали руки офицерским шарфом, накинули шинель и в таком виде принесли в карету, немедленно доставившую его в Зимний дворец.

В ту же ночь тот же Манштейн арестовал младшего брата Эрнста Бирона Густава, а другой адъютант Миниха взял под стражу Бестужева-Рюмина, любимого регентом канцлера. Сколь неожиданным был арест для последнего, явствует из вопроса, заданного им арестовывавшему его офицеру:

— Что за причина немилости регента?

Английский посол Финч подтвердил совершеннейшую неосведомленность вельмож о событиях во дворце: «Здесь никто 8 ноября, ложась в постель, не подозревал, что узнает при пробуждении». Даже кабинет-министр Черкасский 9 ноября, то есть в день, когда Бирон уже содержался в каземате Шлиссельбургской крепости под крепким караулом, предпринимал попытку пробиться в его апартаменты. Не имел понятия о случившемся и всезнающий Остерман.

К шести утра регентство Бирона закончилось. На свободе оставался еще один брат Эрнста Бирона — Карл, московский генерал-губернатор, но он, как и зять Бирона рижский генерал-губернатор Бисмарк, пользовались этой свободой ровно столько, сколько времени понадобилось курьеру, чтобы преодолеть расстояние, отделявшее новую столицу от старой и от Риги. Бирона с семьей сначала повезли в Александро-Невский монастырь, но в тот же день, 8 ноября, отправили в Шлиссельбург. Саксонский дипломат Петцольд доносил, что Бирон до отправления своего в Шлиссельбург предлагал офицеру дорогие подарки за то, чтобы тот предоставил ему случай броситься в ноги к Анне Леопольдовне (Брикнер А. Г. Падение Бирона//Новое слово. 1896. Май. С. 62; Шубинский С. Н. Арест и ссылка Бирона//Русская старина. 1871. Т. 3. С. 537—543).

Несмотря на ранний час, весть о случившемся во дворце быстро разнеслась по столице. На Дворцовую площадь прибывали полки и горожане, бурно выражавшие радость по поводу того, что наступил конец правления деспота, державшего в страхе страну.

В то время как на площади жгли костры и распивали вино, предоставленное толпе по повелению Анны Леопольдовны, во дворце лихорадочно закрепляли успех: вельможи присягали новой правительнице, составлялся манифест о происшедшем. В манифесте от имени Синода, министров и генералитета было объявлено, что герцог оказывал родителям императора «великое непочитание», сопровождавшееся «непристойными угрозами». В XVIII веке перевороты повелось совершать именем народа, отражая в манифестах его «волеизъявление». Удаление Бирона исключением не явилось: «И поэтому принуждены себя нашли по усердному желанию и прошению всех наших верных подданных духовного и мирского чина оного герцога от регентства отрешить».

Сделав дело, Миних засел за составление наградного списка. Сам он, как мы уже знаем, претендовал на «скромный» чин генералиссимуса. Остермана намечалось облагодетельствовать чином великого адмирала, князя Алексея Михайловича Черкасского — чином канцлера, а Михаила Гавриловича Головкина — вице-канцлера.

Указ о наградах был обнародован 11 ноября, но Миних, единственный виновник совершившегося переворота, не получил вожделенного чина: генералиссимусом был пожалован отец императора. Миних должен был довольствоваться ролью первого министра. Составляя указ о пожаловании Антона Ульриха , Миних допустил бестактность, грубо уязвив самолюбие принца: из документа следовало, что чин генералиссимуса за его великие заслуги было бы справедливо присвоить Миниху, но он, Миних, отрекается от этого чина в знак «его высочества почтения». Остерман не слыл бы великим интриганом, если бы не воспользовался этой оплошностью.

После падения Бирона, пришел черед и вражде Миниха с Остерманом. Андрей Иванович не упустил случая использовать высокомерный тон указа для возбуждения недовольства правительницы. Вскоре Миних дал еще один повод для осуждения своего поведения: он позволил себе третировать новоиспеченного генералиссимуса, информируя его только о своих второстепенных распоряжениях. Правительница пошла навстречу жалобам супруга и велела Миниху совещаться с ним по всем делам и строго соблюдать субординацию. Тем самым самолюбию Миниха был нанесен чувствительный удар.

Успеху Остермана благоприятствовали обстоятельства: главное из них состояло в том, что иноземец наемник Миних не имел своей, как тогда говорили, партии, то есть сторонников из вельмож, готовых где нужно замолвить словечко, защитить от нападок либо поддержать его притязания. Он не располагал к себе окружающих из-за чрезмерного высокомерия и себялюбия. Проискам Остермана способствовала и серьезная хворь фельдмаршала, уложившая его в постель и лишившая возможности наносить ответные удары.

Между тем Остерман усердно копал яму под Миниха. Определив фельдмаршала в подчинение к Антону Ульриху, великий адмирал и еще более великий интриган стал исподволь убеждать правительницу, насколько опасен Миних интересам России в должности первого министра: он, нашептывал Андрей Иванович, не обладает ни опытом, ни знаниями, чтобы направлять действия правительницы как во внутренней, так и во внешней политике, ибо вся предшествующая его служба была связана с армией, военной администрацией и сражениями. Неопытность, неосторожность и, выражаясь современным языком, некомпетентность первого министра могли ввергнуть страну в нежелательный военный конфликт либо нанести урон ее престижу.

Андрей Иванович преуспел и здесь — 28 января 1741 года последовал указ Анны Леопольдовны, осуществивший его хитроумный план разделения дел в кабинете министров на три департамента, каждому из которых поручалась определенная сфера управления. Первому департаменту во главе с Минихом доверялось руководство всеми полками регулярной и нерегулярной армии, крепостями, артиллерией и впридачу Ладожским каналом. Второй департамент под началом Остермана ведал иностранными делами. Андрею Ивановичу, плававшему по морю только в качестве пассажира, поручались Адмиралтейство и флот. Наконец, третьему департаменту, отданному для заведования великому канцлеру князю Черкасскому и вице-канцлеру графу Головкину, поручались все вопросы внутренней политики: управление Сенатом и Синодом, сбор налогов, промышленность, торговля, юстиция и прочее.

Цель реорганизации Кабинета министров видна невооруженным глазом — ограничить власть первого министра. Ловкий ход Остермана лишил Миниха не только беспредельных прав, на которые тот претендовал, но и ограничил его власть даже в чисто военной сфере: каждый шаг фельдмаршала отныне должен был быть согласован с генералиссимусом. Так отблагодарила Анна Леопольдовна Миниха, на блюдечке принесшего ей всю полноту власти при малолетнем сыне.

Перенести такое тщеславному Миниху было выше его сил, и он решил подать в отставку. Предпринимая этот опрометчивый шаг, фельдмаршал полагал, что его заслуги, авторитет и опыт столь велики, что без него беспомощная Анна Леопольдовна никак не сможет обойтись; в отставке ему будет отказано, а правительница с супругом начнут умолять его сохранить за собою все посты и полноту власти первого министра. Возможно, фельдмаршал втайне надеялся на то, что он сам продиктует условия своего возвращения.

Каково же было удивление Миниха, когда он узнал о подписанном Анной Леопольдовной 3 марта указе генералиссимусу, в котором просьба фельдмаршала об отстранении «его от военных и статских дел» была удовлетворена! Только теперь он понял, что стал жертвой собственной горячности — его недруги только и ждали того момента, когда он совершит неосторожный шаг. Он и подставился сам, причем не подавая письменного прошения об отставке, об этом он сгоряча обмолвился в беседе с правительницей. Остерман подсидел своего конкурента в борьбе за власть.

Обнародование указа сопровождалось церемонией, с одной стороны, унижающей достоинство фельдмаршала, а с другой — свидетельствующей о страхе перед ним: вдруг он решится на ответные действия. В день подписания указа об отставке во все подчиненные Миниху учреждения были направлены копии, а на другое утро об этом объявили на всех столичных перекрестках.

Претензии Миниха на власть не соответствовали его возможностям с этой властью справиться. Он был лишен необходимых государственному деятелю качеств — гибкости, широты взглядов, способности к компромиссу; их заменяли солдатская прямолинейность и ставка на силу.

Судьба Миниха отнюдь не уникальна. Логика здесь несложная — человек, предоставивший корону монарху и отнявший ее у другого, мог с такой же легкостью отнять ее и у того, кого только что облагодетельствовал. Миних в этом плане классический образец. Анна Леопольдовна и ее окружение, вероятно, полагали, что Миниха следует остерегаться. Укрепить их подозрения могли показания Бирона, содержавшегося в Шлиссельбурге.

Сначала герцог ограничился обвинением фельдмаршала в том, что именно благодаря настояниям его и никого другого он согласился стать регентом. Когда же Бирону стало известно об отставке Миниха, а следовательно, и о лишении того способности мстить и вредить заключенному, последний стал обвинять фельдмаршала во всех мыслимых и немыслимых намерениях: посадить на трон представителя голштинской фамилии, изменить состав гвардейских полков, укомплектовав их недворянскими выходцами, а также в неблагодарности к тем, кто ему покровительствовал: Остерману, Ягужинскому и др.

Не все бироновские обвинения можно считать облыжными и навеянными надеждой избежать суровой кары. Но именно ради собственного блага Бирон делал главное предостережение правительнице: не слишком доверять фельдмаршалу.

Впрочем, это не облегчило участи герцога. Как и всегда, для разбирательства поступков и преступлений временщика была назначена чрезвычайная комиссия со следственными и судебными функциями. Следствие по делу Бирона вела генералитетная комиссия из восьми человек. 8 апреля 1741 года она вынесла приговор: Бирона предать четвертованию с конфискацией имущества. Анна Леопольдовна проявила милосердие, заменив смертную казнь ссылкой всей «его фамилии»: членов семьи, обоих братьев и зятя Бисмарка – в Сибирь, где содержать их в «вечном заключении». Манифест обвинил Бирона в стремлении стать государем, в намерении лишить трона Брауншвейгскую фамилию, в личном обогащении: в Россию он прибыл в «мизерном состоянии», а стал владельцем колоссальных богатств.

Итак, Остерман достиг цели: Миних отстранен от дел, Бирон сослан в Пелым, а он, великий адмирал,

сохранил за собой все должности и фактически, как и при Анне Иоанновне, сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Андрей Иванович торжествовал, но победа оказалась пирровой.

Распад немецкого триумвирата Остерман—Бирон—Миних, уподобление добравшихся до власти немцев паукам в банке, изничтожавшим друг друга, лишь создавали видимость укрепления позиций Остермана. В действительности, оставшись в одиночестве, он ускорил собственное падение. Поведение Андрея Ивановича во времена правления Анны Леопольдовны изобличает в нем человека, в избытке наделенного качествами интригана и мелкого честолюбца, но лишенного государственной мудрости.

При этом возможностей проявить свои таланты интригана в полной мере у Остермана значительно поубавилось. Будучи уже несколько лет прикованным к постели, он фактически утратил контакт с внешним миром и оказался в изоляции вместе с Брауншвейгской фамилией. Если Бирон за долгие годы своего правления сумел расставить своих родственников и клевретов на некоторые ключевые должности, а фельдмаршал Миних пользовался репутацией известного полководца среди людей военных, то Остерман не располагал ни своими ставленниками, ни связями. Новоиспеченный генералиссимус Антон Ульрих тоже известностью не пользовался. Слабый и ограниченный, он имел только одно достоинство — врожденную неустрашимость.

Анна Леопольдовна приблизила час своего падения странным поведением. По отзыву Фридриха II, она «при некоторой трезвости ума, отличалась всеми прихотями и недостатками дурно воспитанной женщины» (Русский архив. 1877. № 1. С. 10). У нее абсолютно отсутствовали способности государственного деятеля. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на ее окружение и распорядок дня. По свидетельству современника, наблюдавшего порядок при дворе, Анна Леопольдовна была женщиной беспечной и ленивой, значительную часть суток проводила в спальне вместе с девицей Юлианой Менгден, занимаясь праздным судачеством о придворных новостях. Пребывание в спальне позволяло правительнице быть непричесанной и экипированной так, чтобы лишь прикрывать свою наготу. Доверие, любовь и привязанность к фрейлине были настолько велики, что правительница соглашалась принимать только тех, кто был угоден фаворитке. А та протежировала своим родственникам и иноземным послам, приглашаемым по вечерам играть в карты.

Вместо того чтобы опереться на опытных советников, 23-летняя правительница руководствовалась внушением своей недалекой фаворитки. Родом из Лифляндии, та получила деревенское воспитание, готовясь стать послушной супругой какого-либо преуспевающего помещика, но случай вознес ее к вершинам власти, которой она распряжалась, как домашняя хозяйка.

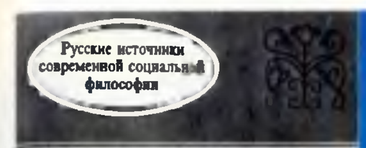
Русских вельмож раздражало не только пристрастие правительницы к иностранцам, но и невозможность проникнуть к ней для доклада. Если все же удавалось добиться аудиенции, то у робкой и нерешительной правительницы затруднительно было получить резолюции — она предоставила все дела на усмотрение вельмож и чиновников. Деловые разговоры ее быстро утомляли и удручали, она без труда поддавалась сторонним влияниям, всегда имела грустный и унылый вид.

Примером ее поражающей воображение беспечности является широко известный факт: когда граф Остерман, лишенный возможности самостоятельно передвигаться, велел принести себя в ее покои, чтобы предупредить ее о заговоре Елизаветы Петровны и надвигавшейся серьезной опасности, она вместо обсуждения ситуации и срочных мер по защите трона расхохоталась, показала графу новое платье для сына-императора и спросила его мнение о нем. «Впрочем, — засвидетельствовал Манштейн,— она была очень хороша собою, прекрасно сложена и стройна; она свободно говорила на нескольких языках». Эти достоинства, быть может ценные для частного лица, не покрывали главного ее недостатка — отсутствия склонности, не говоря уже о способностях, управлять государством и утруждать себя заботами, выходившими за пределы приватных интересов.

На горизонте показалась фигура нового Бирона. Им был друг сердца Анны Леопольдовны граф Линар, саксонский посланник в Петербурге. Отношения принцессы с фаворитом были столь компрометирующими и вызывали осуждение двора, не отличавшегося скромностью, что Анна Иоанновна в 1735 году настояла на его отзыве из России. После смерти императрицы Анна Леопольдовна постаралась вернуть графа в Петербург. Чтобы прикрыть связи с возлюбленным, придумали женить Линара на фаворитке Менгден. В августе 1741 года состоялось его торжественное обручение с фрейлиной, после которого он отбыл в Саксонию устраивать свои дела, чтобы потом поступить на русскую службу. Правительница прочила фавориту должность, которую занимал Бирон при Анне Иоанновне. До возвращения Линара в Россию в Петербурге произошел переворот, избавивший страну от повторения бироновского правления. Реальная роль Линара состояла в том, что его связи с правительницей сеяли раздор в ее семье (Германн. Царствование Иоанна Антоновича // Русский архив. М., 1867. Стлб. 161—175). Как подметил маркиз Шетарди, «правительница со своими фаворитами и фаворитками уничтожает то, что делает генералиссимус с графом Остерманом, а эти отплачивают тем же». Маркиз сообщил и некоторые подробности интимной жизни супругов: «Правительница по-прежнему питает к своему мужу отвращение; случается зачастую, что Юлия Менгден ему отказывает входить в комнату этой принцессы; иногда даже его заставляют покидать постель».

(Продолжение следует)

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн

Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. 368 с.

Где мы? На востоке Европы или на западе Азии? Действительно ли

Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы?

Может быть, и до сих пор держим? Может быть, в середине основного массива земель Старого Света лежит особый «континент-океан» Евразия, разделяющий два столь несхожих мира — Азию и Европу и взирающий на них двумя главами орла, унаследованного от тысячелетней Византии?

Что это — евразийство? Чтобы не судить об этом понятии только с точки зрения красоты звучания слова, читатель получил возможность обратиться к обстоятельной антологии, подготовленной Институтом философии Российской Академии наук и вышедшей редким для современной научной книги тиражом 7000 экземпляров! О добросовестности составителей говорят не только подробная библиография, примечания и именной указатель, но и замечательный раздел «PRO и CONTRA», в котором разворачивается полемика вокруг евразийства. Так ли уж новы идеи об особой миссии России, соединившей черты византизма и «татарщины», о культуре как «симфонической личности», сглаживающей недостатки отдельного индивида, о православии как политической силе, о сильном «идеократическом государстве» с вышедшим из народа правящим слоем?

Евразийство кончилось расколом, признанием его наиболее последовательными сторонниками интернационального блага русской революции, поддержкой усовершенствованного «партийного советского государственного строя» — и тяжелой участью вернувшихся на родину евразийцев. В столкновении практики с теорией получилось: П. Н. Савицкий — 10 лет лагерей, Л. П. Карсавин — 12 лет и смерть в лагере, Д. П. Святополк-Мирский — участь неизвестна... И все же недаром антология вышла в серии «Русские источники современной социальной философии». Евразийская мысль не стала только экспонатом в музее истории идей — среди ее преемников стоит назвать хотя бы Л. Н. Гумилева, чьи книги (пусть и после смерти) стали столь читаемы.

Дмитрий Олейников

А. А. Корнилов. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.

Когда историк цитирует Корнилова, его спрашивают: «Это не тот ли Корнилов?..» — и он отвечает: «Тот, но не Лавр Георгиевич, не герой белого дела, а секретарь ЦК и председатель горкома кадетской партии, видный деятель либерального движения». И, добавим, видный историк позитивистской школы, при всех ее недостатках имевшей одно большое достоинство — стремление рассказать, «как оно было на самом деле». Это стремление заставляло опираться на факты, документы и свидетельства и только потом строить какую-либо обобщающую схему. Потому и оказался «Курс истории России XIX века» столь долговечным, что в нем прежде всего «то, как было на самом деле». Тем более что его последнее издание осуществлялось в 1918 году, когда уже можно было критиковать самодержавие и еще не нужно было подстраиваться под вкусы большевиков. Хотя красный профессор Покровский уже выступал с критикой: дескать, так мы и до переиздания Ключевского докатимся!

Как пишет автор предисловия А. А. Левандовский (кстати, сумевший выпустить о кадете-историке весьма приличную книжку в «застойном» 1982 году), «Курс» Корнилова на долгие годы остался последней «старорежимной» исторической работой обобщающего, да к тому еще и учебного характера, изданной при Советской власти. Недаром говорят, что последнему — всегда цена особая, выше обычной... Корниловский «Курс» дорогого стоит. Он в полной мере вобрал в себя глубокое, неровное дыхание русской исторической науки предреволюционной поры — эпохи кризиса, сомнений, непрерывного поиска новых путей».

В 1992—1993 годах журнал «Родина» опубликовал часть корниловского «Курса», сожалея, что опубликовать все просто места не хватает. Теперь есть книга в твердом переплете, которая достойна занять место на книжной полке учителя, исследователя, любителя.

Дмитрий Степанов

«Впереди — воля и белый хлеб!»

Домна ЖУНТОВА-ЧЕРНЯЕВА

Столыпинское переселение глазами смоленской крестьянки

Передо мною объемистая стопа толстых, «общих» тетрадей, исписанных крупным старательным почерком Домны Ефимовны Жунтовой-Черняевой (по второму мужу — Сидоровой). Это дневник, который она вела с детских лет до самой смерти (1983) в Екатеринбурге, аккуратно переписывая его с неразборчиво заполненных листков, дополняя и уточняя, надеясь, что эту трудную повесть лет прочтут дети и внуки. Многократно Домна Ефимовна меняла место жительства — от Смоленщины до Средней Азии и Урала, живала и в больших городах, и в деревушках, всюду записывая важнейшие, с ее точки зрения, события.

Домна была старшей дочерью в большой бедной семье крестьян Ефима Филипповича и Феклы Ефремовны Жунтовых из села Ярошевщина Верховской волости Смоленской губернии. В семье было 8 братьев и 2 сестры, старики, а земли всего-то десятина, которую арендовали у помещика Новосельского после отмены крепостного права. Между тем, после указа 6 ноября 1906 года об аграрной реформе стала реальной надежда на собственную землю и вольную жизнь зажиточных крестьян в новых районах. Переселение из малоземельных губерний России в районы Сибири, Северного Кавказа и Средней Азии стихийно шло еще с конца XIX века; столыпинская реформа дала движению новые стимулы.

Семья Жунтовых, подобно многим тысячам других, решилась переселиться в Среднюю Азию, на пустующие земли; там и получила вскоре земельный надел, устроила пасеку в горах. Вокруг города Лепсинска, недалеко от Талды-Кургана — там происходит главное действие первой части дневника — как грибы растут новые селения: Покатиловка, Черкасское, Гавриловка, Антоновка, Петропавловка, Веселое и другие, созданные переселенцами (многие из этих названий можно найти на современных картах).

Публикуемая история переселения Жунтовых в Среднюю Азию важна как свидетельство очевидца, хотя автору было в ту пору всего 14 лет. Главное внимание рассказчица уделяет нравственным качествам встретившихся на пути людей, в том числе иноверцев, подчеркивая важность доброты и людской солидарности (обработка сделана автором в более позднее время). Интересна воспроизведенная психологическая атмосфера крестьянской среды, поражают народные характеры, самоотверженность и нравственная целеустремленность русской женщины, неграмотной крестьянки, которая одна в свои 36 лет, с кучей детей, поехала за тысячи верст в неизвестность — по первому зову мужа...

Домна Ефимовна с мужем Василием Филипповичем Черняевым и дочерью Грушей. Снимок сделан перед уходом Черняева на «империалистическую» войну.

1907 год.

Батя поехал на волю, в Семиречье*, землю искать**. Писарь вычитал в газете, что там на всех дают наделы, на детей и на баб. Вот раздолье! Будем жить, как пан Новосельский.

Проходит месяц, другой — нет ни вести, ни повести. Матка плачет, убивается: «Вот тебе и воля! Нашел земли три аршина. А мне оставил ребяток десяток».

Почтовое отделение у нас на станции Куприно, от нас три версты. Почтальон принес заказное письмо. Бабушка была одна дома, расписаться некому, он унес письмо обратно. Вечером мама как узнала — понеслась прямо в рабочем платье, босиком, на почту. Прибежала — все закрыто, она туда-сюда... Сторож говорит:

— Что ты убиваешься, завтра получишь.

— Да я не доживу до завтра! Нельзя ли к начальнику почты? Дедушка, сделай божескую милость, сходи!

— Экая беспокойная, ну попытаюсь. У них гости сегодня.

Стою, рассказывала нам мама, а сердце колотится. Жив ли? Больше ничего не надо! Дед вернулся: «Кличут тебя!» Пришла я в переднюю, дальше не прохожу; там музыка играет, пол, как стекло, наступать боязно. Служанка доложила обо мне. Вышел начальник.

— Господин начальник, дайте, пожалуйста, грамотку!

— Не тебе написано, Егору Филипповичу.

— Да это мой деверь, мы вместе живем, он сейчас в отлучке. Целое лето от мужа слуха не было, не томите меня!

— Да ведь это уголовное дело — чужое письмо отдавать.

Вышла его дочь, я упала на колени:

—Барышня, помогите мне упросить вашего батюшку!

Все же послали за почтарем, отдали письмо. Я взяла грамотку и полетела домой. Дёмка, сын, стал читать. Письмо было и горькое, и радостное. Сначала они заблудились, попали в Китай, голодовали. А радостное — что мы скоро поедем на волю, в Семиречье...

Отец на зиму домой не вернулся, а весной послал грамотку: «Дорогая Фекла Ефремовна, собирай наших цыплят. Я нашел место: Семиречье, Средняя Азия, Китай рядом. Тут живут всякие народы, в основном киргизы, у них земли — целые поля, продают дешево, ездят верхами. Я купил у Тополевского казака десятину за три рубля. Он вспахал и засеял своими семенами, растет белотурка, как море. Я делаю мазанку, чтобы вы приехали в свое гнездо...»

Собралась вся наша семья и родня, судили-рядили. Дядя Егор и дедушка остаются, на пана надо еще поработать три года за десятину, которую мы арендуем. Все хорошо впереди: воля и хлеб белый, но как трудно добраться женским делом с такой оравой, просто страшно подумать! У мамы три брата, три сестры — все плакали и убивались.

Старший мой брат Ефим оставался: он не закончил еще реальное училище. За старшего поехал брат Демьян 16-ти лет, мне — 14, так эта лесенка пошла вниз — мы все погодки — и самому маленькому Алеше всего год от роду.

Отговаривали родные: «Дорога очень трудная — от Смоленска до Омска в телячьих вагонах, потом на пароходе Иртышом до Семипалатинска, а там степями глухими на конях». Дед говорит: «Да, Ефремовна, не бабья дорога!» А мама у нас боевая, смелая: «Да что вы причитаете! Я не одна, нас три семьи, свои люди, не бросят в дороге!» Кроме нашей Жунтовской оравы с нами ехали в дальние, незнакомые края наши соседи — дядя Матвей с женой и мальчиком и другой дядя — Парфен с женой и двумя детьми. Он был наш дорожный опекун.

Рубашек дорожных нашили, сухарей ржаных насушили, напекли дорожников, капустников, творожников. Тут весь хутор собрался и слезами залился, все стояли за воротами, голосили-то с причетами: «Провожаем мы соседушку, не придет к нам на беседушку...» Дед Антип говорит: «Что вы, как куры, раскудахтались, надо подбадривать перед дорогой, и без вас тошно!» Он стал на телегу, помолился, поклонился на все четыре стороны — и обоз тронулся в долгий путь. Мы, старшие дети, пошли пешком за телегами с установленными на них будками.

Брат мой Ефим, который оставался дома, подал мне наказ быть умной в новой жизни, я поклонилась ему в ноги, он залился слезами. На повороте я оглянулась: брат все стоял, как маяк, пока дорожные будки не скрылись за березняком...

В бедной крестьянской семье все были друг к другу трогательно привязаны. «Я никогда не слыхала в нашей семье брани, не видала побоев. Отец не умел сказать худого слова», — пишет Домна Ефимовна в другом месте.

Старший брат Ефим (он надолго выпадает из записей дневника) навсегда остался в тех краях, дослужился впоследствии до больших чинов. С ним переписывались; так, на приведенной фотографии написано на обороте: «Брату с нижайшим почтением». Во время Отечественной войны следы его затерялись. В 50-е годы Домна Ефимовна вычитала где-то заметку о крупном техническом изобретении С.Е. Жунтова, живущего в Таллине. Через редакцию она отыскала Сергея — да, это оказался ее родной племянник Сергей Ефимович! Радости не было конца. Родственные отношения возобновились.

...Золотые кресты — Вознесенской собор на горе, далеко его видно. Это мы приехали в Смоленск. Крестный пошел билеты на поезд покупать, а мы остановились обозом у Днепра, как галчата, толпимся возле телеги. Мама дала Демке четвертак: «Иди, говорит, в лавку, купи ситного хлеба и пару селедок». Демка взял деньги и говорит: «Я один не пойду». Пошли, говорю, трус! А город — ни конца ни краю! Не пойдем, говорю, далеко, а то заблудимся. А сами идем — вокруг смотрим. На углу стоит шарманщик, девочка, такая же, как я, подпевает унылаю песню; мы постояли, послушали. О булыжник босые ноги посбивали — под ноги-то не глядим, вокруг диковина, как в сказке: стоит господин в шляпе, рядом вертушка. Какой-то горожанин крутнул, получил бусы и ушел. Мы подошли ближе, глядим: и столько на вертушке соблазна и приманки! Давай, говорю, Демка, крутнем, мне бусы выкрутим!

* Семиречье — район семи рек, впадающих в озеро Балхаш; территория нынешнего Казахстана.

** Отсутствующие в тексте знаки препинания расставлены публикатором; орфография выправлена; в отдельных случаях сохранено народное произношение слов.

Демка подал хозяину деньги, крутнул — и хозяин подал мне двухкопеечное медное колечко. Я заплакала. Тут подошел горожанин, который наблюдал за нашей игрой: «Давай-ка мне билетик!» Он крутнул — и выиграл сережки. А потом и говорит: «Ты кого обманываешь? Не видишь, дети босиком? Бери свою крутилку обмана и уходи!» Хозяин вернул нам деньги. Мы пошли в булочную — и незнакомец с нами. Он спросил, кто мы и откуда, я ему все рассказала. Зашли в лавку. «Ну, говорит, покупайте!» А я говорю: «У нас пять пятаков на десять едоков» — в рифму, так я привыкла. Дедушка за это звал меня складыней, а иные называли выскочкой; все мне было любопытно, все надо было знать. Я ведь и школу-то, три класса, закончила по своей настойчивости: дедушка отговаривал меня: не бабье, говорил, дело учиться, а я пошла со старшими братиками в школу...

Прозвище «складыня» вполне оправдалось. Всю жизнь Домна Ефимовна сочиняла стихи, сказки, песни и выступала с ними перед ранеными в госпиталях, разучивала с детьми в яслях и детсадах, где работала много лет.

Но вернемся в лавку смоленского булочника...

Мы с Демкой любовались на аппетитные баранки, а не покупали. Незнакомец купил мотушку баранок и надел мне на шею: «Это вам на дорогу». Чудно! «Зачем это вы, говорю, деньги держите, вы же нам чужой человек?» Да как же, отвечает, чужой, когда я такой же, как вы, лапотник. Да еще из той же Верховской волости, и у меня там сестра работает учительницей в школе. А глаза у него такие добрые...

Назавтра в 9 утра посадка на поезд. Дешевой тариф — вагоны телячьи. Но мы лучше не видали, так нам и это хорошо; не одни мы, все новоселы так едут. Наши три семьи поместили вместе. Кругом нары — ни прохожей, ни отхожей; ехали, как скот, две недели до Омска.

А там на пароход нас не взяли: дети малые, слабые — сказал, нас прослушав, врач*. Мама так убивалась: «Вот, говорит, подходит терзание!» Соседи могли плыть, но остались, не бросили своих на чужбине. Сообща купили коней и поехали. Доехали до казачьей станицы Татарская, но нас туда не пустили: «Носит вас, кацапы, все ищете, где лучше! На запольках вон вам место!»**

Самый маленький, Леша, был весь в жару и ночью скончался. Назавтра было воскресенье, раздался звон колоколов. Мама пошла к священнику, он дал распоряжение, наутро его работник сколотил гробик и принес на запольки. Мама положила братика, принесли его в церковь, батюшка отпел, ничего за это не взял. Мама со слезами ему поклонилась. Работник вырыл могилу, схоронили братика Лешеньку... Незнакомые украинки принесли маме хлеба, простокваши, поплакали с нами вместе. Мы, говорят, тоже недавно приехали, нас тут не любят, мы полтавцы***, будем подаваться туда, куда вы едете. На будущий год там землю нарезать будут. А тут живут казаки, царю верные служаки.

Поехали мы дальше по тракту. Степь. Нигде никого. Только иногда промчится тройка почтовая. Брат Демка, соседский Коля и я — мы шли вперед до самой станции. Кругом столько земли пустой — ни панов, ни крестьян, дикие пустыни!

Далеко вперед мы ушли, вдруг видим — пыль по дороге. Верховой верблюд едет, а за ним караван. Едут дикари на верблюдах, качаются, впервые нам встречаются, бешметы на них полосатые, шапки на них косматые. Тут догнали нас телеги с будками, присели все отдохнуть. Жара, пить хочется. Дядя Парфен пошел с чайником воды добывать; русских не видно, степняки языка нашего не знают, а мы их не понимаем. Все же дядя принес воды, стали чай варить. А мы трое взяли миску и пошли к колодцу умыться. Демка достал воды, все напились, я заплела свою русую косу. Подходит к нам киргиз, глядит, мы тоже на него глядим.

— Аман, драштуй, ребята!

Мы оробели. Аман, говорю.

— Твои далеко едет?

— Едем, где твои живет.

Что ты с ним калякаешь, Демка говорит, вон у него какой нож сбоку, может, он людоед! Тут подошла старушка к колодцу, киргиз помог ей воды выкачать — ну, значит, человек хороший. А бабушка спросила:

— Откуль вы, хлопчики?

— Из Росеи. Своей земли у нас там мало, а на помещика надоело работать. Едем на вольные земли.

...Кони наши в дороге подбились, корм степной скудный, все сгорело, мы тоже стали выбиваться из сил. Днем жарко, ночью холодно. Но поддерживала надежда на свою землю, на новую жизнь...

...Двадцать дней едем на конях. Не встретили ни капли дождя, загорели, как цыгане, пятки потрескались, губы полопались. Белки (белые шапки гор. — *О.Щ.*) приближаются к нам навстречу.

Вот начинает подувать ветерок, вздымая песок, все сильнее и сильнее, а за нами следом идет странная туча, какая-то желтая, я никогда не видала такой тучи. Мама говорит: «Пропали! Вот она, беда нежданная, надвигается! Кто нас спасет? Степь глухая». Налетел вихорь, стихия, песок несет — свету белого не видно! Мы все в крик. Горы песка — они все поднимаются... Однако мир не без добрых людей. Ямщик-киргиз, который на станции отговаривал нас от дороги, понял, что мы погибнем. Он оседлал лошадь, надел очки и пригнал нам помощь. Кричит маме: «Под телеги все! Давайте дерюги!» Будки с телег стащили, нас туда попрятали, лошадям завязали глаза. Знахарь (в значении «знаток». — *О.Щ.*) и сам залез к нам. Нас занесло песком. Буря начала утихать, показалось солнце, все стихло. Начали мы выходить. Кони, бедняги, храпели, мотали головами. Демка с ямщиком сцепился, впряглись в телегу и вытащили на дорогу. Я глядела на степняка и думала: «Вот тебе и «дикарь»! Да он самый хороший человек на земле!» Мама плакала и не знала, чем его отблагодарить, достала кусок полотна, который сама выткала: вот, говорит, тебе за твою теплаю доброту к нам. Он не берет. Мама говорит: да

* Во время столыпинского переселения пассажиров в пути осматривали врачи. Были устроены и пункты бесплатного питания, о которых, впрочем, не упоминается в дневнике.

** Запольки, заполье — окраина деревни, села, за ближними полями или огородами; кацапы — пренебрежительное прозвище великороссов.

*** В Омской области есть село Полтавка. Из Полтавской губернии переселение было наиболее многочисленным.

денег-то у меня нет. А он отвечает: мне ничего не надо. Да, мы разные люди, но душа у нас одна — человеческая, и нам долг велит помогать друг другу. Мама спросила, как его зовут. Он сказал — Садык.

— Вот, Садык, пошей себе чапан* из русского полотна. А я тебя никогда не забуду.

Киргиз взял, сложил руки на грудь, поглядел на небо и сказал: «Рахмет кудам сактанары дисаллям бос Аман бол» — спасибо, хорошей вам дороги.

Киргиз уехал, мы тоже потащились. Дороги не видно, но нам вехой были телеграфные столбы. Коней освободили, сели только четверо самых маленьких...

Приближаемся к месту назначения. Станица покрыта густым туманом; не доезжая — большая тополевая роща, арык течет. Мы остановились, вздохнули, дорожную пыль стряхнули. В это время раздался колокольный звон: бом-бом-бом! Матка перекрестилась. Демка отпряг коней, дети, как грачи, уселись вдоль арыка. Демка коней кормит, мама детей моет, а я, большая, — мне уже сравнялось пятнадцать лет — должна заботиться о главном: где взять хлеба. Я говорю: «Мама, вон будка и человек ходит взад-вперед, я пойду спрошу, где можно купить хлеба, а ты чай вари». Подошла к длинному дому, где солдат ходит, а спросить боюсь.

Брат Домны — Нил Ефимович Жунтов с сыном в своей столярной мастерской. Самарканд. 1950-е годы.

— Что тебе?

Я сказала, что мы переселенцы, и спросила, где купить хлеба.

— Иди вон на тот камень, я скоро буду сменяться, что-нибудь придумаем.

Вот, думаю, мне повезло, наверное, он что-нибудь хорошее придумает. Он и в самом деле скоро ушел, как пришел его сменщик. Однако сижу, жду, а никто из казармы не выходит. Видно, думаю, солдат надо мной посмеялся. Что я ему? Чужой человек. Все же жду. Вдруг вижу — идет мой незнакомец, а с ним еще два солдата. Первый несет ведро, второй мешок, а третий корзину.

— Ну, веди, поглядим новоселов!

Пришли к нам. Первый поставил ведро, дети выстроились около него. Солдат удивился, увидя кучу детей, сосчитал: шесть парней да две девочки.

— Вот сколько солдат прибыло!

— Один еще дома остался, старший, да малыша утеряли в дороге.

— Только в казаки не записывайтесь, замордуют!

— Нет, какие мы казаки! Нам землицы бы, мы за землей из Смоленщины едем...

— Вот, своих встретил, значит, я из Курска, земляки, выходит! Я как про вас-то рассказал, так вся рота кашу сегодня есть отказалась в вашу пользу. Наши-то там тоже не лучше живут. А тут вот хлеб. Ешьте, знаем, трудно сюда добираться. Тут пока населения из-за этого нет почти.

И мы, как дома на Пасху, ели белый хлеб. В Росее мы такого и не едали, там такой ели только паны. Мы едим, а мужики на нас глядят, по своим тоскуют, солдатушки-ребятушки. Все три семьи наелись солдатской каши и не знали, как их благодарить. Я поела, сказала душевное спасибо и вышла, так как меня душили слезы, так я была растрогана добротой незнакомых людей. Долго еще вели солдаты душевные разговоры, удивлялись над мамой, как это она решилась ехать через всю Росею без мужа с кучей детей. А мама отвечала: «Что делать? Написал: приезжай хлеб убирать. Я дорогой измоталась, едем второй месяц, а как подумаю, что у нас будет свой белый хлеб — и вся-кая усталость пропадает. А вам дай Бог отслужить царскую службу...»

Солдаты ушли, детей уложили, мама говорит: «Надо коней накормить». Пришли к своей телеге — а кони привязаны, овес едят. Напугалась мама: откуда такое чудо? Тут из рощи вышел старичок:

— Не беспокойтесь, это я насыпал овса, у нас много зерна.

* Чапан — накидка с капюшоном.

Всем хорошо, хоть одну ночь поспим крепко за дорогу.

...Утром мама дала нам по гривеннику: купите хлеба на дорогу. Мы пошли по улицам: домишки-саманухи, как скворешники. Вот первый настоящий дом, калитка заперта. Я постучала, собака залаяла, никто не вышел. А вот сидят за воротами кумушки, семя лузгают.

— Тетеньки, можно у вас хлеба купить?

Одна, толстая, поглядела так сердито:

— Да вы кто такие, босая команда?

— Новоселы, на волю едем.

Они переглянулись:

— Вот пойми, куда они едут! На волю! Чудаки, да где эта воля?

— Недалеко уже, скоро приедем!

Одна поднялась, ушла, вынесла калачи и подает:

— Денег не надо.

Пошли через дорогу, там дед сидит, и зол и сердит.

— Здравствуй, дедушка!

Он вынул трубку изо рта:

— Вы что за люди, откуль взялись?

— Мы самые главные на Руси, прозываемся великорусы (так в тексте.— О.Щ.), за нами белорусы, а еще есть малорусы, нам так в школе говорили.

— Стало быть, мы хохлы, а вы кацапы. Ну и что у вас на Руси нового?

— Не знаем, мы давно уехали.

Дед вынес нам каравай хлеба, и еще, и еще, нанесли люди еды целое беремя, хоть мы и не просили ничего. Пошли с братом Демкой обратно. На улице стоит слепой и мальчик-поводырь.

— Демка, нам хлеба надавали даром, деньги отдадим слепому.

— Как хочешь.

Вернулись, матка спрашивает: это все на 20 копеек? Да, говорю, вот дешёвка! Вечером солдат пришел с тальянкой, собралось народу, все шли поглядеть новоселов. Нанесли нам овощей, арбузов...

В 4 утра мы выехали и через неделю были в Тополевке. Остановились на задворках. Матка говорит:

— Идите батьку ищите!

Пошли. По улице навстречу девка с водой. Пока мы с Демкой спорили, кому спросить про батю — вдруг навстречу он сам идет.

— Здравствуй, батюшка! Как ты далеко забрался, до самых белков!

Батя от радости заплакал:

— Все ли живы-здоровы?

— Нет, Лешу оставили на дороге, в селе Татарки.

Отец перекрестился. Пришли мы к телегам. Батю облепили, как мухи варенье. Каждый спрашивал свое, отец не успевал отвечать. Началась новая жизнь...

Хлеб убрали, начали думать о жилье — остановились пока у старушки. Отец подал заявление в землю на разрешение в горах на пасеку. Разрешили. Мы начали вить свое гнездо.

Атаман Тополевской станицы вызвал отца:

— Ну как, Жунтов, я предлагаю тебе богатую жизнь. У тебя восемь сынов, пишись в казаки, земли получишь целое поле.

Отец долго молчал.

— Ну, что молчишь? Боишься?

Отец набрался мужества:

— Да, господин атаман, боюсь, пуганая ворона и куста боится. Один хомут снял, другой надевать не стану. Какие мы казаки? Самые что ни на есть темные кацапы, неграмотные люди, на седле сидеть не умеем и шашкой владеть не смеем.

Атаман нахмурил брови:

— Ну что же, дело твое, дожидай свой надел.

...И вот кончается 1907-й год. Мы, постарше, пошли по людям: Демка скот пасти, а я сено грести. Богачи нас нарасхват.

Сосед Ещенко нам дал молодой рой пчел, который привился у нас на яблоне. У нас появилась семья пчел, а на другой год стало уже три улья. В 1908 году нам нарезали землю, кругом стали появляться новоселы и заселять новые земли. Создали деревню и назвали ее Покатиловка Саркандского уезда Алма-Атинской губернии. Матка родила еще сына (младший сын — Семен Ефимович Жунтов был впоследствии летчиком, полковником.— О.Щ.).

...Демка, говорю, неужели у тебя ни на что нету тяму? Купи тальянку, так скучно в горах. Давай затевать веселье!

Прошел год. Демка научился играть Барыню, Камаринского, Кадриль. По воскресеньям у нас стали собираться, песни по лесу неслись. Вот и великий праздник пришел — второй Спас. Мы всею семьей вышли трясти яблоки, натаскали большую кучу. Ребята на волокушах возят, я стерегу. Миру наехало — полон лес! Я в этот день нарядилась по-смоленски, в белую сорочку (под сарафан.— *О.Щ.*). Подходят ко мне два человека:

— Добрый день, красавица, нам косы твои нравятся!

— Иди своей дорогой, а меня не трогай.

Они сели на пенек и запели: «Очаровательные глазки, очаровали вы меня».

— Ну, красавица, что ты нам скажешь?

— Спасибо за песню. А деньги на ярмарке получите.

Они захохотали:

— Да мы не балаганщики.

— А я не собираюсь знать, кто вы такие, идите себе.

Тут пришел брат Демка, привез волокуши, мы стали насыпать мешки, а горожане стояли и смотрели на меня.

— Зачем вы приехали в горы, глядите на меня, точно воры?

Придя домой, я почувствовала себя больной. Эти пожилые люди словно околдовали меня, я стала бояться, а чего — и сама не знаю. Эти незнакомцы, оказывается, остановились у соседа Ещенко.

И вот эта коварная встреча в горах во время второго Спаса недаром меня мучала. Эти незнакомцы, прознав у Ещенко про нашу бедность, задумали высватать меня. И начал Ещенко к нам похаживать и батю уговаривать. Семья большая, надо строиться — а денег нет. Ну, а сватают меня местные богачи Черняевы за своего старшего сына. Они Жунтовым обещают денег на строительство. Так прошла осень, и вот 5 января 1909 года приехали к нам сваты из города Лепсинска. Мама плачет: она еще молода, да у нее и нет ничего, одно платье. «Все будет!» У меня закаменело сердце: как я буду жить у чужих людей? А батя мне:

— Ну, дочка, хватит батькин хлеб есть. Сосед нашел нам жениха богатого.

— О горе мне, горе! Как вы, батя, охладели ко мне! Давно ли вы называли меня ребенком? «Ты мала, ты глупа». И вдруг эта девочка завтра назовет себя бабой? И где же моя девичья воля? Я ее и не видала. Ты звал нас на волю, а приехала — и сразу попала в неволюшку...

Родную детину продали, что скотину; разве в том беда, что я молода? Разве я всех хуже, навязали мне старого мужа? Нет доли, нет, прощай, белый свет!

Жениху было под 30 лет, но мне, девушке, которой едва сравнялось семнадцать, он казался стариком. Я заболела с тоски; мама плакала: «Доня, покорись воле отца!» Мои слезы не победили батю: «Я тебе счастья желаю; тебя Яшка Семенов сватал — кудри золотые, да у него ничего нет, кроме тальянки. А у этого дом — полная чаша».

Егор Филиппович Жунтов с женой на своей пасеке. Самарканд. 1940 г.

Батя запряг Буланка и поехал в город делать смотрины — смотреть богатство сватов и показать свой драгоценной товар, который он продает. Всю дорогу он наставлял меня, как жить и всех ублажить...

Как стали мы подходить к дому жениха — сердце у меня стало, как камень... Дом двухэтажной, первый этаж низко, окна прямо на земле. Зашли в калитку, нас встретила дворняжка. Я ей говорю: «Как тебя зовут? Давай познакомимся». Она села и стала служить. Я говорю: «Я тоже с тобой вместе всем, всем буду служить». Внутри две лестницы — одна кверху, другая вниз. Вышел свекор:

— У, да тут гости! Шарик, а ты что же молчишь? Но пожалуйте в дом.

Вошли. Первая комната большая, дети играют. Из комнаты вышла девушка, коса русая, глаза строгие и холодные. Повадка смелая — настоящая горожанка.

— Тятя, это Василия невеста?

Батя мой в самотканой рубахе, у меня ситцевое платье. Батя и свекор ушли смотреть скот и хлеб, и все хозяйство, а мы с девушкой остались вдвоем.

— Как тебя зовут?

— Настасья Филипповна, сестра твоего жениха.

— Я тебя буду звать Настенька.

Я разглядывала городскую горницу; городская, модная, для меня будет холодная. Муж нелюбый не согреет, и никто не пожалеет!

Дома перед венцом я простилась с прекрасной природой:

Прощайте, горы чудесные,
прощайте, птицы небесные,
прощайте, яблони и березы,
храните девичьи слезы.
Прощайте, хребты высокие,
прощайте, степи широкие,
вы растили меня, берегли,
*поклонюсь я вам до земли...**

Началась новая жизнь в замужестве, в чужой, неласковой семье...

Черняевы дали отцу невесты нужные в хозяйстве вещи и 300 рублей деньгами. Но главным богатстаом было трудолюбие Жунтовых, о котором много пишет Домна Ефимовна на последующих страницах дневника. Жунтовы зажили неплохо: хлеб, мед, сало всегда были в достатке в большой, дружной и работящей семье. Хорошо жили и соседи.

Можно сделать вывод, что в общем столыпинское переселение было мудрой государственной мерой, которая много обещала России...

Увы, История судила иначе. Первая империалистическая, а затем переворот и гражданская война спутали все благие намерения и расчеты. Пришло Смутное время...

Публикация и комментарий
ОЛЬГИ ЩЕРБИНИНОЙ

* Стихи Домны Жунтовой.

РОССИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Столыпин и Гайдар,

или Реформаторы в своем Отечестве

Виктор БОНДАРЕВ

П. А. Столыпин. 1899 г.

1 сентября 1911 года агент охранки, террорист-революционер Д. Богров смертельно ранит Председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина. К этому времени премьера уже считают политическим «трупом», его дни у власти сочтены. Он не нужен никому — ни царю, ни соратникам, ни тем более противникам и врагам. Убийство кажется бессмысленным — зачем стрелять в «труп»? Но, пожалуй, именно такое окончание жизни и карьеры можно считать классическим образцом для реформатора в России.

М. С. Горбачев с полным знанием дела говорит: «Я не знаю счастливых реформаторов». Сказано верно, только слабо: в нашей стране реформатор — это не просто несчастливый человек, а фигура драматическая, а то и трагическая. Казалось бы, примеры Александра Второго, Столыпина, Горбачева должны предостеречь кого-либо браться за дело преобразования страны, поскольку итог известен: результат реформ мало походит на ожидавшийся, ненависть народа, предательство соратников, сомнительное место в истории — то ли спаситель страны, то ли ее погубитель. Все же периодически возникают люди, которые пытаются (и им удается) взять на себя бремя спасения России. Последним таким реформатором стал Егор Тимурович Гайдар.

Писать о сходстве политической деятельности и судеб Столыпина и Гайдара трудно. Но не потому, что требуется какая-то изощренность в проведении исторических параллелей. Совсем наоборот. Общего слишком много. Похожи основные проблемы, условия, в которых они возникали, глубина кризисных ситуаций, и даже, несмотря на три четверти века, разделяющих двух главных героев, поразительно схож основной политический конфликт — между исполнительной и только что появившейся представительной властью.

ДВЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ

Претендентов на роль спасителей Отечества всегда хватает. Но только очень немногих страна признает и доверяет им свою судьбу. Надо обладать незаурядными человеческими качествами, чтобы взвалить на себя весь груз проблем и взять на себя ответственность за огромное государство. Столыпин и Гайдар относятся к тем немногим в истории России политикам, которые, находясь у власти и не добившись всего того, что обещали, сохранили уважение к себе со стороны не только сторонников, но и противников.

Появление Столыпина и Гайдара на самых высоких государственных постах похоже своей неожиданностью, хотя вряд ли его можно считать случайным. Они не были ни крупными столичными чиновниками, ни властителями дум своих современников. И тем менее Столыпин стал самым молодым премьер-министром в императорской России, а Гайдар в свои тридцать шесть лет имеет шанс навсегда остаться самым молодым руководителем российского правительства. Логика выдвижения и взлета к самой вершине власти достаточно проста: в кризисной, почти безвыходной ситуации верховная власть ищет «соломинку», за которую можно схватиться, и вынуждена ставить на молодых и энергичных. Она не может опереться на уже известных деятелей: одни из них, понимая тяжесть ситуации и риск, срочно уходят в «тень», пытаясь отсидеться и выждать подходящий момент; другие находятся в растерянности от того, что весь их опыт оказывается бесполезным. Есть, правда, и третьи, которые готовы взяться за что угодно, но им не верят. И вот тогда появляются — впрочем, не всегда — люди, которые, с одной стороны, не обременены грузом прошлого, уже бесполезного опыта, а с другой — имеют идею и могут убеждать в своей правоте.

Историки до сих пор гадают, кто помогал стремительной карьере Столыпина. Хотя он и принадлежал к известному аристократическому роду и уже прославился своей решительностью и смелостью в борьбе с бунтовщиками, его карьера для кастовой, иерархически закостенелой России была экстраординарной. Если бы не революция, вряд ли император пошел бы на столь неожиданный кадровый эксперимент. Все же сегодня интересно не то, почему царь выдвинул энергичного саратовского губернатора. Куда более знаменательно то, что второго деятеля такого масштаба империя больше не нашла, что, кстати, подтверждает забываемую сейчас, но очевидную в то время истину — самодержавие и вся страна находились в состоянии глубочайшего кризиса. В лице Столыпина империя получила шанс, который оказался неиспользованным.

Условия, при которых Гайдар появился в правительстве, для карьеры были еще более подходящими: страна развалилась, к прежним авторитетам доверия не было, новые люди появились в коридорах власти, заполняя многочисленные вакансии. Шла смена правящей элиты. Известно, что молодого экономиста ввел на правящий Олимп всесильный в то время соратник Ельцина Геннадий Бурбулис. Впрочем, тогда это, скорее, был не Олимп, а штаб революционеров, которые только что взяли власть и теперь не знали, что с нею делать. Решение президента назначить мало известного ему ученого и публициста было явно нелогичным. После взятия власти в зачет идут прежде всего революционные заслуги — кто больше отличился в борьбе со старым режимом, тот и имеет наибольшие шансы. Гайдар же совершенно не проходил по этим критериям. Внук идеологического, коммунистического писателя, редактор журнала «Коммунист» и зав. отделом «Правды» (органов только что запрещенной КПСС) не имел заслуг перед российской демократией. В его публикациях трудно было найти и следы настоящего антикоммунизма. Мало того, в его статьях и книгах нелегко найти признаки того, что он безусловный «рыночник». В это время он выступает как чистый «технократ», как специалист, не интересующийся политикой, а целиком и полностью доверяющий только науке. Наверное, он и сам не представлял, что жизнь заставит его и быть политиком, и произносить слова «коммунист» как диагноз и политический ярлык.

Почему российский президент доверил представителю номенклатуры Гайдару самый ответственный участок — экономическую реформу? Прежде всего потому, что экономическая ситуация ухудшалась на глазах. Производственные связи рушились, регионы отгораживались друг от друга кордонами на границах, чтобы воспрепятствовать вывозу продовольствия, деньги теряли всякую ценность, господствовал бартер, валютные запасы испарились. Абсолютно пустые полки магазинов, люди давятся в очередях, пытаясь отоварить талоны и «визитки», выходят на улицы и останавливают движение транспорта. Создается впечатление, что крах неминуем — впереди зима, а нет уверенности даже в том, что удастся обеспечить людей минимумом продуктов и обогреть жилища. Кстати, такое развитие событий мы видели в Грузии и Армении, так что ничего фантастического здесь нет. Президенту надо было либо вводить карточную систему, чрезвычайное положение, либо пытаться реформировать экономику. Первый вариант не проходил потому, что государственная машина была почти разрушена; вернуться к «военному коммунизму», а тем более к плановой экономике было просто невозможно, даже если бы этого очень хотелось. Предложенный Гайдаром вариант был лишен всякого идеологического оттенка — много просто нельзя было сделать. Выбор же Гайдара в качестве исполнителя диктовался двумя обстоятельствами: во-первых, среди демократов не нашлось людей, способных и готовых взяться за сложные реформы. А во-вторых, как мы узнали потом, Егор Тимурович умеет доказывать свою правоту аргументами и фактами. В спорах с ним противники обычно апеллируют к эмоциям или метафорам, не рискуя вступать в настоящую научную дискуссию.

Последние годы говорят о том, что президент сделал на редкость удачный выбор. Гайдар оказался не только упорным и настойчивым в реализации своих идей, но и неординарным политиком, причем весьма отличающимся от других. Особенно контрастно он смотрится на фоне других молодых политиков. Те, в подавляющем большинстве, явно подвержены конъюнктуре, запросто мигрируют с одного политического фланга на другой, а если сохраняют свои позиции, то не стесняются в выборе политических аргументов, явно считая, что цель оправдывает средства. Гайдар, во всяком случае до сих пор, умел доказывать, что политика вполне может быть честной и моральной. Именно в этом он явно нетипичен, а среди своего поколения — просто уникален.

В чем же корни, причины появления феномена Гайдара? Понятно, что любая схема всегда остается схемой, но все же применительно к нему можно дать определенную версию.

Некоторую роль играет образование. Кстати, здесь Гайдар и Столыпин похожи — у обоих университетское образование, знание иностранных языков. Однако еще более характерна какая-то удивительно тесная, можно сказать, генетическая связь с культурой. Столыпин состоял в родстве с Лермонтовым, что, впрочем, естественно — аристократия была не-

велика по численности и вся пронизана родственными связями.

Гайдар же — внук сразу двух советских писателей-классиков (Гайдара и Бажова), да и родственник еще двух (Стругацких). Поэтому можно отнести его к интеллигенции, тем более что он действительно наделен теми качествами, которые традиционно считают проявлением интеллигентности, — духовностью, бескорыстием, следованием нравственным принципам, интеллектом и т. д. И все же к нему более подходит слово «аристократ», как ни странно это звучит.

Аристократ — это представитель элиты, человек, свободный как в материальном плане, так и в духовном. Он не имеет комплексов и, уважая других, уважает себя. Он не мечется по жизни в поисках самоутверждения, а рождается с уверенностью в том, что в этом мире ему все доступно. Аристократ не подвержен моде и конъюнктуре, поскольку сам их создает. В любом обществе аристократия появлялась не сразу. Русские дворяне стали аристократами только в XIX веке: это были потомки тех, кого Екатерина освободила от обязательной службы. Потребовалось два-три поколения, прежде чем из обеспеченных людей они превратились в тех, кто создал великую культуру. Не только раб, но и сын раба не чувствует себя свободным — внутренняя свобода, основанная на настоящей культуре, приходит в третьем поколении. Гайдар и есть как раз третье поколение советской элиты. Весьма символично, что он родился в 1956 году, когда впервые элитные группы почувствовали вкус свободы. Но потребовалось еще сорок лет (вспомните Моисея!), чтобы появился человек, свободный не только от догмы, но и от ненависти к ней. Именно таким и стал Гайдар. От традиционного интеллигента его отличают отсутствие идеологических шор, готовность к действию, умение взять на себя ответственность, а не предаваться бесконечной рефлексии. Вот эта деловитость в сочетании с интеллектом и честностью, жесткость в реализации своих идей, которая зачастую кажется «черствостью», и выделяют Гайдара. Настоящий российский интеллигент из любви к народу вряд ли решился бы на проведение тех жестких реформ, на которые пошел Гайдар.

Может быть, это и преувеличение, но, по-видимому, все-таки можно сказать, что Столыпин был последним аристократом в политике, а Гайдар — первым спустя уже три четверти века. Ведь даже самого Николая II нынче считают «царем-интеллигентом». Российская аристократия явно вырождалась в империи, во всяком случае это справедливо для тех, кто занимался политикой. Столыпин же был аристократом не только по крови, но и по духу. Честное имя для него значило все — он даже вызывал на дуэль своего политического противника. В то же время он смог подняться над интересами своего класса, взявшись за утверждение новых, капиталистических порядков как в экономике, так и в политике. И делал это самоотверженно, талантливо и в то же время без интеллигентской мягкотелости, нерешительности и безответственности. Он не чурался кропотливой бюрократической работы и видел далекую перспективу, смотрел в корень проблем и пытался решить их, заглядывая на десятилетия вперед. Будучи приговоренным революционерами к смерти, чуть не потерявший детей, он последовательно вел свою линию, не отступая ни перед какими препятствиями. Он был явно нетипичным представителем своего вырождавшегося класса, который в конце концов загубил и его реформы, и его самого.

Конечно, и у Столыпина, и у Гайдара можно найти недостатки, но не они определили их судьбу, а прежде всего чрезвычайная сложность тех проблем, за которые они взялись, и неготовность общества поддержать этих людей в их благородных начинаниях.

СТРОИТЕЛИ КАПИТАЛИЗМА

Такова уж история нашей страны, что с интервалом почти в век Столыпин и Гайдар занимались, по сути, одним и тем же — строили российский капитализм. Помещик и ученый пытались сделать людей собственниками и на этой основе решить другие социальные и политические проблемы. Странная у нас страна — за капитализм борются не те, кому это положено, — буржуа, а представители совсем иных социальных групп. Уже в этом виден исходный идеализм, а может, и романтизм этих творцов системы, которой они по своей сути были явно чужды. Правда, может, в этом идеализме, бескорыстности и заключался источник их силы. Один мечтал о Великой России, другой вдохновлялся либеральными ценностями, а занимались далеко не героическим делом — пытались распределить собственность наиболее оптимальным для страны способом. «Ему [крестьянину] необходимо дать свободу приложения своего труда к земле... свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землей, надо избавить его от кабалы отжившего общинного строя», — говорил Столыпин, обосновывая свою аграрную программу. «Когда мы пишем законы для всей страны, [надо] иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых», — доказывал премьер, говоря о необходимости свободного предпринимательства и конкуренции. А разве не за то же выступал Гайдар, приводя почти те же аргументы в обоснование необходимости преобразования уже не только сельского хозяйства, но и всей экономики?

За пять лет, в течение которых Столыпин возглавлял правительство, ему пришлось сталкиваться со многими проблемами: аграрными, политическими, управленческими. Однако в истории он остался прежде всего как инициатор выделения крестьян из общины, превращения их в полностью самостоятельных хозяев. Если использовать современную терминологию, он пытался превратить крестьян в фермеров. Это вело к развитию аграрного сектора в капиталистическом направлении, к разрушению остатков патриархального и феодального экономических укладов. Для реализации своей реформы Столыпин провел огромную работу по созданию соответствующей инфраструктуры, особенно в банковской сфере.

Все же вряд ли стоит вдаваться в подробности аграрной реформы Столыпина — всякий желающий может ознакомиться с этим по многочисленным публикациям. Однако нельзя не отметить, что премьер выступал и за сохранение помещичьего землевладения, то есть крупного аграрного производства. Сравнивая эти два периода, остается только поражаться, насколько нынешняя ситуация похожа на ту, что была в начале века.

Егор Гайдар. Фото ИТАР–ТАСС

Удалась ли аграрная реформа по Столыпину? Историки в основном считают, что результаты были очень далеки от ожидаемых. Зато публицисты, и особенно Александр Исаевич Солженицын, убеждены в безусловном успехе преобразований, подчеркивая предвоенное хлебное изобилие в России. Если обратиться к фактам, то они не дают оснований для однозначных оценок: из общины вышло около 2 млн. крестьян, что сопоставимо с нынешним фермерским движением...

Но не лучше ли на столыпинскую реформу посмотреть с другой стороны: а какие были альтернативы? По сути, всего одна: полное отчуждение помещичьих земель и передача их крестьянам. Причем подобный вариант рассматривался не только большевиками и эсерами, но и представителями класса, который при этом пострадал бы. Может быть, с чисто экономической точки зрения такой вариант и дал бы стимул для развития аграрного производства. Но политические последствия подобного решения — и премьер убедительно доказывал это — были бы катастрофическими. Однако его аргументы воспринимались теми, кто мог их воспринимать, а не теми, кому нужна была только революция. Потеря дворянством его материальной базы означала гибель всей российской цивилизации, что, собственно, и произошло при большевиках. Ликвидация дворянства как класса не к чему иному, как к немедленному социальному взрыву, краху государственности, культуры и социальной системы, не привела. Таким образом, реальной альтернативы столыпинской реформе не было. Если она в конечном счете и не спасала Россию — в 1917 году крестьяне пошли за большевиками и эсерами, — то и другие варианты вели к катастрофе.

Конечно, если бы Россия имела двадцать лет мирной жизни для постепенного реформирования, как об этом мечтал Столыпин, то исход был бы иной. Но история распорядилась иначе. Впрочем, за последние полтора века кто только не пытался решить аграрную (продовольственную) проблему, и никому это не удалось. Как точно сказал один из депутатов Думы: «Этот кошмарный аграрный вопрос в России обладает странным свойством феникса, вновь возрождающегося из, казалось бы, потухшего пепла». Может быть, попытка Столыпина была одной из наиболее удачных, но и она не была завершена, и мы до сих пор ощущаем последствия этого. Забегая вперед, можно сказать, что именно аграрный вопрос помешал проведению гайдаровских реформ в наибольшей мере, поскольку необходимость постоянных вливаний в сельское хозяйство и неспособность страны себя прокормить не позволили последовательно проводить жесткий экономический курс. Сельское хозяйство за столетия превратилось в «черную дыру», где гибнут любые средства и любые начинания.

Оценки гайдаровской реформы также неоднозначны. Например, жители Украины и Белоруссии

считают, что дела в России идут хорошо и реформа проводится нормально. Зато в самой России оценки диаметрально противоположные. Что-то доказывать критикам гайдаровских реформ практически невозможно, поскольку речь идет о совершенно разных подходах. Реформаторы апеллируют к науке и расчетам, а их противники — к чувствам и эмоциям. Это все равно что диалог хирурга с пациентом, которого, правда, режут без наркоза. Роль анестезии могло бы сыграть идейное, идеологическое обоснование, которое облегчило бы страдания. К сожалению, здесь общество оказалось морально неготовым; отсутствие же общественного понимания безальтернативности проводимых мер во многом и обусловило столь тяжелый характер социальных процессов.

Наиболее очевидный позитивный результат — рубль стал конвертируемым. За короткий период рубль из «деревянного» превратился пусть и не в очень устойчивую, но настоящую валюту. Это означает, что в стране появились настоящие деньги, которых не было почти восемьдесят лет. К 1994 году рядовому россиянину стало все равно что иметь — доллары, рубли, марки, лишь бы их было побольше. Это превращение советского дензнака в реальные деньги, на которые можно купить что угодно, имеет кардинальное значение. Деньги — это кровь экономики, во всяком случае рыночной. Как организм не может обходиться без крови, так и экономика без них разваливается, что и происходило в последние годы, когда «деревянный» перестал выполнять даже те ограниченные функции, которые обеспечивал ранее. Иногда говорят, что инфляция — это просто температура, а потому, мол, бороться с ней — все равно что бороться с градусником. В какой-то мере она действительно выступает показателем здоровья народного хозяйства: высокая инфляция, как высокая температура, говорит о тяжести болезни. В то же время инфляцию можно считать и «болезнью крови», и борьба с ней — это и средство лечения. Сокращение государственных расходов, прекращение накачивания пустых денег — это вполне конкретные и эффективные способы оздоровления экономики. Конечно, как болезни организма могут быть разные (может быть поражен мозг, желудок, нервная система и т. д.), так и в экономике крах может наступить по разным причинам. Все же без нормальных денег экономики не будет никогда. Кстати, Столыпин говорил: «Деньги — это чеканная свобода». Гайдару так и не удалось полностью реализовать свою политику, она постоянно искажалась под давлением различных политических сил, и в конечном итоге он дважды уходил в отставку.

Следующее направление реформ – приватизация. Здесь, пожалуй, надо отметить не совсем удачную пропаганду этого важнейшего направления преобразования огосударствленной экономики в частную. Людям обещали, что они, купив акции, станут собственниками. Но пока это далеко не самое главное, поскольку нынешнее акционирование — это только шаг, только этап разгосударствления. Появившаяся по сути групповая собственность коллективов предприятий с экономической точки зрения безусловно неэффективна. Однако без этого этапа двинуться вперед было нельзя, поскольку купить государственную собственность в таких масштабах, при отсутствии иностранного капитала, просто некому. Частная собственность появится позже, постепенно. Поэтому ваучерная приватизация была необходима. К тому же стоит сказать о том, что ваучер сыграл огромную роль в развитии рыночной инфраструктуры: эта, по сути, первая негосударственная, выпущенная в оборот в больших масштабах ценная бумага дала возможность начать формировать фондовый рынок, то есть рынок капитала, без которого развития вообще не может быть. Ваучер стал одним из наиболее эффективных инструментов освоения основ рыночной механики в конкретных условиях, а не по книгам и теоретическим рекомендациям.

Еще один итог реформы — становление многих рыночных институтов и освоение рыночного ликбеза миллионами граждан. Сегодня уже практически все привыкли к таким понятиям, как акции, курс валюты, дивиденды, банки, биржи, депозиты, проценты и т. д. Сложившиеся коммерческие структуры всего за несколько лет прошли такой исторический путь, который в Европе потребовал столетия.

Это — за здравие. Теперь — за упокой.

Одну область, где реформа провалилась, можно назвать безусловно — это сельское хозяйство. Здесь идея частной собственности, опоры на «сильных» практически имеет нулевой эффект. Очередной раз в российской истории крестьянство оказалось не готовым ни к каким переменам и не желающим их.

Разрушается научно-технический потенциал, идет деиндустриализация страны, гибнет культура, разваливаются здравоохранение и образование. Практически не осуществляются капитальные вложения, а следовательно, не видно и конца спаду производства, которое и так уже сократилось почти в два раза. Десятки миллионов людей живут на грани нищеты, а незначительная часть населения купается в роскоши. До сих пор люди не могут примириться с утратой сбережений, когда либерализация цен всего за несколько недель уничтожила накопления многих лет.

Можно ли на каких-нибудь весах взвесить итоги гайдаровских реформ: на одной чаше — то, что удалось, а на другой — провалы и проблемы? Вряд ли. А главное — это бессмысленно, поскольку альтернативы им все равно не было и не будет. Переход от развитого социализма к недоразвитому капитализму не может идти без потерь и лишений, а может быть, и катастрофы. Начиная реформу, Гайдар и его коллеги сами себя называли «камикадзе». Было ясно, что последствия будут очень тяжелые и благодарности ожидать не придется. Но это были умозрительные представления. Одно дело — знать, а другое — ощутить на себе удары со всех сторон, жить под постоянным прессингом, когда тебя ежедневно клянут в эфире по всем программам и в большинстве газет. И все же куда страшнее ненависть десятков миллионов обездоленных людей, которым выпал жребий самых тяжелых потерь, и невозможность что-либо сделать для них.

В России реформы всегда идут тяжело, а чаще всего вообще проваливаются. И всегда в неудачах обвиняют только реформаторов. «Для государственных людей этого типа русский язык знает характерное слово — временщик. Время у него было — и это время прошло. Он еще может остаться у власти, но, господа, это агония». Думаете, это про Гайдара? Нет, так подвел итоги деятельности Столыпина известный кадетский лидер Маклаков.

Нет реформатора в своем Отечестве!

Цели и результаты реформаторской деятельности П. А. Столыпина и Е. Т. Гайдара

Столыпин: Цели	Столыпин: Результаты	Гайдар: Цели	Гайдар: Результаты
Политическая стабилизация, подавление террора и анархии.	Удалось практически полностью.	Либерализация цен, отказ от государственного их регулирования, ликвидация «Зкономики дефицита», насыщение прилавков товарами	Реализовано практически полностью.
Реформирование государства, встраивание институтов парламентаризма в систему самодержавия.	Не удалось. Конфликт между парламентаризмом и самодержавием сохранился.	Финансовая стабилизация, подавление инфляции путем сокращения государственных расходов.	Не удалось: «шоковая терапия» не была последовательной, сохранились высокие темпы инфляции.
Реформирование аграрных отношений, наделение крестьян правом частной собственности на землю.	Удалось лишь частично, сохранилось антагонистическое противоречие между крестьянами и помвщиками.	Либерализация внешнеторговой деятельности.	Удалось больше, чем надо: происходит утечка капитала за границу.
Проведение землеустроительных работ, отделение крестьян от общины.	Удалось в незначительной мере — около 10% крвстьян выделились на хутора.	Стимулированив структурной перестройки промышленности в результате задействования рыночных мвханизмов.	Практически провалилось, натолкнувшись на монополизм; кризис неплатежей сопровождается резким спадом производства.
Переселение крестьян в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток.	Объективная оцвнка затруднвна вследствие противорвчивости оцвнок специалистов; видимо, в какой-то мере удалось.	Создание устойчивой национальной валюты, достижение конвертируемости рубля.	Рубль конвертируем, однако инфляция снижает его устойчивость.
Развитие форм самоуправления, земства.	Были достигнуты отдельныв успехи, например введвны земскив учреждения в шести губерниях.	Приватизация промышленности, земли, недвижимости, создание класса мелких собственников.	Удалось частично: произошло резкое расслоение населения по уровню доходов, проведено акционирование и разгосударствление; собственно приватизация еще не произошла.

РЕФОРМЫ ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ?

По своим взглядам Столыпин и Гайдар — люди противоположных убеждений. Один — монархист, националист, православный патриот. Другой — либерал, демократ, западник. Можно, правда, попробовать сблизить их взгляды: Гайдар тоже говорит о Великой России, о необходимости сильной государственной власти. Но подобная попытка будет все-таки некорректной. Куда больше обоих реформаторов сближает то, что их основным противником выступала представительная власть. Столыпину пришлось бороться с тремя Государственными думами, а Гайдар в основном занимался не реформами, а отбивался от атак нардепов Съезда народных депутатов и Верховного Совета.

Можно было бы детально сопоставить речи лидеров Государственных дум с выступлениями народных избранников последнего органа советской власти. Нетрудно найти множество сходных ситуаций, скандалов, конфликтов. Что касается Верховного Совета, то это еще свежо в памяти, а про Думу блестяще написал Солженицын: «Как легко законодателям давать

законы, освобожденно от необходимости осуществлять их! или останавливать законы не понуждаемо искать выход из мучительного состояния страны. Как легко с лакированной трибуны XX века поставить неторопливую, прожеванную законность выше вопиющей неотлагаемой нужды!» Великий писатель говорит о далеком прошлом, но все оказывается чрезвычайно злободневным.

За этим очевидным сходством конфликтов двух реформаторов и представительной власти стоит, по сути, одна и та же проблема: возможно ли вообще совместить демократию и реформы, насколько экономические преобразования связаны с прогрессом в других социальных сферах, и прежде всего с развитием политической системы?

Всего пять лет назад известный историк А. Я. Аврех написал, подводя итог деятельности Столыпина: «С вершины сегодняшнего исторического опыта теперь особенно хорошо видна главная, коренная причина банкротства Столыпина. Органический порок его курса, обрекавший его на неминуемый провал, состоял в том, что он хотел осуществить свои реформы вне демократии и вопреки ей». И вот сейчас, после краха перестройки, кровавых событий в октябре в Москве, резкого усиления фашистских политических движений в России, о чем однозначно засвидетельствовали декабрьские выборы, можно сказать, что утверждения историка с «вершины» как минимум спорны.

Когда несколько лет тому назад в обществе заговорили о необходимости авторитарного режима для проведения радикальных реформ, это было воспринято в основном с возмущением. Ссылки на Пиночета, американскую оккупацию Японии, Германии и Южной Кореи как предпосылку проведения глубоких преобразований народного хозяйства хотя и воспринимались, но казались устаревшими. Демократические процессы с трудом, но шли. Сопротивление хотя и было, но оно преодолевалось без насилия. Однако после событий конца 1993 года уже никакой уверенности в том, что демократия и реформы совместимы, не осталось. Опыт Китая, который, сохраняя тоталитарный режим, гораздо более России преуспел в рыночных преобразованиях, также подтверждает, что радикальные изменения хозяйственного порядка наиболее быстро идут в условиях политической стабильности, достигаемой любыми средствами, в том числе и ограничением демократических норм. Даже более успешные, чем в России, действия реформаторов Чехии, Венгрии, Эстонии, Латвии, как ни странно, говорят о том же. Ведь хотя в последних и восторжествовали либерально-деморатические ценности и институты, сделано это было путем явно недемократическим: подавлением, причем жестким, возможных противников — полный разгром коммунистических сил вплоть до люстраций, то есть введения ограничения прав граждан явно недемократическим образом.

Вернемся теперь к ситуации в России начала века. Здесь вроде бы бессмысленно говорить о необходимости авторитаризма для проведения реформ — в стране самодержавие. Власть императора практически ничем не ограничена, и, казалось бы, можно проводить любые преобразования, в том числе используя силу. Сам Столыпин постоянно подчеркивал, что для успеха реформ нужен порядок, и немало сделал для этого. Говоря о нем, нельзя пройти мимо военно-полевых судов, роспуска Первой и Второй дум. Сейчас, когда мы знаем, какие чудовищные жертвы несет с собой гражданская война, очень трудно осуждать премьера за жесткие меры по подавлению бунтовщиков и террористов. Власть обязана защищать людей и пресекать насилие насилием, если других методов нет. Когда первые Думы стали фактически оплотом радикалов, Столыпин пошел на их разгон, причем добился ареста тех депутатов, которые, прикрываясь депутатской неприкосновенностью, готовили революцию. Если сравнивать его действия с тем, что делала исполнительная власть в октябре 1993 года, возникает мало сомнений, что он не только одобрил бы их, но и поступил бы еще более решительно и жестко.

Однако самодержавие оказалось не в состоянии использовать власть целесообразно и в интересах реформирования страны. Когда Столыпин стал проводить свою экономическую политику, его действия натолкнулись на недееспособность монархии. Его подозревали в бонапартизме, в стремлении узурпировать власть. Сегодня даже странно, с каким упорством правящая элита цеплялась за то самодержавие, которое было. Почему даже не встал вопрос хотя бы о замене явно непригодного для столь сложных условий кризиса царя? Кстати, и Столыпин питал трогательные чувства к монарху, осознавая его полную несостоятельность как государственного лидера. А России в начале века нужна была не демократия, как утверждали либералы и социалисты, не сохранение явно разлагавшегося самодержавия во главе с «царем-интеллигентом», а новый авторитарный режим типа наполеоновского (хотя бы типа Наполеона Третьего). Любой вариант демократического развития вел к тоталитаризму. Столыпин был превосходным кандидатом в российские Наполеоны, но, к несчастью для страны, подобный вариант был явно неприемлем для правящей элиты. Как в брежневские времена правящая камарилья была неспособна на какие-либо решительные шаги, так и императорская Россия уверенно шла к катастрофе, отвергнув единственный шанс, который дал стране Столыпин. Обычно в произошедшей в 1917 году катастрофе обвиняют большевиков. С некоторых пор говорят и о вине интеллигенции, проторившей им путь. Однако правящие классы, в руках которых была власть, виноваты еще больше, поскольку не смогли предложить стране путь к обновлению и завели ее в исторический тупик.

* * *

Через шесть лет после смерти Столыпина империя рухнула. Не доведенные до конца реформы обернулись гражданской войной.

В декабре 1993 года россияне проголосовали против гайдаровских реформ...

ХОЗЯЕВА ЗНАНИЙ И ХОЗЯЕВА ВЕЩЕЙ

Игорь ЕФИМОВ

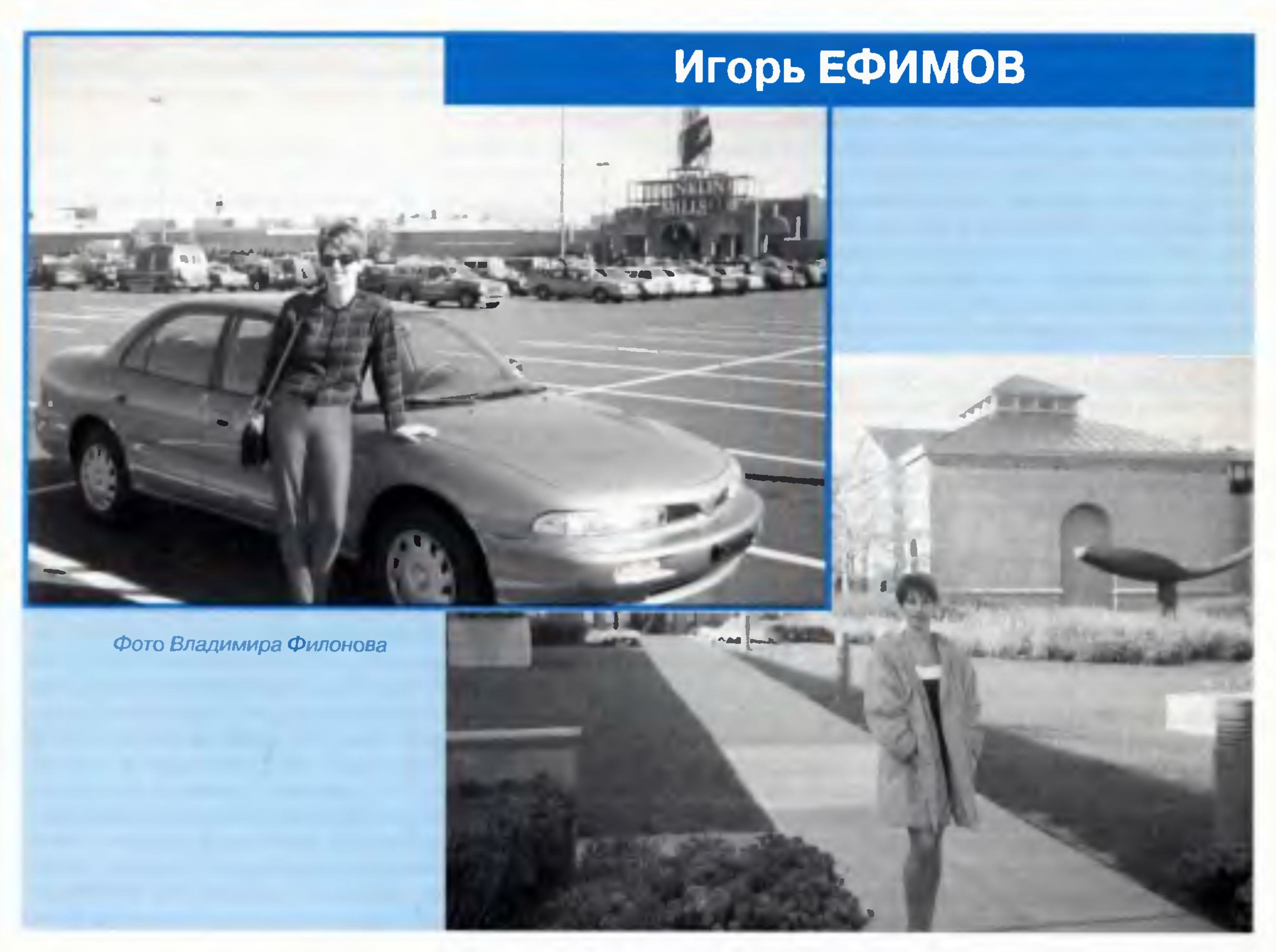

Фото Владимира Филонова

Либерал и консерватор: вечная война

Каждый из нас вынашивает в голове десяток-другой политических идей и понятий, представляющихся нам неопровержимыми. Эти дорогие идеи кажутся нам настолько самоочевидными, что мы даже не спрашиваем себя, когда и как они укрепились в нашей душе. Порой их так же трудно выделить и разглядеть, как трудно отделить и разглядеть собственное сердце или печень. Лишь столкнувшись с противоположной идеей, с противоположным мнением, мы ощущаем некий болезненный толчок. И реагируем на него так же, как реагируем на вспышку боли в груди, — невнятным возгласом. Типа:

— Каким дураком надо было быть, чтобы проголосовать за Клинтона и Хиллари!

Или:

— Каким негодяем надо было быть, чтобы голосовать за Рейгана и Буша!

Но почему же именно «дураком»? Почему «негодяем»?

Игорь Ефимов — «шестидесятник», яркий представитель «ленинградского отряда» прозаиков (откуда и Битов). С 70-х годов — эмигрант, житель США. Публицист, издатель.

Взглянем еще шире и добредем до вопроса: «О чем же спорят политические партии во всех демократических странах? Почему в каждой оказалось примерно поровну либералов и консерваторов? Неужели все американские дураки дружно пошли в демократическую партию, все английские — в лейбористскую, все шведские — в социалистическую, все израильские — в Рабочую партию? Не многовато ли получается дураков для стран с таким высоким уровнем образования и культуры?» (Понятно, что впавший в терпимость либерал выстроит обратную по знаку модель.)

Хорошо жить марксисту-ленинцу — он может не мучить себя подобными вопросами. Для него любая партия — выразитель интересов какого-то класса. Каким же образом консервативные партии, явно выражающие интересы эксплуататорского меньшинства, набирают такое количество голосов? Ясно каким — обманом. Накупят себе на свои капиталы газет, да журналов, да радиостанций и задуривают миллионы людей.

Ну, а если всерьез? В чем суть вечного спора либерала с консерватором? Они написали горы книг, обвиняя друг друга во всех смертных грехах. Консерваторы расходятся с либералами по сотням мелких и крупных конкретных проблем — это мы знаем. Но есть ли возможность докопаться до корней этой вечной вражды?

Как это ни странно, судьба и взгляды русского эмигранта третьей волны бросают новый и неожиданный свет на эту вечную войну.

Русский эмигрант на Западе — лакмусовая бумажка

Сегодня большинство американских либералов убеждены: эмигранты из России — страшнейшие консерваторы. Оголтелые реакционеры. Правее их — только стенка. Всегда будут голосовать за республиканцев. Дискутировать с ними невозможно. Они нацепляют на свои машины плакатики: «Завидя либерала — не торможу». Они безнадежны.

Но вначале было не так. В первые годы после приезда в Америку именно либералы проявляли к нам наибольший интерес, были по-человечески участливы, помогали, вызывали на рассказы, сочувствовали. Мы были жертвами тоталитаризма — а либерал ненавидит тоталитаризм искренне и глубоко, что бы по этому поводу ни говорили крайние консерваторы. (Недавно мне попалась в руки книга под откровенным названием, заставляющим вспомнить времена сенатора Маккарти: «Интеллектуалы и прочие предатели».) Либерала волнует судьба мира — а мы были пришельцами из этого внешнего мира, полного страданий, несправедливости, крови. В отличие от времен Фейхтвангера, Бернарда Шоу и Жан Поля Сартра, либерал 1970-х или 1980-х готов был с доверием выслушивать наши рассказы о мерзости коммунистического режима.

Но при одном условии. Чтобы мы не впадали в теоретизирование. «Я с сочувствием выслушаю рассказы о том, что вам довелось испытать. А потом объясню вам природу и источник зла, с которым вам пришлось столкнуться».

В известной мере западного либерала можно понять. В какой-то момент он устал слушать страстных российских антикоммунистов, пытавшихся изобразить все мировое зло как результат глобального коммунистического заговора. Наши пламенные гарвардские, нобелевские и повседневные речи были обращены к людям, чьи отцы и деды погибали от немецких и японских пуль — не от красноармейских. У нас не было объяснений ни для кайзера Вильгельма, ни для Муссолини, ни для Гитлера, ни для Освенцима, ни для Перл-Харбора, ни даже для аятоллы Хомейни. Не говоря уже о том, что коммунизмом невозможно было объяснить океаны крови и страданий, заливающих страницы мировой истории до XX века. Либералы вежливо и сочувственно выслушивали наши рассказы, читали наши романы и статьи. А потом пытались объяснить нам, откуда кровавая смута нашла на Россию.

Нет, их разъяснения не были похожи на примитивную марксистскую пропаганду, которой нас пичкали с детских лет. Речь их была окрашена эрудицией, аналитичностью, опиралась на принципы гуманности и объективности. Но вскоре, к своему изумлению, мы обнаруживали, что суть их объяснений все та же: во всем виноваты жадные эксплуататоры в союзе с безжалостными политиканами и генералами. Это они привели к власти Гитлера и Муссолини. Это они боятся мира, потому что мир означает снижение доходов для военной промышленности. Это они поддерживают военные диктатуры. Это они разжигают войну во Вьетнаме, Камбодже, Анголе. Это они нагнетают напряженность между Америкой и СССР, потому что наличие врага оправдывает раздувание военного бюджета. Это они создали безжалостное чудовище, которое тайно и умело управляет политической жизнью Америки. Имя этому чудовищу: военно-промышленный комплекс.

Военно-промышленный комплекс служит для западного либерала такой же универсальной отмычкой к тайне мирового зла, как для российского антисемита — жидо-масонский заговор. Но антисемиту труднее: не так-то легко отыскать жидов и масонов, скажем, в монгольской орде, подступающей к Москве, или в японском флоте, идущем к Цусиме. В отличие от жидо-масона, военно-промышленный комплекс можно отыскать везде, даже в Древнем Вавилоне. А сталинская Россия, маоцзэдуновский Китай, кастровская Куба — это, по их глубокому убеждению, естественные, во многом оправданные, самозащитные реакции других народов, пытающихся отстоять себя от страшного военно-промышленного комплекса. Не будь его — не было бы ни коммунистического террора, ни Саддама Хусейна, ни Муамара Каддафи, ни аятоллы Хомейни.

Увы, мы оказались плохими слушателями, плохими учениками. Если кто-то из нас и готов был поверить в таинственный и могущественный военно-промышленный комплекс, то отнестись к нему мы могли только с благодарностью, ибо видели в нем последнюю надежду, защиту от страшного врага, которого мы знали не понаслышке, — от мирового коммунизма. Каждый из нас, наверное, может припомнить, как постепенно вытягивались лица у наших американских друзей, гасли улыбки, как реже становились телефонные звонки, как отменялись приглашения. Не знаю, как у других, но у меня эти разрывы оставили болезненный след.

Полное расхождение во взглядах — это понятно. Еще Аристотель разошелся с Платоном, Лютер вступил в борьбу с Папой Римским, Шеллинг порвал с Гегелем. Загадкой остается другое: почему западные либералы поначалу кинулись к русским эмигрантам с таким доверием и надеждой? Что их в нас привлекало? Не такие уж мы, честно скажем, чаровники, чтобы тратить на нас вечер за вечером. С нашими категоричными мнениями, с нашим панибратством и нетерпимостью, с нашим жутким акцентом — вряд ли мы были способны, тем более в первые годы по приезде, украсить застольную беседу, порадовать содержательным докладом. И тем не менее либеральные американцы явно выделяли нас, будто ждали от нас чего-то особенного.

Но чего?

Вспоминаю недавний эпизод: в разгар перестройки приехал из России мой друг-литератор и выступал в одном из университетов. Рассказывал о том, какое это облегчение — вырваться из-под гнета цензуры, как задыхалась русская культурная жизнь в подсоветской империи, сколько талантливых людей было арестовано, выслано, доведено до безумия или самоубийства. Вдруг в зале поднялась группа немолодых людей и демонстративно пошла к выходу. По типу это были те улыбчивые американские старички, которые собирают пожертвования на Армию спасения, переводят школьников через дорогу, работают добровольцами в больницах. Я стоял у дверей рядом с организатором выступления моего друга. Проходя мимо нас, один из старичков сказал с мягкой укоризной:

— Вы должны были бы указать в объявлении, что будет выступать антисоветский оратор.

— А что — свидетельство антисоветского оратора вам заранее неинтересно? — не удержался я.

— Предвзятость не способствует правдивости.

— Но ведь сами вы никогда не жили при социализме-коммунизме. Как же вы можете судить о предвзятости или объективности докладчика?

— Зато я знаю, что он никогда не жил при власти капитала, — сказал старик вежливо, но как о чем-то давно известном и само собой разумеющемся. — Он не понимает, что значит жить всю жизнь под проклятьем собственности. Просто не испытал этого на себе.

И старички пошли по коридору, согласно кивая друг другу и тихо переговариваясь.

Не здесь ли кроется разгадка? Не этот ли ореол украшал нас, да и всех других русских, в глазах западного либерала: люди из страны, в которой покончено с проклятьем собственности. Мы считаем их наивными слепцами. А что если есть правда в словах старика? Ведь мы действительно не знаем, каково тонкому и совестливому человеку расти в мире, где собственность остается главным эталоном ценности индивидуума? А вдруг это не менее тяжело, чем страх, скука и бедность, которые были нашим уделом? В отношении же нашей судьбы у них всегда остается удобное объяснение: русские, китайцы, кубинцы просто не умело обошлись с замечательными идеями социализма. Не отсюда ли вырастает упорство и живучесть либеральных убеждений?

Кем работает либерал?

Американские социологи постоянно проводят опросы общественного мнения, пытаясь предсказать, кто будет голосовать за демократов, а кто — за республиканцев. И выяснили, что есть профессии и группы населения, которые в подавляющем своем большинстве голосуют за демократов. Это прежде всего преподаватели, журналисты, юристы, редакторы, актеры, литераторы, ученые, библиотекари, врачи.

Подобные результаты совпадают и с нашим повседневным опытом. Вспоминая горячих либералов, с которыми нам доводилось сталкиваться лично, мы обнаружим, что в большинстве это те, кого в старину называли «люди свободных профессий». Термин этот возник не случайно. Главное достояние этих людей — знания. Знания невозможно отнять, поэтому образованный человек меньше зависит от злой судьбы или от злого нанимателя. Оттого-то он и кажется остальным людям более «свободным».

Понятно, что хозяева знаний не очень озабочены охраной института собственности. Когда им говорят, что фермер не станет радеть денно и нощно об урожае, если не будет уверен, что собранное с полей никто не посмеет отнять у него, они скептически поджимают губы или заводят глаза к потолку. Собственность — источник раздоров и вражды, собственность — позволяет возноситься недостойным, собственность — проклятье рода человеческого. Достойный фермер должен беззаветно трудиться на общее благо, не думая о выгоде.

Нетрудно заметить, что в силу своих профессиональных занятий сторонники либеральных и социалистических идей имеют в руках очень мощное оружие — красноречие. И они — при их вере в силу слова — страшно изумляются, когда видят, что даже это оружие — не всесильно.

Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство людей, занятых умственным трудом, распоряжающихся гигантским миром современной информации, придерживается либерально-социалистических взглядов. Часто им кажется, что их влияние на жизнь американского общества в сфере политики и экономики должно было быть более заметным, что их деятельность не имеет достаточной поддержки со стороны правительства. Именно поэтому государственное субсидирование науки, искусства и образования в мире коммунизма таило для них неодолимое очарование. Когда иностранных литераторов в Ленинграде водили по старинному дворцу, отданному Союзу писателей, это действовало сильнее любой пропаганды. Лица гостей безотказно изображали завистливое благоговение: «Нет, нас не окружают таким вниманием».

Третья волна русской эмиграции содержала необычайно высокий процент людей умственного труда. И это добавляло горечи их западным коллегам. Обнаружить консерваторскую «закоснелость» в бежавшем на Запад математике, журналисте, социологе, музыковеде — это воспринималось чуть ли не как преда-

тельство. Нам доводилось слышать замечания типа: «Вы еще не знаете, что вас ждет... Не знаете, что вы потеряли, уехав из России...» И действительно, нашлось немало эмигрантов, изменивших свои взгляды, искренне примкнувших к западным либералам в их главном невысказанном убеждении: *«Хозяева знаний, а не хозяева вещей должны быть хозяевами жизни».*

Хозяева знаний выходят на политическую арену

Идея передачи власти в обществе хозяевам знаний лежит еще в основе «идеального государства» Платона. «Пока в государствах не будут или философы царствовать, или цари... удовлетворительно философствовать, — пишет он, — пусть род человеческий не ждет конца злу». Но и все последующие знаменитые утопии — Томаса Мора, Кампанеллы, Фурье, Чернышевского — одинаково содержат этот элемент: хозяева знаний вытесняют хозяев вещей, создают общество, в котором собственность отменена.

В течение долгого времени хозяева знаний были сосредоточены в храмовых корпорациях и монастырях. В укладе этих учреждений мы без труда обнаружим множество элементов социализма, то есть подавления института собственности. Общий труд, общая еда, одинаковая одежда, койка в общем зале вместо нормального жилья — все это одинаково характерно и для быта монастыря, и для быта любой современной социалистической страны. Университеты, возникшие в Европе в средние века, тоже немедленно стали источником всяческого бунтарства, то есть практических атак на сложившиеся формы собственности. Все революционные движения XIX—XX веков имели студентов своими активными участниками.

Однако только бурный рост науки и техники, начавшийся в XIX веке, выделил людей, распоряжающихся

потоками информации в современном обществе, в отдельную социальную группу. Чем больше становится таких людей, тем ощутимее их влияние на жизнь страны. Только в развитых индустриальных странах, где информация является важнейшим элементом хозяйственной жизни, число людей умственного труда делается достаточным для создания заметного политического движения. Распоряжающиеся информацией в силу своих профессиональных обязанностей часто занимают там ключевые посты, так что относительно малого числа их оказывается достаточно, чтобы сильно влиять на ход событий. В бедных же, отсталых странах, с низким уровнем образования, хозяева знаний — а с ними и социалистические идеи — влачат довольно жалкое существование.

Неважно, что в реальных коммунистических государствах партократия оттеснила хозяев знаний от власти. Показательно при этом, что она почтительно оставила им возможность безбедного существования, создав гигантскую сеть бесплодных научно-исследовательских институтов и академий, где можно было наслаждаться бездельем и безответственностью, сохраняя при этом престижное положение. И это тоже украшало победивших коммунистов в глазах западного либерала: вот какое уважение к знаниям и науке!

Убежденных и страстных сторонников социалистических идей сегодня можно найти только на процветающем Западе. В американских университетах, особенно в Калифорнии, их влияние так велико, что злые консерваторы говорят теперь не «западный берег», а «левый берег». И эта ситуация является еще одним пикантным опровержением марксистских пророчеств. Ибо марксизм считал, что носителем идей социализма являются угнетенные массы. Однако в бедных странах, где степень угнетения гораздо более ощутима, социалистические партии не пользуются никаким влиянием. Зато в странах развитых, индустриальных, они являются реальной политической силой, а порой и добиваются победы в борьбе за власть.

Примечательна также устойчивость политических пристрастий хозяина знаний. Казалось бы, бурление мировой политики должно приводить к постоянной переориентации взглядов. Действительно, такие события, как вторжение советских войск в Финляндию, Прибалтику, Венгрию, Чехословакию, Афганистан, заставили несколько сотен честных людей на Западе покинуть лагерь сторонников социализма. Однако большинство продолжало изыскивать оправдания и для этих актов агрессии и находило их в кознях все того же военно-промышленного комплекса.

Итак, все вышесказанное приводит нас к выводу, что вечная война между либералом и консерватором может быть интерпретирована как борьба между хозяевами знаний и хозяевами вещей. И борьба эта протекает в трех плоскостях: этической, политической, интеллектуальной.

Хозяин вещей — моральный изгой

На фронте этическом положение хозяина вещей практически безнадежно. Торгующие — вон из храма! Только в насмешку может Цветаева сказать: «...Люблю богатых — и за то, что их в рай не пустят, и за то, что в глаза не смотрят». Любое накопление вещей — источник раздора, зависти, вражды. Оно возможно лишь в результате ограбления ближнего. То ли дело — накопление знаний! Вы уж точно никого не грабите. Знания доступны любому — если только хозяева вещей не попытаются брать плату за образование. Знания невозможно отнять, — значит, нет стимула нападать на ближнего своего с оружием в руках. Хозяин вещей останется навеки морально несостоятельным и должен знать свое место в небоскребе этических ценностей: в подвале, среди мешков с углем, отопительных котлов, баков с мусором.

Из поэтических проклятий богатству и собственности можно составить тома.

Разве что дедушка Крылов посмел вступиться за накопителя-муравья. Но и ему век спустя возражает Александр Кушнер, беря сторону стрекозы: «Не копила ведь, а пела...»

Тримальхион, Гобсек, Чичиков, Плюшкин — бесконечна отвратительная череда богачей и накопителей в мировой литературе. Да и в религиозной проповеди нет им пощады.

«Продай имение твое и раздай нищим, — говорит Иисус богатому юноше. — И будешь иметь сокровище на небесах» (Матф., 19:21).

«Вы утопаете в роскоши, когда тысячи ваших братьев во Христе не имеют куска хлеба на ужин», — восклицает Иоанн Златоуст.

«Социализм — это утверждение идей христианства в экономической области», — считает Толстой.

И в современном мире тысячи священников открыто объявляют себя сторонниками социалистических идей, становятся приверженцами так называемой «новой теологии».

Плохо твое дело, хозяин вещей: никто не вступится за тебя в высоком храме морального судилища.

Противоборство на уровне утилитарно-социальном

Завоевав победу на этическом фронте, хозяин знаний пытается с ходу завоевать командные высоты и в политике. Ему очень не хочется признать хоть какую-то полезность за владельцами вещей, за собственниками. Допустить, что труд их важен для общества, что хозяин вещей тоже должен тяжко трудиться, чтобы росло всеобщее благосостояние, — это означало бы для хозяина знаний почти капитуляцию. «Да, хозяева вещей порой трудятся с утра до вечера — но это исключительно из жадности, — утверждает хозяин знаний. — Вот если бы они так же трудились, не будучи собственниками, — тогда да, тогда мы бы признали за ними какие-то права. А так приговор им один: грабители, эксплуататоры и кровососы».

Но тут на защиту собственника поднимаются довольно мощные силы. Всегда есть люди, подобные Катону, Плинию Младшему, Монтескье, Джефферсону, Адаму Смиту, которым доводилось выступать и в роли хозяина знаний, и в роли хозяина вещей. Они изучали историю и практику этого вечного противоборства и убедительно доказывают в своих трудах: институт собственности — единственный эффективный инструмент, позволяющий отличать созидателей от разорителей, талантливых распорядителей от бездарных, умножающих богатство от расточающих его. Этот инструмент таит свои опасности, он может оказаться обоюдоострым. Но если применять его умело, выгода для общества оказывается неизмеримо выше потерь.

Индустриальные страны имеют сложнейшие системы законов, регулирующих отношения между собственниками. Религиозные и этические традиции тоже играют важную роль в смягчении этих отношений. Нарушение же прав собственника — со стороны ли верховной власти, или в результате общего политического разброда, — всегда ведет к резкому обеднению страны. «Человек, не имеющий права приобрести никакой собственности, — пишет Адам Смит, — может быть заинтересован лишь в том, чтобы есть возможно больше и работать возможно меньше». Довольно точное описание ситуации в странах победившего социализма.

Однако общества, основанные на принципе уважения к собственности, всегда таят внутри себя взрывоопасную ситуацию. Союз хозяина знаний с трудовой массой создает политическую бомбу огромной силы. Обе группы объединяет одно: ненависть к хозяевам вещей, к распорядителям, чувство обделенности. Хозяин знаний создает красноречивые объяснения и оправдания для нутряной зависти к «господам», живущей в темной народной душе. В критический момент Ленин поспешно сменит интеллигентский котелок на рабочую кепку, влезет на броневик и...

Мы знаем, что случается дальше.

Противоборство на уровне интеллектуальном

Наконец, в третьей плоскости — интеллектуальной — противоборство имеет весьма парадоксальный характер. Либерал и консерватор почти не слышат друг друга, ибо по сути они подчиняются разным законам мышления. И этот феномен заслуживает особенно пристального рассмотрения.

Главная особенность трудовой деятельности хозяина знаний: материал, с которым он работает, то есть понятия, слова и цифры, которыми он должен оперировать, легко подчиняются его воле. Он быстро составляет их на бумаге или на экране компьютера, сортирует, перестраивает, множит — и выдает «готовый продукт» в виде аккуратно переплетенного отчета, доклада, книги. Если что-то пошло не так, он легко отбрасывает ошибочный расчет, зачеркивает неудачную формулировку, стирает цифры и слова с доски или экрана и тут же начинает все сначала. До тех пор, пока мозг его подчиняется законам математики и логики, он уверен в своей непогрешимости. Переубедить его в чем-нибудь практически невозможно.

В отличие от него, хозяину вещей приходится распоряжаться машинами, грузами, кораблями, людьми. Материал, с которым он имеет дело, обладает огромной инерцией и силой сопротивления. Машины и люди часто ведут себя непредсказуемо. Хозяин вещей знает, что любая ошибка в задуманном деле может оказаться непоправимой. Он, действительно, должен семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Он должен все время прикидывать, хватит ли у него работников, материалов, инструмента, чтобы довести мероприятие до конца. Поэтому он думает и разговаривает в пять раз медленнее, чем хозяин знаний, часто выглядит рядом с ним туповатым, нерешительным, отсталым.

Именно поэтому любая дискуссия между хозяином знаний и хозяином вещей часто вырождается в беккетовский диалог, в котором персонажи абсолютно не способны расслышать друг друга. В корне их взаимоотношений лежит тот — часто невидимый для них самих — факт, что у них совершенно разные представления о том, что выполнимо и что невыполнимо в реальной жизни. Представим себе, что два спортсмена спорят о том, как сподручнее бить по воротам, и не догадываются при этом, что один имеет в виду футбол, а другой — хоккей. Разворачивая эту метафору до циркового гротеска, можно представить себе матч между хоккеистами и футболистами на поле, одна половина которого залита льдом, а другая покрыта дерном. Футболисты начнут потешно скользить и падать на льду, хоккеисты будут увязать своими коньками в траве. Увы, очень часто дебаты между либералами и консерваторами в парламентах демократических стран напоминают именно такие матчи.

Например, сегодня в Вашингтоне снова, как во времена Кеннеди — Джонсона, власть захватили хозяева знаний. Любому хозяину вещей ясно, что проводимые клинтоновской командой меры могут только ухудшить положение людей, которым они пытаются помочь. Очередное повышение минимальной заработной платы только увеличит безработицу среди бедных и молодых. Резкое сокращение расходов на оборону только выбросит на рынок труда миллионы людей без гражданских профессий — раньше они платили солидные налоги в казну, теперь будут получать из нее пособия по безработице, которые перевесят ожидавшуюся экономию. Попытка ввести всеобщее и обязательное медицинское — добро бы обслуживание! но нет, по-прежнему, что за нелепость? — страхование! обернется лишь огромным скрытым налогообложением в пользу ненасытных страховальщиков, медиков, фармацевтов.

Но нет никакой возможности докричаться до хозяина знаний. Пока у него на бумаге все сходится красиво, стоны и вопли живых людей его мало волнуют.

Россия XX века — поле, проигранное хозяевами вещей

Юрий Трифонов очень точно выбрал название для своего исторического романа о народовольцах: «Нетерпение». Несовершенство, горе и тяготы окружающей жизни часто кажутся хозяину знаний настолько нелепыми, легко поправимыми, от злых правителей исходящими, что он кидается в революционную борьбу, часто не имея иных мотивов, кроме бескорыстного и жертвенного желания помочь страдающим людям. Волна либеральных и социалистических движений поднималась в конце XIX века во всей Европе. И все же она никогда не смогла бы сокрушить прочные государственные структуры, созданные хозяевами вещей. Они сами дозрели до кризиса, сами довели принцип защиты собственности до нелепого преувеличения и рухнули в страшную катастрофу первой мировой войны.

Да простят меня все честные и талантливые российские антикоммунисты — от Ивана Александровича Ильина до Александра Исаевича Солженицына: не от пушек октября 17-го, а от пушек августа 14-го рухнул старый мир. Никакие революционные «бесы», никакая «международная закулиса», никакой Парвус с немецкими миллионами не толкали дивизии и броненосцы цивилизованных стран в жерло небывалой кровавой мясорубки. Облака горчичного газа, прошитые пулеметными очередями, и пассажирские лайнеры, потопленные подводными лодками, — вот последние «аргументы», убедившие миллионы измученных людей в необходимости политических перемен. Подданные русской, австрийской и немецкой империй сказали «хватит», не зная еще, достанет ли у них сил и мудрости выстроить новый строй совместной жизни. «Хуже быть не может!» — казалось им.

Но Муссолини, Сталин, Гитлер показали, что может.

Конечно, нелепо было бы относить этих трех полуграмотных тиранов к «хозяевам знаний». Они — всего лишь неизбежная расплата за вечную духовную незрелость либерального прекраснодушия, за вечную торопливую самоуверенность политического подростка. Подросток, севший без прав за руль автомобиля, вовсе не хочет разбиваться насмерть — он просто хочет промчаться с ветерком. Но на первом же трудном повороте он не удержит руль, не удержит кормило власти и разобьет государственный автомобиль со всеми пассажирами в нем. Там, где хозяева знаний и хозяева вещей не могут установить разумный баланс сил, к власти неизбежно прорвутся «хозяева невежества».

Проблема состоит в том, что хозяева вещей знают: без хозяев знаний им не обойтись. Невозможно в цивилизованной стране закрыть все университеты только потому, что студенты постоянно бунтуют. Наоборот, хозяева знаний воображают, что без хозяев вещей они прекрасно обойдутся. Ведь возможности науки и техники беспредельны! Если жадные собственники не будут мешать нам, мы горы свернем! Что они и попытались проделать в послереволюционной России, принимая активное участие в уничтожении нэпманов, кулаков и прочих «классовых недобитков».

Гор было срыто много, а также повыведено лесов, засушено рек, заболочено озер, отравлено морей. Но при всех страданиях и лишениях, которые российские хозяева знаний делили с остальным народом при правлении большевиков, справедливость требует отметить, что они таки добились для себя привилегий, немыслимых при других режимах. Получение институтского диплома обеспечивало человека работой на всю оставшуюся жизнь. Получение ученой степени означало безбедное существование. Эта степень, членство в творческом союзе, работа в средствах массовой информации открывали доступ к благам, недоступным рядовому человеку.

Ну, а что мы видим сегодня? Отражает ли сегодняшняя российская смута вечную борьбу хозяев знаний с хозяевами вещей?

Мне кажется, отражает.

Хотя и в довольно парадоксальном, вывернутом виде.

Ибо в сегодняшней России хозяева знаний — впервые! — ратуют за возвращение института частной собственности.

«По неправильному парламенту — огонь!»

— Да, мы за рынок! — восклицают сегодняшние реформаторы, собравшиеся вокруг Ельцина. — За пол-

ную приватизацию! Мы знаем, как ее провести за 500 дней! За нас — весь демократический мир во главе с президентом Клинтоном и профессором Джеффри Саксом! А против нас могут быть только реакционеры, бывшие партократы и скрытые властолюбцы! И разговор с ними будет короткий. Как с тем реакционным неправильным парламентом, который отказался мирно разойтись и злостно засел в «Белом доме» без воды и электричества.

В фильме Тарковского «Андрей Рублев» есть такой эпизод: в разоренной, полувымершей деревне княжеские слуги находят мальчишку, который говорит, что помнит, как его отец отливал отличные колокола. И ему поручают отлить новый колокол для церкви, снабжают рудой и инструментом, дают опытных литейщиков. Мальчишка быстро входит в раж, начинает распоряжаться, а когда один из литейщиков говорит, что так дело не сделается, отливка треснет, приказывает пороть его плетьми.

Верный взглядам и пристрастиям своего круга режиссер дает мальчишке победить — заканчивает фильм торжественным колокольным звоном. Российская реальность была другой, недаром же символами ее стали «Царь-пушка», не сделавшая ни одного выстрела, треснутый «Царь-колокол» и крейсер, не выигравший ни одного морского боя.

«Тимуровская команда» Гайдара, взявшаяся возвратить Россию в райские кущи рыночной экономики, демонстрирует все характерные черты хозяина знаний: веру в непогрешимость логических построений и цифровых показателей, блистательную демагогию, благие намерения, отсутствие всякого опыта в реальной хозяйственной деятельности, но главное и прежде всего — нетерпение вечных подростков. Похоже, они искренне верят, что уважение к собственности в стране можно включать и выключать, как электрическую лампочку. «Объявим сегодня, что грабить больше не будут, — и народ поверит и начнет разбирать в частное владение заводы и пашни». А когда находятся смелые россияне (откуда? как вы выжили, родные?) и берут в собственность кто лавку, кто мастерскую, кто ресторан, и когда — естественно — начинается оголтелый грабеж, снизу — рэкетом и сверху — налогами, наши реформаторы говорят: «Ничего, это так надо. По науке — шоковая терапия. Было бы лучше, да враги и коммунистические недобитки гадят повсюду».

Но вот уже и «врагов» разгромили танками и покидали главных в тюрьмы. И тут же в газетах за октябрь 1993-го появляется сообщение, что с 1 января запрещено использование твердой валюты при непосредственной купле-продаже. Только через государственные банки. А то государству несподручно свои валютные пенки снимать, когда граждане друг у друга за доллары все покупают. Это ли не очередной государственный грабеж населения? Такими путями вы собрались возрождать уважение к собственности?

Ельцинско-гайдаровские реформаторы похожи на тренеров, кричащих на игроков только что купленной команды: «Гони шайбу! Клюшкой работай! Проходи по краю! Прижимай к борту! Что?.. Не слышу!.. Как это нет ни клюшек, ни коньков? Что это значит «лед только на лужах»? Ась?!. Нам дела нет, что вы до сих пор в футбол играли! Чтоб завтра же все переучились на хоккей. А кто не переучится — тот скрытый враг и коммунистический недобиток».

Да, в России в течение последних семидесяти лет сама идея возрождения частной собственности была под запретом. Собственности не было, а хозяева вещей были и как-то по-своему распоряжались экономикой огромной державы. Они исподволь вырабатывали свои правила, свой язык и худо-бедно справлялись со своей жизненно необходимой для общества деятельностью. Никакие декреты, никакие программы Международного валютного фонда, никакие заморские профессора не смогут заставить миллионы хозяев вещей — то есть оставшихся с советских времен директоров заводов, председателей колхозов, заведующих больницами — враз сменить свои навыки, приемы работы, понятия.

Лидеры мировой демократии одобрили стрельбу из танков по российскому парламенту вовсе не потому, что они вдруг полюбили диктаторские приемы политической борьбы. Просто и либерал Клинтон, и консерватор Мэйджор по всему своему складу, языку и представлениям принадлежат к лагерю хозяев знаний. Язык ельцинских реформаторов они понимают. А невнятный, разноголосый гул, испускаемый российскими хозяевами вещей им непонятен, чужд, враждебен. И так как советология последних десятилетий была целиком в руках хозяев знаний, нет ни одного видного экономиста-историка, который мог бы расшифровать и довести до сознания западного хозяина вещей простой смысл этого гула: нельзя создать рынок, пока у вас нет достаточного числа настоящих собственников!

Три четверти века отделяют октябрь 1917-го от октября 1993-го. Не будем поддаваться соблазну проводить прямые аналогии. Нет, Ельцин не похож на Керенского, Руцкой — на Корнилова, а Жириновский не потянет на Ленина. Но при всей разнице конкретных обстоятельств, действующих лиц, социального контекста глубинная суть исторической драмы кажется одной и той же: и там, и здесь нетерпеливый хозяин знаний говорит существующему хозяину вещей: «Пошел вон, жадный и корыстный кровосос, цепляющийся за свои привилегии! Обойдемся без тебя».

Обойдетесь — да.

Но только ценой очередного, еще более страшного российского разорения.

НАСЛЕДИЕ

И. С. Тургенев как политический мыслитель

Петр СТРУВЕ

Тургенев — мыслитель, да еще политический! Этот заголовок может кому-нибудь показаться странным.

Но тем не менее он содержит в себе правильную характеристику: Тургенев был вообще оригинальным и свободным умом, а потому и настоящим мыслителем.

Чем был Тургенев как мыслитель?

Представьте себе поэтический дух Платона во власти или, вернее, под властью скептицизма — и вы получите Тургенева.

В процессе и своего личного развития, и какого-то могущественного коллективного заражения, во всем сомневающийся, ничего не утверждающий, Тургенев все-таки как-то проникся платонизмом (через Гегеля и Гегелианство?).

Тургенев чаял высший мир идей-образов и — целомудренно боялся верить в них и прикидывать к ним жалкие тени подлунного бытия.

Это странное сочетание стремления ввысь, в мир вечных «идей», с трезвым, а подчас и разъедающим анализом низменной действительности ярко сказалось и в художественном творчестве, и в политическом мышлении Тургенева.

Недостаточно осознано и оценено, что тургеневские «Стихотворения в прозе» являются книгой, в которой выразился весь Тургенев, с его двойственным ликом — платоника и скептика, художника-пессимиста, проникнутого не просто грустью, но подлинной скорбью, составленной из непреклонного идеализма и беспощадного реализма. Великие умы и большие творцы почти никогда не бывают «монистичны», вылечены из одного теста. Почти всегда в них соединено разнородное, и часто это разнородное ведет в их душах жесточайшую, явную или скрытую, борьбу. Идеалист Тургенев ничего не идеализировал.

Из больших русских писателей, быть может, ни один, кроме Герцена, не был таким верным и страстным любовником свободы, как Тургенев. Но он с режущей ясностью видел, как далека была от «идеи» свободы историческая действительность вообще и русская в частности.

Он эту действительность не изукрашивал и не приукрашивал никакими измышлениями лживой историософической идеализации.

Этим чарам поддался Герцен, влекомый сюда и преклонением перед якобы «русской» и якобы «народной» стихией, и отталкиванием от «буржуазного» Запада. С суровым мужеством Тургенев поборол чары народопоклоннической идеализации, под которые подпал его старший соратник и друг.

Памятником политического разногласия Тургенева со старшим и старым другом являются замечательные письма к Герцену великого художника (письма Герцена к Тургеневу не сохранились — по-видимому, они были — в припадке слабости и даже трусости! — уничтожены самим Тургеневым; сохранились только немногие черновики Герцена).

В письме к NN от 8.X.1862 года Тургенев так формулировал свое разногласие с Герценом:

«Главное наше несогласие с О(гаревым) и Г(ерценом), а также с Бакуниным состоит именно в том, что они, презирая и чуть не топча в грязь образованный класс России, предполагают революционные, или реформаторские начала **в народе**; на деле же это — совсем наоборот. Революция в истинном и живом значении этого слова — я бы мог прибавить: в самом широком значении этого слова — существует **только** в меньшинстве образованного класса — и этого достаточно для ее торжества, если мы только самих себя истреблять не будем»*.

В письме к самому Герцену от того же числа Тургенев так разъясняет указанное им разногласие:

«...В столь часто повторяемой антитезе Запада, прекрасного снаружи и безобразного внутри — и Востока, безобразного снаружи и прекрасного внутри — лежит фальшь, которая потому еще держится даже в замечательных умах, что она, во-первых, не сложна и удобопонятна, а во-вторых, а l'air detre tres ingenieuse et neuve**... Ты в течение почти четверти столетия (16 лет), отсутствуя из России, пересоздал ее в своей голове. Горе, которое ты чувствуешь при мысли о ней, горько, — но поверь, оно в сущности еще горше, чем ты предполагаешь, и я на этот счет больше мизантроп, чем ты. Россия не Венера Милосская в черном теле и в узах; это — такая же девица, как и старшие ее сестры, только что вот з... у нее будет пошире — и она уже ... — и так же будет таскаться, как и те. Ну рылом-то она в них не вышла, говоря языком Островского, Шопенгауера, брат, надо читать поприлежнее, Шопенгауера» (там же, стр. 169—170)***.

Это потрясающее место, где одинаково изумительно и историческое прозрение, и глубочайшее бесстрашие тургеневской мысли, находящей себе жесточайшее символическое выражение, было через пять лет, в 1867 году, развернуто в замечательном диалоге Созонта Ивановича Потугина с Григорием Михайловичем Литвиновым. Устами Потугина говорит сам Тургенев, совопросник и друг-противник Герцена:

* Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева, 1892, стр. 143. Опубликование этой, воистину исторической по своему значению переписки, перла русской «эпистолярной» литературы, составляет большую заслугу Драгоманова, как публициста и историка. (Прим. П. Струве.)

** кажется очень замысловатой и новой (фр.)

*** Эта ссылка на Шопенгауера у прошедшего через гегелианство Тургенева в высшей степени знаменательна. Конечно, как скептик, Тургенев был более сродни пессимисту Шопенгауэру, чем оптимистам Гегелю и Шеллингу, которых Шопенгауэр ненавидел и презирал. Но и через Гегеля, и через Шопенгауера Тургенев, сам того, быть может, не сознавая, как-то восходил к платонизму. (Прим. П. Струве).

« — Ну, а Россию, Созонт Иванович, свою родину, вы любите?

Потугин провел рукой по лицу.

— Я ее страстно люблю, и страстно ее ненавижу.

Литвинов пожал плечами.

— Это старо, Созонт Иванович, это общее место.

— Так что же такое? Что за беда? Вот чего испугались! Общее место! Я знаю много хороших общих мест. Да, вот, например, свобода и порядок — известное общее место. Что ж, по вашему, лучше, как у нас: чиноначалие и безурядица? И притом, разве все эти фразы, от которых так много пьянеет молодых голов: презренная буржуазия, souveraintete du peuple**** — право на работу, разве они тоже не общие места? А что до любви, неразлучной с ненавистью...

— Байроновщина, — перебил Литвинов,– романтизм тридцатых годов.

— Вы ошибаетесь, извините-с; первый указал на подобное смешение чувств Катулл, римский поэт Катулл, две тысячи лет назад... Да-с; я и люблю, и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину. Я теперь вот ее покинул: нужно было проветриться немного, после двадцатилетнего сидения за казенным столом, в казенном здании; я покинул Россию, и здесь мне очень приятно и весело; но я скоро назад поеду, я это чувствую. Хороша садовая земля... да не расти на ней морошке».

Потугин не Тургенев, но он высказывает в «Дыме» собственные, выстраданные мысли Тургенева*****.

И Губарев не Бакунин, не Огарев и уже совсем не Герцен (которого Тургенев любил и в полной мере ценил и как писателя, и как человека), но мысли Губарева Герцено-Огаревско-Бакунинские и повадки его — злая карикатура на слабости Николая Платоновича (Огарева) и Михаила Александровича (Бакунина). Тут много карикатуры******, чего почти нет в Потугине, изображенном как живое лицо с подлинной потугинской (Тургеневской) «правдивой, искренней печалью».

Тургенев писал Герцену письма, Герцен отвечал письмами и статьями в «Колоколе».

Переписка эта в 1864 году приостановилась на целых три года.

Спор вертелся вокруг основного вопроса, который в конце 1867 года (уже после появления «Дыма» в «Русском вестнике» Каткова) Тургенев формулировал так:

**** Равенство народа (фр.)

*****Однако в скорбное изображение и личности, и судьбы, человека «священнического поколения», «бедного, желчного чудака» Потугина дворянин, красавец и артист Тургенев вплел кое-что **свое** и притом **интимнейшее** свое. Тут есть и плен у г-жи Виардо и вообще вся горечь и сладость тургеневской личной жизни. Потугин — это классически удавшийся tour de force «объективного» психологического изображения, которое все соткано из подлинных глубочайших и тягчайших «субъективных» личных переживаний, душевных (эмоциональных) и духовных (умственных). (Прим. П. Струве).

****** Историко-социологически Степан Николаевич Губарев «сделан» из черт Н. П. Огарева, М. А. Бакунина и А. И. Кошелева. Быть может, сюда примешано еще кое-что от В. И. Кельшева, которого, впрочем, Тургенев лично не знал. Но в отличие от выстраданного самим Тургеневым Потугина, как лицо, Губарев — карикатура. (Прим. П. Струве).

«...Это между нами старый спор: по моему понятию, ни Европа не так стара, ни Россия не так молода, как ты их представляешь: мы сидим в одном мешке и никакого за нами специально нового слова не предвидится. Но дай Бог тебе прожить сто лет и ты умрешь последним славянофилом и будешь писать статьи умные, забавные, парадоксальные, глубокие, которых нельзя будет **не** дочитать до конца».

Вторично посылая 7.XII.1867 года Герцену экземпляр отдельного издания «Дыма», Тургенев говорит: «Сама книга тебе, разумеется, не понравится». Еще раньше Герцен неодобрительно отозвался об этом произведении Тургенева, идеологически являющемся беллетристическим перифразом, или вариантом их переписки, на что Тургенев реагировал так (в письме от 22.V.1867 года):

«Тебе наскучил Потугин, и ты сожалеешь, что я не выкинул половины его речей. Но, представь: я нахожу, что он еще не достаточно говорит, и в этом мнении утверждает меня всеобщая ярость, которую возбудило против меня это лицо. Иосиф II говорил Моцарту, что в его операх слишком много нот.

— Keine zu viel*, — отвечает тот.

Я не Моцарт, еще гораздо меньше, чем ты не Иосиф II, но я осмелюсь думать, что тут Kein Wort zu viel**. То, что за границей избито, как общее место, у нас может приводить в бешенство своей новизной» (стр. 192, ср. письмо от 23.V того же года, на стр. 195).

Еще одно место из этой замечательной переписки, ярко освещающее разногласие между двумя великими русскими писателями, любившими и ценившими один другого!

13/25 декабря 1867 года Тургенев пишет Герцену:

«...Ты, романтик и художник... веришь в народ, в особую породу людей, в известную расу: ведь это в своем роде тоже троеручница! И все это по милости придуманных господами и навязанных этому народу совершенно чуждых ему демократических социальных тенденций в роде «общины» и «артели». От общины Россия не знает, как счураться, а что до артели — я никогда не забуду выражения лица, с которым мне сказал в нынешнем году один мещанин: «кто артели не знавал, не знает петли». Не дай Бог, чтобы бесчеловечно эксплуататорские начала, на которых действуют наши «артели», когда-нибудь применялись в более широких размерах!» (стр. 197—198).

В этом же письме Тургенев Герценовской вере в «самобытные» русские начала, совпадающие с социалистическим идеалом, противопоставляет свой идеал свободы и веру в **постепенную** эволюцию человеческих отношений на основе страшно трудно доступного всему человечеству, и в особенности русскому народу, начала свободы. Социалистической идее сплошного социального преобразования и «мистической» идее земного социального чуда преображения людей Тургенев, как убежденный «постепеновец» (самое это выражение вычеканено им!), противопоставлял проповедь культурного и политического воспитания сложными индивидуальными и государственными способами. Подлинную революцию он видел в воспитании людей свободой. «Я отвечаю, как Скриб, — пишет Тургенев в том же письме Герцену, — prenez mon ours*** — возьмите науку, цивилизацию и лечите этой гомеопатией мало-помалу».

II

Гораздо раньше Тургенева к трезвому и правдивому пониманию исторического соотношения между Россией и Западом пришел самый умный и, вероятно, самый образованный из людей 40-х годов Василий Петрович Боткин. Его высказывания в этом смысле я 36 лет тому назад собрал в своей «марксистской» полемике с покойным Б. Н. Чичериным****.

К этим высказыванием Боткина, так же поражающих своей исторической проницательностью и политической трезвостью, как и письма Тургенева к Герцену, теперь можно прибавить следующее место из недавно опубликованного письма Боткина к Панаеву от 29.I.1858:

«Мы уже так поставлены Судьбою, что нам принятие в себе европейского содержания требует больших усилий и самоотречения; только совершенно потерявши себя, мы снова можем найти себя; русскими мы от этого быть не перестанем, напротив — но зато не будем смотреть на Европу, как гуси на гром. Дело не в том, чтобы оканчиваться только европейской цивилизацией, а внутренне скраситься ею, и в этой-то внутренней окраске и состоит задача нашей русской жизни, да еще и многих будущих поколений. Увлекшись окружающею нас напряженною внешностью, мы не шутя вообразили себя умнее Европы и что наша жизнь сложилась совсем по другим законам, а на деле оказывается, что мы находимся только на самых низших ступенях ее развития»*****.

III

Тургеневу, как и большинству просвещенных и прогрессивных русских людей его поколения, недоставало чувства государственности. Я разумею под чувством государственности и элемент подсознательный: ощущение мощи государства, как некой непререкаемой ценности, какую можно и должно любить, не рассуждая и даже не задумываясь, и элемент сознательный: признание государства, как творческой культурной силы, стоящей принципиально вне классов и над классами.

У Тургенева было, кроме того, и какое-то странное недоверие к началу национальному. Эта черта вызывает изумление у такого все-таки глубоко национального писателя, но ее нельзя отрицать. Она отчасти связана с тем гуманитарным «просветительством», от которого Тургенев, при всем своем иррационализме, не мог никогда отделаться. Этим объясняется та национальная бесчувственность, я бы сказал, слепота, которая отталкивает современного читателя в некоторых суждениях Тургенева.

Тургенев не понимал, что в началах государственности и народности присутствует некая имманентная, неустранимая мистика, пред которой индивидуальный дух не может не склоняться. В области чистой религии и отвлеченной метафизики он этот мистический «предел», по-видимому, весьма отчетливо ощущал (см. письмо к Герцену от 28.IV. 1862 года, стр. 146 с цитатой из Гетевского «Фауста»: «Wer darf ihn nennen»* и т. д.), и это спасло его от нигилизма и атеизма.

IV

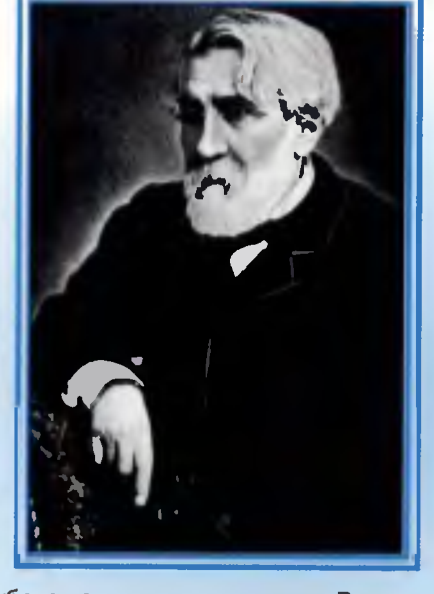
В мое духовное и политическое развитие те историко-политические мысли И. С. Тургенева, которые были направлены против русского социально-политического мессионизма как в его консервативной, так и в его революционной редакции, вошли определяющим образом, как одно из самых важных «влияний», породивших тот строй идей, первым выразителем которого я явился в русской исторической и философски обоснованной публицистике и который стал известен под внушающим неправильные ассоциации и возбуждающим недоразумения наименованием «легальный марксизм».

Оглядываясь сейчас назад, я могу сказать смело, что переписка Кавелина и Тургенева с Герценом, изданная в 1892 году Драгомановым, для окончательного формирования моего историко-политического миросозерцания имела значение гораздо большее, чем известные полемические произведения П. Б. Аксельрода и Г. В. Плеханова, ставших в эмиграции основателями русской социалдемократии. Тургеневская интуиция: «Россия не Венера Милосская в черном теле и в узах» и т. д. — эта интуиция, как образ и символ, разила «народническую» идеологию метче и безошибочнее, чем всякие экономические «рассуждения» и социологические «построения». На меня, может быть, со мною вместе и на других представителей нашего поколения — письма Тургенева к Герцену произвели огромное впечатление — трезвостью и четкостью содержащихся в этих письмах историко-политических мыслей.

Хорошо известные нам афоризмы Потугина явились теперь перед нашим сознанием в их подлинном значении: развернулось во всем своем идейном драматизме столкновение таких умов, как автор «Былого и дум» (мы ими зачитывались, как художественным произведением и общественно-политическим памятником), и автор «Рудина», «Дворянского гнезда», «Накануне», «Отцов и детей», «Дыма», «Нови», произведений, на которых воспитывался наш эстетический вкус и образовывались наши моральные, политические и общественные понятия. А потому впечатление от посмертного, но живого голоса великого художника Тургенева, ставившего те самые вопросы, которыми жили и волновались мы, и обращавшего эти вопросы к первому русскому публицисту своей эпохи, было прямо таки исключительно по силе. «Нелегальный» томик писем Кавелина и Тургенева к Герцену с обстоятельными и умными разъяснениями Драгоманова не только читался. Им умственная «элита» времени нашей юности, эпохи споров между народниками и марксистами, прямо зачитывалась.

Об этом уместно и поучительно вспомнить.

Публикация В. АЛЕКСАНДРОВА.

Статья П. Б. Струве о И. С. Тургеневе публикуется в России впервые и приводится по тексту: «И. С. Тургенев как политический мыслитель. Напоминание и воспоминание» («Россия и славянство». Париж. 1933. № 225. 1 октября).

*ни одной лишней (нем.)
** ни одного лишнего слова (нем.)

*** Ставшее у французов «провербиальным» выражение из водевиля Скриба и Сэнтина «Ours et le Pacha». (Прим. П. Струве).
**** «Господин Чичерин и его обращение к прошлому» в журнале «Новое слово» за 1897 год (перепечатано в моем сборнике «На разные темы» (СПб., 1902 год). «Марксистское» направление и, еще более, «марксистский» задор этой статьи мне теперь чужды, но она представляет первую и, по-видимому, до сих пор единственную попытку обозначить историческое место Б. Н. Чичерина в развитии русской общественной мысли. В этой статье я не мог еще, по цензурным условиям, прямо цитировать «нелегальное» заграничное Драгомановское издание писем Тургенева о Герцене, но, однако, о них упомянул. (Прим. П. Струве).
***** Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы «Academia», Москва, 1930 год, стр. 434. (Прим. П. Струве).

* «Кто решится его назвать».

Русские — кто мы?

Фотографии Виктора Грицюка

MALEVICH

LEGO

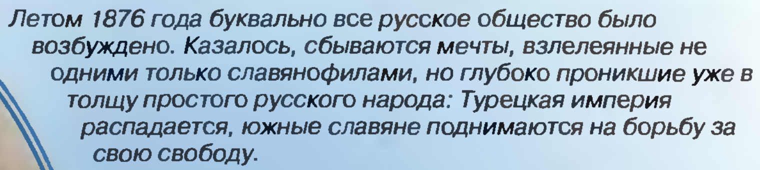

Генерал боевой и опальный

Александр ПЕТРОВ

Летом 1876 года буквально все русское общество было возбуждено. Казалось, сбываются мечты, взлелеянные не одними только славянофилами, но глубоко проникшие уже в толщу простого русского народа: Турецкая империя распадается, южные славяне поднимаются на борьбу за свою свободу.

Впоследствии этот период получил у историков название Восточного кризиса: мощное национально-освободительное движение охватило все славянские провинции Турецкой империи.

В 1875 году поднялись на борьбу населенные сербами турецкие провинции Босния и Герцеговина, в апреле 1876 года восстание вспыхнуло в покоренной Болгарии — самое крупное за всю историю этой страны. Оно было подавлено турками с чудовищной жестокостью. Вести о «болгарских ужасах» облетели всю Европу, вызвав всюду возмущение действиями турок. Особенно это ощущалось в России — сочувствие «братушкам» и желание помочь сербам и болгарам были повсеместными.

И наконец, новая весть взбудоражила всех: 30 июня 1876 года два маленьких княжества, Сербия и Черногория, решились сами выступить на защиту балканских славян и объявили войну могущественной, хотя и ослабленной восстаниями и мятежами Турецкой империи.

Главную силу этой славянской коалиции представляла, несомненно, более крупная территориально и более сильная Сербия. Какой же энтузиазм охватил русское общество, когда в России узнали, что во главе сербской армии стал отставной русский генерал Михаил Григорьевич Черняев, человек, известный своими победами в Средней Азии.

Генерал М. Г. Черняев.

Черняев, несомненно, был способным военачальником. Лишь огромное честолюбие портило его характер, заставляя порой совершать поступки, о которых в дальнейшем он не мог не сожалеть. Сущность этого человека можно выразить в нескольких словах: генерал боевой и опальный. Он сделал свою карьеру на поле боя: в Крымскую войну, где он сражался сначала на Дунае, а затем под Севастополем, шесть месяцев провел на Малаховом кургане. Он участвовал в Кавказской войне, а по окончании ее по собственному желанию был направлен в Среднюю Азию. Всероссийскую же славу принесли Черняеву походы 1864—1865 годов, когда он во главе небольшого отряда двинулся в глубь Кокандского ханства и в трехдневном бою 15—17 июня 1865 года (ст. ст.) покорил один из крупнейших городов Средней Азии — Ташкент.

Здесь, под Ташкентом, Черняев имел в своем распоряжении отряд из 1951 человека с 12-ю орудиями, а ему предстояло взять штурмом огромный город (50 тысяч жителей, двадцатитысячный гарнизон и 63 орудия на стенах). И все же Черняев, веривший в своих солдат, решился на штурм, и успех сопутствовал ему. В этом сражении особенно ярко проявились основные качества Черняева-полководца: его решительность и высокая инициативность.

Эта победа принесла генералу орден Георгия 3-й

степени, должность первого губернатора завоеванной Туркестанской области и... резкое неодобрение как непосредственного начальства, так и правительства в Петербурге. Дело в том, что Черняев решился на штурм Ташкента фактически без санкции правительства, которое опасалось внешнеполитических осложнений. В конце концов правительству пришлось признать сделанные Черняевым завоевания; более того, оно приняло и продолжило политику Черняева — политику быстрого и решительного продвижения в глубь Средней Азии. Но генералу не простили его независимости и самовольных действий. Меньше чем через год после взятия Ташкента, в марте 1866 года, по ничтожному поводу он был отстранен от командования войсками и отправлен в отставку.

Это был тяжелейший удар. В течение десяти лет талант военачальника и его решительный, деятельный характер не находили настоящего применения. Честолюбие Черняева было уязвлено тем, как низко оценили его заслуги, и это толкнуло его в оппозицию к военному министру Д. А. Милютину, военные реформы которого он критиковал с консервативных позиций. Во время своего вынужденного бездействия Черняев близко сошелся со славянофилами: И. С. Аксаковым, братьями Киреевыми и другими. Он увлекся идеями освобождения и объединения славян всего мира, деятельно сотрудничал с образовавшимися в Москве, Петербурге и других городах России Славянскими комитетами, издавал даже свою газету «Русский мир». Опала, в которой находился генерал, в не меньшей степени, чем военная слава, способствовала росту его популярности в определенных слоях общества.

Так что отъезд Черняева в Сербию, вызвавший столько шума в русском обществе, не был для него случайным шагом, а закономерно вытекал из всей его предшествующей жизни. В приглашении возглавить действующую армию он увидел свой шанс вернуться к активной деятельности.

С началом Сербской войны русское общество с энтузиазмом ожидало известий с поля боя. Все надеялись на немедленные успехи. Но их не последовало.

Когда анализируешь события тех лет, то ясно видно, что Сербия была слишком слаба, чтобы победить в этой войне. Собственно, война была проиграна в тот момент, когда раздался первый выстрел.

Турция превосходила Сербию в десятки раз по территории, населению, имела сильную регулярную армию и большие военные запасы — в общем, все преимущества были на ее стороне. Единственным для Сербии шансом было нанести внезапный удар, быстро захватить главную турецкую пограничную крепость Ниш, запирающую дорогу на Софию, и затем сразу двигаться в глубь Болгарии, пытаясь вновь поднять там восстание.

Именно этот план и предложил Черняев. Это был лучший из всех возможных планов, и он мог бы быть выполнен, если бы Черняев имел под командой закаленных туркестанских ветеранов.

Но армия сербов, по точному определению участника этой войны добровольца штабс-капитана Гейсмана, была «импровизированная в полном смысле этого слова». Это была, по сути, чисто милиционная армия со всеми присущими ей недостатками. Дело в

том, что все регулярное, хорошо обученное «стояче» (т. е. постоянное) войско составляли 2 батальона пехоты, 2 эскадрона кавалерии и несколько артиллерийских батарей. Когда в конце 60-х годов XIX века возникла серьезная опасность войны с Турцией, было решено резко увеличить численность армии, принят закон, согласно которому на время войны создавалось «народное войско» — ополчение (по батальону от каждого района страны), которое составили 36 пехотных бригад. Это было уже около 130 тысяч человек — весьма внушительная сила. Но ее надо было еще обучить и вооружить. Предполагалось, что все военнообязанные будут призываться раз в год на месячные сборы. Однако страна была бедна, денег на это мероприятие постоянно не хватало, и фактически никакой подготовки будущие солдаты не получили. К тому же на армию не хватало современного вооружения, больше половины бойцов получили устаревшие ружья времен Крымской войны.

Но самая главная беда — в стране почти совершенно не было подготовленных офицерских и унтер-офицерских кадров. Согласно документам сербских архивов, в 1874 году, за два года до войны, во всей сербской армии было всего 317 офицеров! Обычно на батальон «народного войска» командиром назначался один младший офицер и ему придавалось несколько старослужащих солдат. И это все. Остальные командиры, «народные старшины», то есть народные командиры, как они назывались, выбирались из среды односельчан и были подготовлены ничуть не лучше своих подчиненных.

Черняев, встав во главе армии, пытался исправить положение с кадрами. Он обратился к русским офицерам, сочувствовавшим славянскому делу, с призывом выходить в отставку и ехать к нему в армию. В Сербию хлынул поток русских добровольцев. Энтузиазм был огромный. В короткий срок все «сербское» в Петербурге сделалось чрезвычайно популярным...

За всю войну в Сербию приехало около четырех тысяч русских добровольцев, из них 200 офицеров. Большинство из них честно и храбро дрались за сербов, но были и искатели приключений, и неудачники, и просто случайные люди, «прославившиеся» лишь своими пьяными дебошами в кофейнях Белграда. Были и те, кто поехал в надежде отличиться, ведь сербский военный орден Такова в это время котировался в петербургских гостиных наравне с Георгиевским крестом. Но лучшие из добровольцев поддержали честь русских на поле боя: около тысячи воинов погибли или были ранены в боях. Самыми известными были майор Киреев, погибший в бою у деревни Раковицы, и полковник Раевский, внук знаменитого героя 1812 года, убитый в сражении при Горном Андроваце.

Русские добровольцы не могли существенно изменить положение. Необученная, плохо организованная и слабо вооруженная сербская армия еще могла храбро защищать свою землю, но была совершенно не способна к быстрому, решительному наступлению, легко поддавалась панике. В общем, армия совершенно не годилась для той задачи, которая была перед ней поставлена.

Возникает вопрос: зачем вообще было затевать эту войну? Мне думается, сербский князь Милан Обренович и его правительство просто не рассчитали свои силы. Сербия уже тогда вынашивала идею Балканского союза — союза против общего врага (Турции) — всех малых государств полуострова: Сербии, Черногории, Греции, Румынии, а также болгарских повстанцев. Эта идея дала блестящие результаты 35 лет спустя, в 1912 году. Но в 1876 году было еще слишком рано мериться силами; никто, кроме Черногории, не решился выступить, и Сербия осталась, по существу, одна. Не оправдалась и надежда на восстание в Болгарии: болгарские повстанцы были обескровлены апрельскими боями и не способны к новому выступлению.

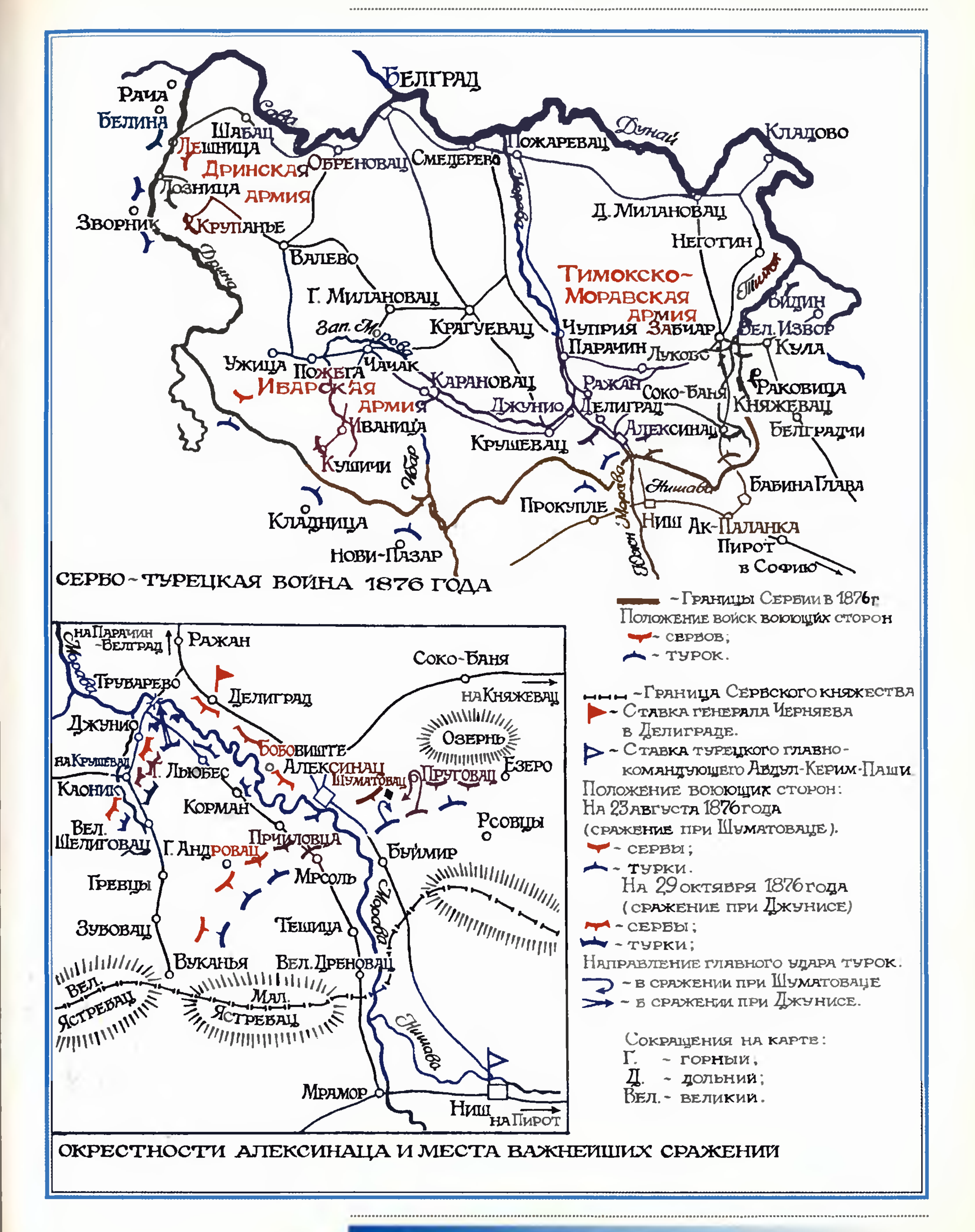
У князя Милана была еще надежда на помощь России. Но император Александр II не мог допустить, чтобы его против воли втянули в войну. Русская армия сама находилась в стадии реорганизации. Россия могла оказать Сербии только дипломатическую, но никак не военную поддержку.

Задуманного широкого наступления не получилось. После первых же боев Черняев убедился во всех недостатках своей армии и приостановил наступление — он не мог идти навстречу верной катастрофе. Но тем самым сербы потеряли свои последние преимущества. Турки получили возможность собрать превосходящие силы и сами перешли в наступление. Положение стало, по существу, безнадежным, война теряла всякий смысл. Но она была уже начата, и хочешь не хочешь, а нужно было защищаться.

Постепенно все боевые действия сосредоточились вокруг сербской пограничной крепости Алексинац. Она стояла напротив турецкой крепости Ниш и также запирала важнейшее стратегическое направление — долину реки Морава, дорогу к сердцу Сербии, на Белград. Неудивительно, что турецкий главнокомандующий Абдул Керим-паша сосредоточил свои главные силы именно здесь.

Наступление турок на Алексинац началось 18 августа. В течение пяти дней, с 18 по 22 августа, шли упорные, кровопролитные бои на обоих берегах Моравы. При этом турецкие войска были разделены рекой примерно пополам: на левом берегу Моравы действовал корпус Али Саиб-паши, а на правом — корпус Ахмед Эюб-паши (вдоль главной дороги Ниш—Алексинац—Белград). Несмотря на это, Черняев все же ждал главную атаку на правом берегу, на позиции перед Алексинцем, и держал там две трети своей армии. И, как выяснилось, не ошибся. 22 августа турецкий главнокомандующий Керим-паша счел подготовку к решительному наступлению законченной и приказал на следующий день нанести главный удар по Алексинацу.

Алексинац имел сильную систему укреплений: главный оборонительный рубеж проходил по горному хребту перед городом и был усилен семью редутами и несколькими батареями. При этом центр сербской позиции, где были наиболее удобные подступы для атаки — по Руевацкому плато, мог быть поддержан перекрестным огнем артиллерии с левого и правого флангов. Но все же Черняев, объезжая позицию перед битвой, заметил в ней некоторые недочеты, в частности не был укреплен небольшой монастырь Шуматовац на Руевацком плато. Черняев немедленно приказал укрепить Шуматовац, насыпать вдоль его стены вал и выкопать ров, тем самым превратив его в мощный редут. Один из лучших офице-

«Турецкий балканский всадник».
Русская карикатура на Турцию, жестоко угнетавшую народы Балкан в течение пяти столетий. Хромолитография. 1887 г.

ров сербской армии — инженер-капитан Живан Протич получил приказ занять этот редут с тремя четами (ротами) Лешницкого батальона Ефрема Марковича и с шестью орудиями.

23 августа в 8 часов утра после двухчасовой артиллерийской подготовки турецкая пехота двинулась в атаку. Она атаковала Руевац, но понесла тяжелые потери от огня сербов. Эюб-паша решил, что не сможет добиться успеха на широком фронте и должен сконцентрировать свои усилия на одном ключевом пункте. И тогда он послал всю дивизию Фазли-паши на Шуматовац. К тому моменту дивизия Фазли уже потеснила сербскую пехоту у Пруговаца и занимала выгодное положение для атаки: она могла наступать на редут как с фронта, так и с правого фланга. Приближался кульминационный момент сражения: на Руевацком плато в этот момент дрались 20 сербских батальонов против 42 турецких батальонов и 30 эскадронов.

В это время Черняев вместе со своим штабом совершал объезд сербской позиции. Приблизившись к Шуматовацу, он с первого взгляда понял всю важность этой позиции и всю серьезность угрожающей ей опасности. Не колеблясь, он прервал свой объезд, спешился и вместе со штабом вошел на редут. Чтобы исключить саму возможность отступления, он приказал заложить камнями ворота монастыря, а сам остался на редуте, чтобы личным присутствием приободрить в трудную минуту своих солдат.

Было около полудня, когда 14 тысяч турок разом двинулись в атаку. На расстоянии 400 метров от редута их штурмовые колонны развернулись в плотные цепи — казалось, все поле впереди укрепления стало синим от их мундиров. Но подойти они не смогли. Шквал огня буквально скосил первые ряды наступающих. Турки откатились, но, подкрепленные резервами, снова пошли на штурм.

Во время второй атаки был убит комендант Шуматоваца Живан Протич — пуля попала ему прямо в лоб. Когда об этом сообщили Черняеву, он сам встал к орудию и навел его на неприятеля. Хладнокровие Черняева произвело огромное впечатление на солдат — они не дрогнули, и вторая атака турок была отбита так же, как и первая.

В 3 часа дня турки вновь пошли на штурм, в 4 часа атака повторилась, но добиться успеха они уже не смогли. После отражения четвертой атаки Черняев покинул Шуматовац, удостоверившись, что опасность миновала. Но борьба за редут еще не была закончена. Последний, пятый, штурм Шуматовца турки предприняли уже в сумерках. Некоторые турецкие солдаты сумели проникнуть даже в ров перед редутом, но были выбиты оттуда штыками. В ночь на 24 августа турецкие войска отступили от Шуматоваца и Пруговаца, без боя покинули все завоеванные ими позиции на Руевацком плато. Тяжелейшая шестидневная битва завершилась. Сербы одержали победу, самую крупную за всю войну.

Но сразу после столь убедительной победы Черняев допустил крупную стратегическую ошибку: пропустил чрезвычайно опасный маневр врага. Керим-паша, которого подстегнула неудача, сделал наконец то, что должен был сделать с самого начала — перевел все свои войска на левый берег Моравы и нанес удар в обход неприступных Алексинацких позиций. 1 сентября произошло кровопролитное сражение при Горном Андроваце. Сербы яростно защищались, но были разбиты превосходящими силами врага и должны были отступить. Алексинацкая позиция была обойдена.

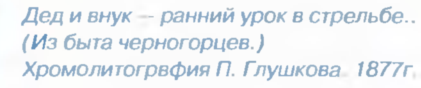
Это было начало конца. Сербы еще держались на Кревете и перед Джунисом, но их положение было крайне неустойчивым. Турецкая армия превосходила их почти вдвое, и было очевидно, что рано или поздно защитников сомнут и сбросят в Мораву. Все попытки Черняева перейти в контратаку и восстановить положение кончались неудачами. Боевой дух сербской армии начал катастрофически падать. И здесь сказались недостатки в боевой выучке частей: необученные солдаты поддавались панике и отступали при первом натиске противника.

Черняев пытался сцементировать свою армию за счет прибывающих русских добровольцев, но это не всегда удавалось. Только что прибывшие, не знающие своих солдат, едва понимающие по-сербски, русские офицеры не всегда могли взять в руки свою часть. В бою они отходили последними и все чаще гибли, оставляемые сербскими солдатами. Многие добровольцы испытывали разочарование, стали обвинять сербов в трусости. Армия дралась все хуже и хуже. Черняев прекрасно понимал состояние армии. Он весь осунулся и издергался, но сделать уже ничего не мог.

Развязка наступила 29 октября 1876 года. В решающем сражении у Джуниса сербская армия не выдержала турецкой атаки и обратилась в беспорядочное бегство, стекаясь со всех сторон к единственному мосту через Мораву у Трубарево. И тогда, чтобы хоть ненадолго задержать турок и прикрыть отступление расстроенной армии, Черняев бросил в бой последний резерв — недавно сформированную русско-болгарскую добровольческую бригаду. В этот страшный день бригада стяжала себе славу — героическим усилием она задержала продвижение турок, но ей пришлось заплатить за это слишком дорогую цену: почти половина добровольцев, принявших участие в этом сражении, погибла в бою. Недаром после боя командир бригады полковник Меженинов, отвечая на вопрос Черняева о положении на фронте, просто сказал: «Все сербы убежали, все русские убиты».

Конечно, это было далеко не так, но все же армия была разбита. Дорога на Белград для турок была открыта.

Дед и внук — ранний урок в стрельбе.. (Из быта черногорцев.) Хромолитогрфия П. Глушкова. 1877г.

Князь Милан послал паническую телеграмму в Петербург, умоляя о помощи. Реакция России на этот раз была мгновенной. 31 октября, через два дня после битвы при Джунисе, посол России в Константинополе граф Игнатьев передал туркам российский ультиматум: немедленно прекратить военные действия. Ультиматум был принят. Война окончилась. Сербия была спасена.

Итак, эта война не оправдала возложенных на нее надежд. Разочарование в русском обществе было огромным. И Сербия, и ее армия, и Черняев, и русские добровольцы — все вызывало массу нареканий, как справедливых, так и несправедливых. Но если вдуматься и взглянуть на эти события сейчас, то вызывает удивление скорее не то, что турки взяли верх, а то, сколь незначительными были их успехи, сколь долго сербы смогли продержаться против превосходящих сил врага. В 1876 году сербская армия была слишком слаба, она делала только первые шаги, но этот тяжелый урок пошел ей впрок. В 1876 году сербов упрекали в трусости, не понимая, что нельзя требовать большего от необученного и плохо вооруженного ополчения, воюющего в таких тяжелых условиях. А в 1914 году, в тяжелейших условиях, сербские солдаты удивили мир своим мужеством и самопожертвованием, разгромив вдвое превосходящие силы австрийской армии, армии одной из крупнейших держав в Европе. И это была та самая сербская армия, которая приняла боевое крещение в окопах у Шуматоваца.

Грустная судьба выпала на долю Черняева. После 1876 года он был окончательно отстранен от всякой активной деятельности. Александр II и правительство не могли простить ему самовольства в Сербии и всех связанных с ним осложнений. Другие генералы затмили его во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов, а он оказался не у дел.

Лишь в 1882 году, после воцарения Александра III, Черняев был возвращен на время к активной деятельности и назначен генерал-губернатором Туркестана, но уже через два года был отставлен — и уже навсегда ушел в частную жизнь. Он скончался 4 августа 1898 года в своем имении Тубышки, незаслуженно забытый современниками и потомками.

Но до этого он успел в 1880 году съездить еще раз в Сербию, чтобы отдать последний долг своим боевым соратникам. Он собрал по подписке средства для скромного памятника русским добровольцам, погибшим в Сербии в 1876 году. Этот памятник был установлен на Руевацком поле, у стен легендарного Шуматоваца.

Как я стал режиссером

Из воспоминаний Всеволода ПУДОВКИНА

> Пудовкину принадлежит поистине гениальное определение законов кинематографической композиции, раскрывающее самую сущность кинематографа.
> *Сергей Герасимов, кинорежиссер (Россия)*

Родился я в Пензе в 1893 году. В ранней юности я отличался тем, что принято называть «разбросанностью». Страстные, но беспорядочные увлечения живописью, игрой на скрипке, астрономией и сочинением очень странных, похожих на философские диалоги пьес комбинировались с довольно прочным (оставшимся у меня и до сих пор) влечением к физико-математическим наукам и с крайним отвращением к медицине, которая, по решению родителей, должна была стать основой будущей моей работы.

Я настоял на своем и поступил в университет не на медицинский, а на физико-математический факультет. Специальностью своей я избрал физическую химию — дисциплину, в те годы впервые пытавшуюся разрешить вопрос о строении вещества и выросшую теперь в мощную область исследования атомной структуры.

Я не бросил своих занятий живописью, музыкой и литературой. Эти занятия как-то хорошо уживались с учебой в университете. Теперь я понимаю, что столь разнородные увлечения объединяла неутолимая жажда к познанию новых, непредвиденных явлений. До сих пор ощущаю то радостное волнение, которое овладевало мною каждый раз, когда я сталкивался с чем бы то ни было, обещавшим новизну и неожиданность.

Помню, еще в гимназические мои годы, в 1910 году, земную орбиту пересекал путь кометы Галлея.

По расчету астрономов, встреча двух небесных тел была неизбежной. Все волновались, Москва готовилась к чему-то вроде «конца света». Беспокоились всерьез, так как было точно известно, что в комете имеется газ циан, убивающий все живое.

Грандиозные масштабы события предельно возбуждали и волновали меня. Именно завтра случится нечто, никогда не бывавшее ранее, о чем никто ничего определенного сказать не может. И я буду свидетелем.

> Роль Эйзенштейна и Пудовкина в кинематографе столь же велика, как роль Ньютона и Эйнштейна в физике.
> *Мичел Уилсон (США)*

> Пудовкин для нас, итальянцев, не только великий режиссер. Пудовкин для нас означает кинематограф.
> *Чезаре Дзаваттини, сценарист, теоретик кино (Италия)*

Когда я впервые столкнулся с кинематографом, он поразил меня своеобразием своих задач. Ни одно искусство не могло с ним сравниться. Я чувствовал это, вероятно, интуитивно, ибо новое мое увлечение было внезапным и очень сильным.

Бросив завод, где я работал химиком, я поступил в ученики к Л. В. Кулешову[1], молодому режиссеру, работы которого положили впоследствии начало советской кинематографии. Пять лет я работал в группе Кулешова, выполняя буквально все задания, которые возможны в кинопроизводстве. Я писал сценарии, рисовал эскизы, строил декорации, играл маленькие и большие актерские роли, выполнял административные поручения, ставил отдельные сцены и, наконец, монтировал.

В 1925 году я получил первую самостоятельную постановку. Это был фильм «Механика головного мозга», излагавший в популярной форме сущность учения и опытов И. П. Павлова. Снова столкнулся я с областью научного мышления, от которой отошел в свое время, но эта встреча не вызвала во мне противоречий. Киноаппарат со своим всюду проникающим глазом, возможности монтажа, позволяющего склейкой кусков вскрывать связь между отдельными явлениями действительности, казались мне не только средством для описания уже проделанных экспериментов, но сами подсказывали возможности для новых, самостоятельных опытов. Мне было ясно, что точность фиксации движений позволяет исследовать их гораздо глубже, чем простое наблюдение глазом. Я предложил профессору Фурсикову[2], бывшему моим консультантом, использовать в качестве точного безусловного рефлекса у человека сокращение зрачка, фиксируемое киноаппаратом, и он согласился.

Закончив картину, я понял, что возможности кинематографа для меня только начинают открываться. Встреча с наукой укрепила мою веру в искусство. Теперь я глубоко убежден, что эти две области человеческого познания связаны между собой гораздо теснее, чем об этом многие думают.

Следующими моими картинами были «Мать», «Конец Санкт-Петербурга» и «Потомок Чингис-хана» (1926—1928).

Первые три мои картины были немыми. Я и до сих пор считаю главной и далеко еще не использованной силой кинематографа зримый образ. Огромная сила немой картины была в человеке; в лице и глазах его зритель читал правду чувств, рождающих слово. Слово появлялось в надписи уже с неизбежной, точной интонацией, создаваемой самим зрителем. Немой кинематограф с поражающей и невозможной для театра ясностью раскрывал внутреннюю жизнь человека, показывая истоки слова в процессе его рождения. В немом кино, естественно, появился крупный план, которого так боятся и избегают сегодня.

Едва ли нужно возвращать в звуковой кинематограф приемы немого кино в том виде, в каком они существовали когда-то. Прекрасно, что мы имеем возможность слышать живое слово, огромна его сила. Но это не значит, что актерский диалог следует считать исчерпывающим средством передачи всего содержания режиссерского замысла. А именно так, к сожалению, обстоит дело сейчас в подавляющем большинстве картин, в том числе и в моих собственных.

Вместо того чтобы напряжением всех своих творческих сил развивать и использовать особые, мощные средства кино, открытые в немой его период, мы нередко сдаем все трудные позиции новых поисков и идем по проторенному пути прямого заимствования театральных навыков и приемов. Даже сугубо театральный прием словесного рассказа, описывающего события вместо прямого показа их, прочно угнездился в разговорных кинокартинах, все более и более забирающихся в построенные декорации и потому удаляющихся от широкого видения окружающего нас мира.

Помню, какое огромное значение имело для меня во время работы над фильмом «Мать» все, что окружало жизнь и действия героев картины. Густая, едва просвеченная жалкими фонарями ночь вначале; весна, сверкающая грязь, блеск солнца, дрожащий на текущей повсюду воде, вскрывающаяся река с плывущими огромными льдинами и мощной их возней у каменных быков моста в финале — все это было не статическим «фоном» для актерского диалога, а реальной движущейся и развивающейся частью жизни героев картины. Мы не очень удачно называем ее «атмосферой». В театре актеры играют ее, пользуясь словом и получая некоторую помощь от декораций и света. В кино это огромная поэтическая сила. Именно это чувство неотделимости внутренней жизни человека от окружающего его мира дает реальную высоту поэтическому обобщению, необходимому в искусстве. Вспомните «Медного всадника» — маленькую драму маленького человека, погруженного в бешеную стихию наводнения. Вспомните весь роман Евгения и Татьяны, нарастающий и расширяющийся вместе со сменой времен года, со сменой городов, усадеб и людей, окружающих героев «Онегина». В искусстве поэтический рассказ теряет сухую дидактичность отвлеченного очерка, он плывет, как живое существо, во времени и пространстве. Я не могу найти ни одной современной картины, где бы такое простое, такое близкое и такое неотделимое от жизни явление, как ночь, было так полно и глубоко слито с сюжетом, как в «Воскресении» Льва Толстого в главе о молодом Нехлюдове.

«Мать» была для меня одновременно и поиском

Статуэтка городового с надписью: «Мать вашу приветствуем».
Была подарена В. Пудовкину С. Эйзенштейном, Г. Александровым и Э. Тиссэ после просмотра фильма «Мать»

средств выражения поэтических обобщений и беспрерывным источником для открытия новых неожиданных богатств в окружающей меня жизни. Работая над сценарием, Н. Зархи[3] взял из повести М. Горького великолепно написанные характеры главных героев. Сюжетную ткань он вынужден был сочинить заново, подчиняясь требованиям объема короткой кинокартины, а не большого романа-повести.

У нас не было гримера, и мы с М. Доллером[4] отыскивали для съемки таких людей, которые несли в себе все внутренние и внешние качества, необходимые данному персонажу картины. Тупой солдат тюремной стражи; женщина с ребенком, нежной утвердительной улыбкой отвечающая на вопрос: «Сын?»; председатель суда, похожий на каменную бабу; крестьянин в тюрьме, молча вспоминающий родную деревню, — все они, независимо от объема роли, ставили перед нами одинаково трудные задачи, требовавшие тщательных поисков и безошибочного выбора.

Впервые я открывал для себя секреты портрета (вероятно, давно известные мастерам живописи): отсюда, очевидно, родились те ракурсные съемки и тщательное композиционное расположение человека в кадре, которые потом отмечала критика в моих работах. Кулешовская школа воспитывала чуждую мне условную игру актера; в «Матери» я впервые погрузился в поиски доведенной до мельчайших деталей искренности в актерской игре, где только возможно, я заменял «игру» естественной разрядкой; мимика немого кино давала для этого неисчерпаемые возможности.

С такой же твердостью, с какой я искал ясно выраженную правду в человеческом лице, пытался я найти выразительную правду и в окружающей человека природе.

Помню, как мы с оператором А. Головней[5] вставали в три часа утра и, вооруженные аппаратом, бродили по окрестностям Москвы в поисках «рассвета». Мы нашли его на маленькой реке, со спокойной по-утреннему водой, над которой стоял еще не поднявшийся туман. Стреноженная лошадь медленно пила, низко наклонив с берега голову; от ее губ расходились плавные, мирные круги. Я очень радовался этой съемке, она была для меня очередным «открытием», которого я, конечно, никогда не смог бы предугадать в сценарии.

Такими открытиями была переполнена вся работа над моей первой картиной. Стремление к этим открытиям перешло и на следующие постановки...

Примечания

1. Кулешов Лев Владимирович (1899—1970) — советский кинорежиссер и теоретик кино. Начал работать в кино с 1916 года как художник, актер, монтажер. С 1918 года — режиссер. В мастерской Кулешова в ГТК Пудовкин учился и работал (с перерывами) с момента ее организации в мае 1920 г. до завершения работы над фильмом «Луч смерти» — последним фильмом Кулешова, созданным при участии Пудовкина.
2. Фурсиков Дмитрий Степанович (1893—1929) — известный советский физиолог. В 1925 году директор Института высшей нервной деятельности (Института мозга).
3. Зархи Натан Абрамович (1900—1935) — советский кинодраматург. Автор сценариев «Особняк Голубиных» (1925), «Мать» (1926), «Конец Санкт-Петербурга» (1927), «Булат-Батыр» (1928), «Города и годы» (1930) и др. Автор ряда работ по теории и лекционного курса кинодраматургии.
4. Доллер Михаил Иванович (1889—1952) — советский актер и режиссер кино. В кино работал с 1923 года. Поставил несколько фильмов совместно с Л. Оболенским («Кирпичики», 1925; «Эх, яблочко», 1926), Г. Рошалем («Саламандра», 1928), Я. Протазановым («Чины и люди», 1929), Э. Пискатором («Восстание рыбаков», 1934). Ассистент и позже сорежиссер основных фильмов Пудовкина.
5. Головня Анатолий Дмитриевич (1900—1982) — советский кинооператор. С Пудовкиным работал с первого фильма — «Шахматная горячка». Снимал почти все звуковые картины Пудовкина. Профессор ВГИКа, автор ряда книг об операторском искусстве.

Начало

Александр КАРАГАНОВ

...Успешно пройдя университетский курс, Пудовкин не успел сдать выпускных экзаменов — началась война, и он добровольцем ушел на фронт. Пудовкин служил в артиллерии. Во время драматических для русской армии боев на Мазурских болотах он был ранен в руку и попал в плен (это случилось в январе 1915 года).

Условия в плену были тяжелыми. Спасаясь от голода, бывший студент работает химиком в лаборатории сахарного завода.

Помимо бытовых невзгод в

Вс. Пудовкин (крайний слева) в немецком плену.

памяти останутся от лагеря факты нравственного унижения военнопленных — в глазах немецких охранников они были существами как бы неодушевленными, человеческого отношения не заслуживающими. Однажды, рассказывал позднее Пудовкин, пленных выстроили во дворе лагеря и несколько часов держали на холоде — ждали приезда начальства; приехавший после долгого ожидания генерал прошел вдоль строя, ни на кого не взглянув, опустив тяжело нависшие веки. Эта сцена, ее пластика не забудутся — Пудовкин вспомнит о ней, работая над фильмом «Во имя Родины».

Не забудутся и другие встречи в Германии. Пудовкин жил в интернациональном братстве военнопленных — вместе с поляками, французами, англичанами. Каждодневные встречи с товарищами по несчастью, нескончаемые разговоры в свободное время помогают Пудовкину полнее узнать расколотый войной мир и людей, живущих в этом драматически сложном мире. Растет чувство протеста, стремление к переменам — пусть пока и неясно, какими должны быть эти перемены, каким станет обновленный мир.

В годы лагерной жизни Пудовкин, без особых к тому усилий, изучает языки — английский, немецкий, французский, польский. Надо ли говорить, что никаких специальных уроков не было, как не было и учебников, — просто люди жили вместе, дружили, общались, старались понять друг друга. В результате такого «разговорного» изучения языков Пудовкин через много лет попал в смешную историю, над которой сам не раз потешался.

Соседом Пудовкина по лагерному бараку был поляк, разговаривавший по-деревенски — на одном из диалектов польского языка. Овладевая польским, Пудовкин, человек точной и цепкой памяти, запоминал не только лексику, но и все диалектные оттенки речи своего соседа и друга. Он и не подозревал, сколь капризно эта речь расходилась с языком литературным, варшавским.

Приехав в Польшу (это было уже после Отечественной войны), Пудовкин решил блеснуть знанием языка. Во время его выступления слушатели начали улыбаться, послышались даже смешки, хотя Всеволод Илларионович ничего смешного не говорил: варшавской публике было забавно слышать сугубо деревенскую, диалектную польскую речь из уст знаменитого русского режиссера.

Но вернемся к докинематографической биографии Пудовкина. В 1918 году Пудовкин бежит из плена — побегу помогла революция в Германии. По приезде в Москву он поступает на работу в военкомат — делопроизводителем. На пропитание получает горшок гороха — таков был паек, все свободные часы читает «Историю химии» Либиха, не очень-то вникая в дела и взаимоотношения сослуживцев.

Через некоторое время ему удается устроиться химиком в лабораторию завода «Фосген» № 1.

В 1920 году в жизни Пудовкина происходит крутой и во многом неожиданный перелом: однажды он попал на просмотр «Нетерпимости». Знаменитый фильм американского режиссера Дэйвида Гриффита поразил его. Пудовкин впервые подумал, что кинематограф — искусство больших возможностей, во многом еще неизведанных. После встречи с «Нетерпимостью» он начинает внимательнее следить за первыми опытами советских мастеров, смотрит зарубежные фильмы. Мысль о силе кино все больше захватывает его: «жажда к познанию новых, непредвиденных явлений» приводит к тому, что Пудовкин поступает в Первую государственную школу кинематографии при Всероссийском фотокиноотделе Наркомпроса.

В том же году, когда Пудовкин учился на первом курсе, Госкиношкола получила задание: в связи с нашествием белополяков сделать фильм «В дни борьбы». Постановку фильма поручили режиссеру И. Перестиани, будущему создателю «Красных дьяволят». Среди других студентов к работе над фильмом привлекли и Пудовкина — он играл роль красного командира.

Самым большим достоинством фильма была оперативность отклика на события. Что же касается искусства, то фильм Перестиани оказался произведением более чем скромным. Но работа над ним не прошла даром для Пудовкина: Перестиани похвалил его за сыгранную роль. Первый опыт практического участия в создании фильма, принесший одобрение опытного мастера, еще больше укрепил Пудовкина в его новом увлечении, ставшем отныне главной страстью жизни...

ДОМ

ЧУДАКИ ОТ СЛОВА «ЧУДО»

ДОБРАЯ МАГИЯ ДОМАШНЕЙ УТВАРИ

Троицкие праздники

Татьяна АГАПКИНА

В четверг на шестой неделе после Пасхи, за полторы недели до Троицы, празднуется Вознесение Господне, когда Иисус Христос вознесся на небо, завершив свой путь мессии. Это произошло в окрестностях Иерусалима, на пути к Вифании, на склоне горы Елеон, в присутствии апостолов. «И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их. И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо» (Лука, 24, 50—51). «И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде И сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо! Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деяния, 1, 10—11).

Согласно народной легенде, в течение всех 40 дней, отделяющих Пасху от Вознесения, Христос вместе с апостолами ходит по земле в облике нищего или странника, потому в эти дни старались никому не отказывать в подаянии. Кое-где считали также, что в эти сорок дней по земле бродят души умерших, посещая родные дома. В канун Вознесения отмечали Отдание Пасхи, когда в последний раз христосовались. После Вознесения приветствие «Христос воскрес!» больше не использовали.

Идея «восхождения», «подъятия ввысь» пронизывает всю обрядность этого праздника, весьма заметного в русском народном календаре. На Вознесение в разных областях России пекли специальное фигурное печенье — «лестницы» в виде лепешек или пирогов с вылепленными сверху перекладинами или зарубками. Эти «лестнички» связывались в народном сознании как с идеей Вознесения Христа на небо, так и с некоторыми мотивами сельскохозяйственной магии. «Лестнички» брали с собой в поле, когда шли на Вознесение «проведовать» свои посевы. Там «лестницу» ставили на землю со словами «Христос воскресе, лезь по моей лестнице», а затем съедали ее.

В Рязанской губернии молодежь на Вознесение выходила в поле, прихватив с собою помимо «лестниц» немало всякой снеди. На меже расстилали платок и ставили на него «лесенки» друг на друга, придерживая их руками, а затем отпускали, так что «лесенки» разваливались. На поле устраивали трапезу, перед началом которой молились: «Христе Боже наш, дай нам, Боже, нынче много, а на лето еще больше». После еды «лесенки» ломали и разбрасывали по полю, а все присутствующие валялись (как говорили, «катались») по ржи, полагая, что от этого урожай будет лучше.

Кое-где «лесенки» высоко подбрасывали, чтобы рожь выросла так же высоко. Вместе с «лесенками» подкидывали и принесенные с собой на поле яйца и ложки. При этом приговаривали: «Пусть рожь такая высокая уродится, как высоко ложка поднимется» — или пели: «Христос, иди на небеса, ржицу возьми за волоса».

В других местах в день Вознесения на поле служили молебен, освящали посевы, после чего женщины валяли по земле дьяков и дьячков, чтобы снопы были тяжелыми, как они, а колосья — длинными, как их волосы. Взрослые поднимали на поле за уши маленьких детей и спрашивали у них: «Видишь ли Москву?» — а потом высказывали пожелание: «Расти, рожь, большая, вот этакая».

В некоторых местах пекли «лестнички» с семью перекладинами, что указывало на семь небес. С «лестничками» гадали. Хозяева, поднявшись на колокольню, бросали оттуда «лестнички» вниз, и потом смотрели, остались ли они целыми или разбились. По сохранности «лестниц» судили, куда попадет человек после смерти. У кого «лестничка» оставалась целой, тому, считалось, быть в раю, а разбившаяся указывала на великого грешника.

Помимо Вознесения «лестнички» пекли также и к сороковинам — поминкам на 40 день после похорон, когда душа умершего окончательно покидает земные пределы и устремляется на небо.

С идеей путешествия Христа на небо связано, по-видимому, и другое вознесенское печенье — лепешки (а иногда и просто блины), называемые «Христовы, или Божьи, онучи». Согласно поверью, блины наподобие онуч служили Христу для обвязывания ног, чтобы не натереть их, когда он будет влезать на небо. Обычай печь «Христовы онучи» объясняли и уже упомянутой легендой о том, что с Пасхи до Вознесения Христос ходит по земле в крестьянской одежде, в лаптях и онучах.

Праздник Святой Троицы, или Пятидесятница, совершается в честь Святой Троицы и в память о сошествии Святого Духа на апостолов.

В иудейский праздник Пятидесятницы, на 50-й день после воскресения Иисуса Христа, все ученики собрались в одной горнице. «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились; И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деяния, 2, 2—4).

Вся служба в день Пятидесятницы есть раскрытие смысла песнопения в честь Святой Троицы: «Видехом свет истинный, приняхом Духа небеснаго, обретохом веру истинную, нераздельней Троице поклоняемся; та бо нас спасла есть».

В день Святой Троицы храмы принято было украшать молодой зеленью, весь пол устилали ветками, травой и цветами, да и прихожане стояли при службе с ветками и цветами в руках.

Народная обрядность восприняла эту церковную практику в полном объеме.

Накануне Троицы, в субботу, парни и девушки отправлялись обычно в ближайший лес, откуда приносили охапки свежей зелени березы: ветки втыкали в стены домов снаружи и изнутри, украшали ими заборы, ворота. Свежескошенной травой устилали в домах полы. Березовой зеленью, букетами и травой украшали также церковь. Из леса приносили и срубленные молодые березки, которые втыкали в землю около домов, под окнами, а иногда устраивали вдоль села нечто вроде аллеи из березок. К березе кое-где добавлялись клен, рябина, липа и др. Впоследствии по троицкой зелени, украшавшей на праздник дома, гадали о погоде предстоящего лета. Быстро увядающая зелень предвещала засушливое лето, и наоборот. По окончании празднеств ветви и листву собирали: их либо сжигали, либо скармливали больному скоту, окуривали больных детей, а чаще относили на грядки, чтобы защитить огород от кротов, а растущие там овощи — от гусениц. После литургии в день Св. Духа (понедельник после Троицы) украшавшую церковь зелень разбирали по домам и помещали ее в красном углу под иконами.

В большинстве областей России основным эпизодом Троицы было «завивание» березки и связанный с ним обряд кумления девушек. Накануне Троицы (обычно в Семик — четверг перед Троицей) девушки шли к заранее намеченной березке, растущей в лесу или вблизи поля. Здесь они «завивали» деревце: плели из его веток венки прямо на дереве; либо пригибали ветки к земле и, сплетя их с травой, делали большой венок; порой также залamывали верхушку дерева и вплетали в венки ленты и цветы. При том обычно пели троицкие песни, например такую:

Ты не радуйся, осина,
А ты радуйся, береза:
К тебе девки идут,
К тебе красные идут
Со куличками, со яичками!
Завивайся ты, березка,
Завивайся ты, кудрявая!
Мы к тебе пришли
Со яичками, со куличками.
Яички те красные,
Куличи те сдобные.

Во многих областях России при первом посещении березки и завивании на ней венков девушки кумились между собой, как бы устанавливали на короткое время отношения посестримства. Обычно это происходило таким образом: девушки, решившие покумиться, подходили с двух сторон к березке и целовались через завитый на ней венок, а также обменивались какими-нибудь вещами: лентами, нательными крестиками, бусами, кольцами, платками, иногда яйцами. Покумившиеся девушки называли друг друга «кумой», дружили и считались сестрами; иногда эти отношения сохранялись между ними в

Святая троица. Сольвычегодск. XVIII в. Лицевое шитье

Недавно в полуразрушенной Кривополянской церкви верующие оборудовали для молений комнату церковного сторожа.

Многие весенне-летние праздники в России сопровождались обрядами у воды. На Преполовение, Вознесение, Преображение устраивали крестные ходы и водосвятие у колодцев и рек. Очень почитались источники, около которых когда-то были найдены иконы или явился кто-то из святых. В селе Кривополянье Тамбовской области этот обычай сохранился до сих пор. На Вознесение пожилые женщины с бутылями, бидонами и даже ведрами ходят к святому роднику, бьющему у берега реки, и после импровизированной службы набирают воду.

течение всей жизни. Однако чаще через несколько дней (обычно на Троицу), когда девушки шли в лес «развивать» березку, они «раскумливались», то есть разрывали отношения посестримства. При этом девушки возвращали друг другу вещи, которыми обменивались накануне — в знак расторжения союза. В таком случае девушки припевали:

Уж ты, кумушка-кума,
Раскумимся мы с тобою:
И браниться, и ругаться,
И кулички казать!

«Развивая» березку, с нее снимали ленты и другие украшения и развивали венки, но предварительно по ним гадали о судьбе, замужестве и предстоящем лете. Увядший венок сулил девушке безбрачие и даже смерть, а также засушливое лето; венок же, сохранивший свежесть, — замужество, долгую жизнь и летние дожди. При «развивании» березы девушки плели себе также обычные венки из трав и цветов, бросали их в ближайшую реку и гадали по ним о судьбе: утонувший венок предвещал затянувшееся девичество или смерть, а удержавшийся на плаву — скорое замужество.

На Троицу при «развивании» березки девушки частенько устраивали гулянья с хороводами и неизменной яичницей. В лучших своих нарядах они водили хороводы вокруг березки, иногда к ним присоединялись парни и взрослые женщины. Во время совместной трапезы около березы девушкам, еще не вышедшим замуж, желали: «Чтобы сваты и свахи не выходили из хаты!»; молодухам: «На лето сына родить!»; девушкам-подросткам: «Еще подрасти и получше расцвести!» После трапезы девушки закапывали в землю остатки яичницы (если березка росла около поля) и кидали ложками в дерево: чья ложка упадет на землю, а не застрянет в ветвях, та девушка раньше других выйдет замуж.

В ряде мест России основные троицкие ритуалы совершались со срубленным деревом, специально принесенным для этого из леса. Так, в Астраханской губернии на Троицу девушки, собравшись в каком-нибудь доме, приносили из леса березку, ставили посреди комнаты и украшали ее, а затем устраивали здесь же торжество, водили хороводы в избе вокруг березки, называя ее при этом «обыгранною березкой» (от слова «игра» в значении «хоровод с пением»).

Часто из одной или нескольких березок делали большую куклу-чучело: наряжали ее в женскую одежду, носили по селу, танцевали и пели вокруг нее, а затем топили в реке. В разных местах России эту куклу называли «весна», «гостейка», «кривуля», «кривуша», «утена», «кукушка», иногда ей давали и мужские имена.

Чаще же куклу-березку просто проносили по селу в сопровождении процессии женщин и мужчин, которые пели, танцевали, били в печные заслонки, сковороды, звенели косами, шумели и т. п. Во время движения процессии куклу всячески дергали и трепали, а затем отправлялись к реке и остатки чучела бросали в воду. Вот как описывается этот обряд, совершавшийся в Духов день (понедельник после Троицы), в протоколе Святейшего Синода 1741 года: «а оные безчинники в толь великий и святой день вместо подобающаго благоговения вышеупомянутыя березки износя из домов своих, аки бы некую вещь честную, с немалым людства собранием провожают по подобию елинских пиршеств ...в леса ... с великою скачкою и пляскою ... и с нелепым криком».

В ряде мест ряжение куклы было отнесено на неделю после Троицы — на следующее воскресенье, совпадавшее с заговеньем на Петровский пост. В Калужской губернии в Петровское заговенье девушки и холостые парни делали из старой одежды чучело, обходили с песнями деревню, а затем шли в чей-нибудь сарай, и там начиналось угощение. По окончании трапезы куклу относили к реке и топили. Таким образом, по словам местных жителей, «провожали весну».

В мифологических представлениях славян Троица относилась к тем календарным периодам, когда предки, покинув «тот» свет, на время возвращаются на землю и пребывают на зелени (в том числе и той, которой в изобилии украшены дома) — на деревьях, траве и в других местах. В этой связи становятся понятными известные бытовые запреты, например косить траву или рубить деревья, отменяемые лишь по завершении троицких праздников. Троицкой субботе предшествовал Семик — день, когда испокон веку в России принято было поминать «заложных» покойников — людей, умерших неестественной смертью (самоубийц и т. п.). В этот день обычно устраивали молебны на местах их гибели и погребения, а также панихиды по всем оставшимся неизвестными при погребении.

Механика земная и небесная

Владимир ПАНКОВ

Иван Егорович Селиванов. Фото Александра Блотницкого

Днями получил я скорбную весть: ушел в мир иной старый мельник, мой давний знакомец. Все хотел дотянуть лет до девяноста, но вот тихо остановилось колесо жизни...

В разгар весны он обычно окликал меня письмом, звал в гости. Знал и чем заманить в свою зеленую глушь — березовым соком. Не тем, конечно, что продают на любом углу. Сок у мельника был покупному не чета.

Рядом с мельницей на косогоре густо стояли березы. Роща была чистая, не замутненная никакими древесными примесями. Как только начинал бродить в стволах весенний сок, мельник отправлялся на сбор березового нектара. Набрав его в достатке, сливал в липовый чан, а чтобы сок не пылился, посыпал его сверху овсом. Семена разбухали, шли в рост, образуя крепкую сплавнину, под которой неделю-другую выстаивался бесхмельный березовый напиток. Удивительно легка была эта пенистая березовица.

Помню, как в один из моих редких приездов, обходя местные достопамятности, мы оказались у старого деревенского кладбища. Сиротски глянули на нас просевшие могилы и заржавленные оградки: кладбищенская пустынность и забвение. Мы шли от креста к кресту, и мельник, как старец Харон, представлял мне упокоенные под ними души, читал невидимые строки несуществующих надгробий: что ни шаг — то Судьба, что ни имя — то Лицо. Уже выходя за кладбищенскую ограду, мельник заключил:

— Земля у нас вокруг одинаковая, а люди нарождались разные.

Позже через тесный лаз в потолке Харон затащил меня под самую крышу, где на месте сеновала была устроена библиотека. Пошарив в шкафу, хозяин извлек запеленутую в газету книжку и раскрыл на заложенной лоскутом странице. Так по-житейски обыкновенно из деревни Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии, из 1875 года был вызван дух помещика-прогрессиста профессора Энгельгардта: «Крестьянские мальчики считают гораздо лучше, чем господские дети, — писал он. — Сообразительность, память, глазомер, слух, обоняние развиты у них неизмеримо выше... Чрезвычайно интересные типы сметливых, умных, обладающих необыкновенной памятью людей представляют все крестьяне, занимающиеся специальными профессиями».

Из старого шкафа был зван в свидетели и Глеб Успенский: «Слишком уж одинаковые во всех отношениях общины не существуют даже в животном царстве... в этом быту нет сплошного во всем равенства и одинаковости, тем паче нет и никогда не бывало его в общине крестьянской, человеческой... Над однородностью труда и вытекающего из него миросозерцания — ум, талант, сила, дарование имели полный простор».

Я понял, куда клонит мой начитанный Харон, какие думы его одолевают. Одинокие души, затихшие под

«Автопортрет» 1978 г.

«Мой дом, моя родинв»

потемневшими деревенскими крестами, посылали его ходатаем по своим заупокойным делам, наипервейшим из которых было возвращение ЛИЦА.

«Крестьянская картина не должна быть надушенной», — говорил Ван Гог. Да, немало темного и неразвитого скрывал в себе крестьянский мир. Как свидетельствуют добросовестные очевидцы, были в нем и рутина, и безгласное повиновение обычаю. И как им не быть, когда из года в год шли от века запряженные цугом посевная, покос, уборка — не отменяемое никем и ничем не заменяемое коловращение. Как тут крестьянскому быту, характеру не каменеть! Но однообразие связанных с землей занятий не порождало обязательного однообразия натур. Везде, пусть и с оглядкой на соседа, с преобладанием общих черт, устанавливалась своя, самородная жизнь, проявлялись оригинальные дарования.

Не все сплошь были пахари да скотники. Статистические отчеты давних лет приводят нам перечни подсобных промыслов и ремесел. В одном таком списке я насчитал их до сорока! Тут коновалы и обозники, углежоги и плотники, катали и иконописцы, лодейщики и колодезники. И каждый промысел требовал особых качеств. Был нередко рутинно исполняем, но двигался, развивался непременно талантом.

Не все пели одинаковые песни. В каждой деревне водились свои сочинители. Они — непременные вожаки рождественских обходов, народные дирижеры свадеб. И тут, на этой богатой поэтической почве, вырастали фигуры недюжинные. Вспомним хотя бы Ирину Андреевну Федосееву — великую заонежскую песельницу. От нее было записано тридцать тысяч стихотворных строк — больше, чем в «Илиаде». И о всех ли костромских, тверских ли Гомерах нам известно! Мы ведь не греки — мы народ большой, талантами обильный, духовной растраты сроду не пугавшийся, потому, видно, беречь свои богатства так и не привыкший.

С забитостью и невежеством уживалось книгопочитание. На Севере почти в каждом селе имелись свои книгочеи, знавшие толк в старопечатных и рукописных книгах, бережно их собиравшие. Духовная литература соседствовала в таких собраниях с баснями, нравоучительными повестями, месяцесловами, травниками, цветниками. Точно известно, что некоторые частные библиотеки крестьян доходили до двух тысяч томов...

Не все были вокруг Иваны. Вот лишь несколько крестьянских имен, записанных в 30-е годы в Мезени: Евстолия Философовна, Елаконида Евврасовна, Пименария Ивановна, Анусья Климовна.

На что уж небогато жил тот же северный крестьянин, не баловал себя разносолами, а и в еде его не обнаружишь кулинарного убожества. Здесь еще недавно несли на стол кушанья самые разные. Послушаешь только — порадует ухо словесное изобилие: пыхканники, задыманники, калитки, палитушки, сканцы, овсяники, нагольники, боины-припечники, мякушки, рядовики, колачи, пресные и кислые свинки, рыбники всех видов, ломотники, щи сухие и щи бабковы, крошонки.

Нет, не зря говорили: у всякого скомороха свои погудки, всякая избушка своей кровлей крыта. Не потому ли так отчаянно, с таким смертельным упорством сопротивлялась крестьянская душа, когда подступались спрямлять, по линейке выравнивать деревенскую жизнь...

Еще недавно все самобытное , торопливо провозглашенное последышем векового прозябания, выскребалось у нас с оптимистическим ожесточением. Многое тогда было погублено безвозвратно, так что кропи сейчас «живой водой», не кропи — не воскресишь. Но не все сгорело дотла. И если самобытность уклада в конечном счете почти не уцелела, то оригинальность крестьянского лица нет-нет да и проглянет даже в наши, не очень-то расположенные к индивидуальным оттенкам времена. Не придуманные, не обкатанные жизнью до бесстыдной круглости, эти живые, сочные люди часто слывут чудаками, людьми не от мира сего, но именно в них — НАДЕЖДА.

ФИЛОСОФЫ И АСТРОНОМЫ

Пусть не покажется преувеличением: в каждой деревне непременно отыщется свой Сократ. Он может оказаться пастухом, учителем сельской школы или кладовщиком автобазы. У него цепкий ум, он насмешлив, иногда даже лукав. То он спокоен и рассудителен, то — отчаянный спорщик, петухом клюющий в самое темечко. Бывает, костерит на чем свет всю округу, а то впадает в созерцательное исследование жизни, примирительно дымя папироской.

Где-то он слывет заносчивым и нелюдимым. В иных местах — народным заступником. Нередко такой крепче любит правду, чем мудрость. Ему отливается за это сполна: при любой заварушке он попадает под колесо первым.

Сельский мудрец, как правило, человек деятельный. Сколько их видел, все они были великими трудолюбами. Один из них — колхозный кузнец Ерофей всегда говорил мне: «Голова через руки умнеет». Таков был его интеллектуально-трудовой детерминизм. Мир понятий сельского мудреца сколочен хоть и грубо, но надежно. У него, бывает, хромает грамотешка, но корневая система питается лишь неиспорченными соками, добытыми прямо из родной почвы.

Мудрецы никогда в народе не переводились. Даже когда всякую самостоятельную мысль сгибали в три погибели, в какой-нибудь затерянной деревушке обязательно отыскивался рассудительный дед, который не хотел плясать под чужую дудку, не терял здравого смысла и не страшился правды. И хотя сам он никогда не силился перекричать записных умников, его тихий голос был всегда хорошо слышен.

Не хочу уверять, что почитаем каждый деревенский философ. Мудрость многих распознавали не сразу. Простодушие нередко объявляли глупостью, прозорливость — фантазией, за прямотой видели лишь мужицкую грубость. Мудрецы бывали гонимы. И если бы не их природные таланты — многие так и сгинули бы бесследно. Безоблачных судеб тут мало...

Не знаю, слышали ли вы о сибирском печнике Иване Егоровиче Селиванове. Его рисунки по давней традиции приобретать национальных героев за чужими морями оценили поначалу в Нью-Йорке, Лондоне и Париже. В изданной англичанами «Всемирной энциклопедии наивного искусства» с картиной Анри Руссо на обложке я видел статью о нем и автопортрет, где осанистый дед, стриженный под горшок, смотрит на нас с понимающей укоризной.

Как-то узнал от приятеля, что художник бедствует с кистями и красками. Соорудил небольшую посылочку и отправил ее в поселок Инской, в дом для престарелых, где жил тогда Иван Егорович. Послал и записку в надежде на встречу. Но увидеться не пришлось — прокопьевский старец вскоре умер.

Года за два до этого в самом центре столицы в маленькой церковке Симеона Столпника была устроена выставка Селиванова. Помню, как удивлялся забалованный московский народ простодушному селивановскому рисунку — всем этим котам с человеческими глазами, сибирским слонам, бесхитростным крестьянским лицам, написанным на оберточной бумаге простым карандашом и подкрашенным дешевой акварелью.

Теперь Селиванова-художника Россия худо-бедно знает. Давно ждет признания другая сторона его таланта — мудрость.

Когда Селиванов попробовал пристроить для опубликования свои дневники-размышления, местные попечители культуры отмахнулись — стариковская глупость. Даже землякам-соседям селивановские рассуждения пришлись не по нутру — в его избе не раз били стекла, жестоко поганили огород. Так и вынудили старика уйти из родного дома в казенный приют.

Горько все это, но объяснимо: когда пригородного жителя заедает сплошная огуречная жизнь, к человеческой мудрости он теряет всякое уважение...

«Кулацкая рать давно исчезла, — писал в своем дневнике прокопьевский мудрец, — а кулацкая плоть еще осталась... Понять я не в силах досконально всю жадность людей. Эти корни и плоть переходят от богатых к богатым. Такой руки протягивает к всенародному богатству, как поганец гадкий. Единой цели не достигнем, пока не уничтожим алчность-жадность в человеке... Бездушия и отвращения ко всему еще в народе много. Если человек живет для себя, для личной жизни, такого человека можно отнести к козявкам, независимо от образования и должности...»

Разве удивительно, что после этих слов полетели в Селиванова камни?!

Почему мы не называем многих признанных ревнителей науки мудрецами, почему само слово это уже готовы без сожаления позабыть? Дело, думаю, в том, что мудрость — не знание только, но знание, непременно обрученное с нравственностью. Мудро то, что основано на добре и истине, соединяет в себе любовь и правду. Знание может и не любить человека и, как показало нынешнее время, даже надменно его не замечать.

Печник Селиванов людей любил несомненно. Удостовериться в этом нетрудно, достаточно полистать оставшиеся от него дневники:

Человек способен ко всему — любого человека можно научить добру и злу. Выбирай учителя!

Чтобы прожить день с истинною правдой на земле, надо много поработать над собой. Чтобы сердце и душа по чистоте своей были равны янтарю иль солнечным лучам.

Сделанное предками издревле, с незапамятных времен, не должно забываться нами — ты родился не сам по себе.

Имей трудолюбие, занимайся тем делом, к которому способен.

Работай так, чтобы в твоем труде нуждались все. Главное — красота твоего дела.

Помогай нуждающимся, не бери чужого, не отдавай своего зря и в худые руки.

Предупреждал старец и об искушении: *твое счастье заключается в том, чтобы не нагнулся ты за золотым зернышком.*

Давно заметил: душе сельского мудреца родственно легко со всем живым на земле — бегающим,

летающим, растущим. В боязни нечаянно потерять даже самый малый атом жизни он, как благочестивый индус, непременно обойдет любую придорожную букашку. В его доме не переводится бесполезная в хозяйстве живность. Часто одинокий, он держит ее за товарища и ведет с ней беседы. «Чувство сердечности имеет домашняя птица ко мне», — говорил Иван Егорович Селиванов.

Согласен: рассуждения иного сельского старика наивны, на ученый слух, может быть, даже нелепы. Но только велик ли грех? И уж так ли мы всезнающи и всемогущи?

Один старец по прозвищу Коперник, живущий в селе Затишье под Рязанью, знаменит тем, что коптит осколки оконного стекла для наблюдения за нашим дневным светилом и сочиняет собственные космогонические теории. Однажды, соорудив самодельную гипотезу о том, что солнце наше — никудышний осветитель и питается лишь отражением окрестных звезд, дед потряс меня таким определением: «На нем, на солнце, ирриальная атмосфера такого, понимаешь, давления, которое создает ритмы, ну, как тебе сказать, — окольцевания розовости этой звезды». Астроном-любитель вполне в своем уме. Был кузнецом, воспитал пятерых дочерей. Сейчас на отдыхе: смотрит телевизор, ночами, бывает, дежурит у звездного неба. Но мысль его первобытно блуждает в том времени и пространстве, где расстояние до небес отмеряли в 39500000 поприщ, а о Земле трактовали, что «висит она на воздусе, посреде небесныя праздности».

На что нам эта археология мысли? Бессердечно потешаться над заблудившимся в астрономии стариком, прикладывая к его космогониям линейку нынешних понятий о мироздании. Не придет же нам в голову в качестве руководства к космическим полетам выбрать какую-нибудь сочиненную греками сказку об Эосе и Астрее. Но от этого и сама эта сказка не станет для нас бесполезней. Наш Коперник удивителен тем, что являет редкий ныне пример простодушия. Сегодня, когда стираются в пыль многие драгоценные свойства души, когда всерьез говорят об археологии нравственности, такие находки — почище берестяных грамот.

Еще недавно казавшийся благородным металл практического ума изъеден ржавчиной. Непосредственность, которую мы поспешно объявили неприличной, бесполезной, наивной глупостью, вроде простодушного вольтеровского гурона, сплошь и рядом обернулась расчетливой посредственностью.

Истинная простота души — вовсе не примитивная механика не знающих узды рефлексов, не зеленый плод растительной натуры, возвращающий нас к стародавнему спору о «естественном человеке». В глубине истинной простоты души заложены такие сложные продукты всечеловеческой нравственной культуры, как прямота, доверчивость, искренность, сердечность. Не зря простота у нас называлась святою!

МАШИНИСТЫ И ЛЕТУНЫ

Хорошо известно: деревню умельцем не удивишь. Удивительны бывают применения ремесла.

Помню одного колхозного механика — специалистом он считался не великим, выше автомобильного движка, что называется, не летал. А тут возьми и собери — по винтику, по гаечке — маневровый паровоз. Размером почти в натуру. Поставил его во дворе возле хлева, верст за триста от ближайшей железнодорожной ветки. Спрашиваю механика: зачем тебе в деревне паровоз?

Отвечает: для интересу.

...Сельских чудаков упрямо несет и в небеса. В селе Кобона, на берегу Ладоги, местный бакенщик Иван Никулин «из утильного материала» сладил крохотный фанерный самолет. Другой самодеятельный летун — шофер из вятской деревни Залазна Владимир Трапезников двенадцать лет положил на то, чтобы выстроить собственный аэроплан. Назвал его Росинантом, взглянув вполне символически на это свое одиночное чудачество и многолетнее страстотерпие.

Еще недавно небесная эпидемия достигала размаха небывалого: артелями и в одиночку строили самолеты, воздушные шары, дельтапланы. Деревня — не остров. Дует на нее отовсюду. Как веком раньше завозили сюда хромовые, с городским скрипом сапоги, так и ныне завозят механические диковины. Вот и чешутся руки у мастеров. Но это вполне понятное хотение все пощупать, перебрать и переделать уводит сельского чудака нередко в сторону вовсе уж фантастическую. Бывает, годами не соберется он двух гвоздей вбить в охромевший табурет, зато жизнь готов положить на какой-нибудь бесполезный паровоз, на котором — ни в райцентр съездить, ни сена привезти.

Этот почти гумбольдтовский интерес ко всему выпадающему из привычной житейской нужды еще не растрачен, не разменян сельским чудаком на интерес рублевый. Он свят в своей воле взнуздать фанерного Росинанта, младенчески наивен в желании задавать вопросы: что там под водой, в лесной чаще, на небесах? И если благополучный обыватель бывает вполне удовлетворен чужим глубокомыслием, ежедневной сводкой погоды или иным каким «блюдом», приготовленным для него привычными знатоками, сельский чудак, не изменяя своей крестьянской привычке, хочет общаться с натурою без толмача, все пощупать своей рукой.

Хорошо знал старого рыбака из приозерной мещерской деревни, который вел рукописный календарь. Это были настоящие фенологические святцы. В них следовало справляться о начале ледостава, лова рыбы, приметах, суливших богатый урожай или засуху. Не доверяя никаким радиопрогнозам, дед заглядывал в свои святцы ежедневно. Обновлять наблюдения, делать погодный прогноз он не ленился до последнего часа...

Возможно, этот мещерский дед похож в наш век на человека, добывающего огонь кресалом. Но мне по душе такое первобытное упрямство, ведь оно научает копить свой жизненный опыт, а не получать его даром. Кому не известно: что досталось легко, с тем так же легко расстаются, хватаясь за любую подмену. Нет, не случайно мы стали так чудовищно легковерны. Как просто нас сбить с панталыку! И это при всей нашей необъятной учености!

Сельскому чудаку земная радость не чужая. Но по сути, по природному устройству он скорее пустынник, чем ревнитель цивилизации. У него свое понятие прогресса, при котором человек не платит за каждое придуманное благо безумную цену. Он устроит придирчивую экспертизу, и если выйдет, что цена непомерно высока, то отвернется от всего и нам закажет не обольщаться...

Синтез невозможного, замирение враждующих полюсов — желанный исход давних исканий русской души, ее необъяснимый магнит. И кто знает: когда человечество накопит в достатке мудрости, не станет ли этот невозможный ныне синтез действительным мировым знамением, обращением в новую веру?

* * *

Почему мы так любим среднего человека? Так оберегаем его и возносим? С ним уютно соседу и нехлопотно власти, он не требует душевных растрат. Его поступки и вкусы известны наперед. Он не желает душевного полета, предпочитая равнинное течение жизни. Его естественное состояние — растворенность в тепле человеческого большинства.

«Быть как все» — вот молитва среднего человека. Но не только молитва — императив. Потому все труднее у нас сохранять собственное выражение лица, все бедственней тяготы самобытности.

Сельский чудак теперь фигура редкая. Природа здесь и раньше не позволяла перепроизводства. Ныне и время к чудаку неблагосклонно. Как никогда мы одержимы пагубой выравнивания, нам ненавистны человеческие феномены. Чудак — не от мира сего. В нем видится нам вызов. Недаром он более объект психиатрии, чем предмет, достойный уважительного внимания.

Чудак... Как много в произносящих это слово снисходительного превосходства, прокурорского самомнения. И если чудака еще терпят, то лишь по причине допустимости известной доли «человеческой экзотики».

Живое — враг всякой симметрии. Еще Пастер открыл, что молекулярная ассиметричность — привилегия живой природы. Наш мир удивительно кособок. В чудаке эта полезная кособокость развита необычайно. Он сам ее блестящая метафора.

Его легко представить листком, оторвавшимся от материнской ветки. Но, как писал еще Ф. М. Достоевский, «чудак не всегда частность и обособление, а напротив, бывает так, что она-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого».

Чудак — это всегда пример жизни, урок судьбы, нередко горький. Ему нелегко быть в миру, где часто не до него, где сочинение стихов или изобретение аэроплана среди вечных земных забот чрезвычайно затруднено, где механика земная сплошь и рядом пересиливает механику небесную...

Он беззащитен и легко становится изгоем, мишенью для насмешек, а то и объектом принуждения — живи, как все! Его исправно водят на дыбу расхожих мнений, предлагая навсегда отречься от милых его сердцу чудачеств.

Нам трагически не хватает терпимости ко всему инакодумающему, инакоходящему, инакоживущему. Так вспомним давнюю греческую мудрость: «Все самобытное неделимо и просто. Все самобытное вечно...»

Выражается сильно российский народ!

Ольга Щербинина,

собкор журнала «Родина» по Уралу и Сибири

И если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство...

В одной уральской деревне мне нужно было встретиться с человеком по фамилии Севрюгин. Фамилия заинтересовала меня: откуда в такой глухомани, в одной из беднейших деревень, пристрастие к красной рыбе?

Никто на деревенской улице не мог указать мне искомое лицо.

— У нас полдеревни Севрюгиных, вы о каком спрашиваете?

— У него вроде дед стекольщиком был.

— Так это Миша Стальной. Так бы сразу и говорили, что вам Стального.

— У него что, особая фамилия?

— Это их уличная фамилия, всей семьи. Дед их говаривал: «Я стальной, жилы проволочные». Да к тому же ходил со стальным стеклорезом.

— А еще какие есть в деревне уличные фамилии?

— Да их все не перечесть, прозвища-то. Считай, у каждого есть. Вон там живет Пимшиха — из семьи пимокатов. А дальше — Блиновна — стряпает хорошо блины.

— Подожди, Лукерья, не так. Бабка ее, прабабка ли умерла, подавившись блином. Все внучки и стали — Блиновны.

Фотографии Анатолия Черея

...Не застав дома Мишу Стального, уехавшего по делам в райцентр, я направилась к старушке Севрюгиной позаписывать песен и частушек, которых она знала, как говорили, великое множество. И пела не только по праздникам, но и обычными вечерами, выпив рюмочку, веселя и смеша соседей, хоть было ей тогда уже за семьдесят. Навстречу вышла из кокетливого домика с разукрашенными наличниками отнюдь не старуха, а приятная пожилая женщина с батистовыми оборочками и подкрашенными губами, оживленная и говорливая.

Среди ее припевок многие были собственного сочинения, а звали эту певунью в деревне не иначе как Артистка. И хотя в деревне был фольклорный хор и немало пожилых женщин выходило на сцену, прозвище это пристало только к ней одной. Произносили его с разными оттенками: со снисходительной, а то и злой усмешкой, а порой с веселым одобрением или даже восхищением.

От Артистки я узнала и происхождение фамилии Севрюгиных. В прошлом веке и начале нынешнего писались они — Серюкины (попадались мне подписанные так старообрядческие книги местных грамотных крестьян). По-видимому, неблагозвучие фамилии задевало жителей, а может, служило и предметом насмешек; во всяком случае, как только советская власть разрешила в 20-е годы менять по своему желанию имена и фамилии, деревня немедленно переделалась в Севрюгиных. Будто бы бедняки эти севрюжинкой баловались.

Народ наш очень чувствителен к звучанию имени и фамилии, которые служат предметом пристального внимания и всячески обыгрываются. Простейший случай — когда от фамилии образуют прозвище, но при этом обязательно учитывается облик, характер человека: НЮРКА-ВОРОНА (от Воронина); САНО-КУНЯ (от Кунгурова) и т. п. Одного мужика по прадеду его Харитону прозвали ХАРЯ. Он и правда к тому располагает: пьет и обличье имеет соответствующее.

Часто уличные фамилии — они же прозвища — идут от особенностей облика человека: лица, походки, манеры речи. В той же деревне я встретила двоюродных братьев, которых одинаково звали — Александрами. И различали их, называя так: САШКА-СВИНАРЬ — черный, с сизым цветом лица (свинарь — черный груздь, горький и в ряде мест считающийся поганым), и САНО-ГРУЗДЬ — парень белый, крепкий, красивый. Парни-то одного корня, одной фамилии, оба грузди, только один настоящий, а другой — черный, поганый. Обидно такое слышать: наказание почище штрафа! МИШАЛЕВ — сильный, плечистый мужик. ДУСЯ-МЫШКА — маленькая. Тетя Настя — ХОМЯЧИХА. ПОМИДОР, ПОМИДОРИНА — краснолицый.

Остер на язык русский народ, любит он над ближним «подфигуривать», «зубы мыть», «надсмешки строить» и далеко не всегда доброжелателен. Но уж в точности наблюдения, удивительном чувстве родного языка — его строя, его звучания, его выразительной силы — народу нашему не отказать!

Одну пожилую и сухопарую строгую даму зовут СУХОСТОЙ. Другую учительницу, многоопытную и добрую, но всегда встрепанную, маленькую и толстенькую, прозвали СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ. Да не пообидятся на меня эти хорошие люди: простите, родимые, наука требует! Очень уж остроумно прозвали вас ваши ученики!

Ефима Павловича называют МАТРУС. Тут случилась такая история. Мужик пригласил к себе «помочь» на покос. (Помочь — коллективная помощь односельчанину в хозяйстве за угощение.) Угостил мужиков по обычаю, а косить идти и нельзя: моросит дождик за окном. Вот Ефим Павлович посидит-посидит с мужиками за столом, выглянет да и вздохнет:

— Эх, все еще матрусит!

Так к нему и пристало: матрус. И сам он беспокойством и мельтешением это заслужил. И ведь как смело мужики сочинили неологизм, образовав имя существительное от диалектного глагола «матрусить»!

В основе прозвища часто лежит смешной случай, анекдот.

Толя-ФУНТИК — родился маханьким, и бабка-восприемница сказала: «Родился-то, право, с фунтик!»

Вася-СИСТЕМА. Купил старый мотоцикл и поехал. Проедет двести метров по дороге — и остановится. Чинит-чинит, опять немного проедет — и опять остановится. Мужики захохотали, а он важно так говорит:

— Это система такая!

Одну семью зовут БУБЕНЧИКИ. Все хорошо играют на гитаре и поют. Отец — БУБЕН, а дети — БУБЕНЧИКИ.

Старого деда прозвали СЛЕПЫШОК. Как-то лежали мужики у костра на озере. Птичка там летала, дед посмотрел и говорит:

— Эта птичка — слепыш. Эх, кабы мне быть слепышом, полетал бы я!

Есть Чибис. Есть Вася Сурман. Тут уже трудно назвать причину прозвища: случай позабылся, прозвище осталось.

Рассказывать о деревенских прозвищах можно бесконечно. Их столько, сколько семей по селам и весям. Там до сих пор редко помнят и называют по паспортным фамилиям, а больше по уличным. В сущности, от прозвищ когда-то и произошли фамилии. Помимо насмешливости и приметливости жителей была и практическая надобность как-то обозначать соседей и односельчан. Если рядом живут три Ксении подряд, как их называть?

— Тут живет Ксюша-Данилка.

— Как же Данилка, если она женщина?

— Ну и что? Они все Данилки. Вовка-Данилка. Сергей Павлиныч Данилка. У них дед был Данило.

Итак, прозвища образуются от имен и фамилий; от названий растений, птиц, рыб, домашних и диких зверей; предметов крестьянского быта и обихода; от понятий отвлеченных. Словом, материалом для образования прозвищ служит весь мир.

Что касается классификации уличных фамилий и прозвищ по их, так сказать, функциональному признаку, то я набросала такую примерную схему:

— по фамилии или имени владельца или его предка;

— по занятиям, ремеслу, профессии;

— по особенностям облика: лица, походки, манеры речи и т. п.;

7 Родина 1994/6

— по приметам быта, образа жизни;
— по характеру человека, его нраву, личным качествам;
— по анекдотическому либо просто памятному случаю;
— по национальности, месту жительства.

Кажется, примеров по месту жительства я еще не привела. Это вроде бы самое простое. Поля БЕРЕГОВАЯ — живет на самом берегу; интересно сочетание «поле» и «берег».

Марья-ВЕРЕСОВКА — была речка, за ней были вересы, там жило три семьи. Отсюда и прозвище. Однако все не так просто, как может показаться. В конце концов в вересах жило три семьи, а Вересовкой назвали только одну женщину. Дело не в одной только географии. Кроме смысла, существует всегда еще нечто неуловимое. Интонация. Она решает все. Здесь явная интонация пренебрежения: Вересовка, Шалашовка.

Интересно, что, желая поберечь людей от насмешек (вдруг прочтут соседи!), я не только не называю деревни, но решила было сначала поменять и имена. Допустим, написать не Марья-ВЕРЕСОВКА, а Татьяна-ВЕРЕСОВКА. И поняла, что делать это ни в коем случае нельзя: вся сила прозвища теряется при таких подменах. В чем дело? А в том, что — в какой уж раз дивлюсь и пишу о том! — у народа нашего гениальное ухо, и звуком он рисует, создает образ. Вслушайтесь: Марья-ВЕРЕСОВКА — АРЯ-ЕРЕ. Получается единое слово, крепко спаянное звуком и от того особенно убедительное. Как и в вышеприведенных Вася-СИСТЕМА (ся-си); Нюрка-ВОРОНА (юр-ор); Сано-КУНЯ (ан-ун)...

Любое прозвище стоит произнести вслух, чтобы почувствовать энергию. Это ведь устное народное творчество (особый его «малый жанр»), и рассчитано оно, конечно, на слуховое восприятие. Как, впрочем, и весь фольклор, чья текучая, вечно изменяющаяся, импровизационная интонация решает половину дела. Если не больше.

Ни одного прозвища в моей скромной фольклорной практике не встретилось вялого, тусклого: видимо, такие и не приживаются, а остаются только самые точные, яркие. Отбор! Еще несколько современных прозвищ из моих тетрадей:

БАРЫГА

ШНУРКИ, РЕМКИ — последние ребята на селе, бросовые.

ЧУБА — от чебурашки.

КОСТЯРА — тут все ясно.

НЕВАЛЯШКА — от переваливающейся походки.

ЧУВЫРЛА — девица 18-ти лет, в лосинах, с малиновыми губами, с папиросой во рту.

Чувырла! Даже если вы прежде никогда не слыхали этого диалектного слова, вам ясно, о чем речь, не правда ли? Слово буквально рисует портрет «эмансипированной» девицы и одновременно передает презрительное к ней отношение.

Чувство слова в народной среде врожденное и поистине артистическое, оно-то и создает перлы поэзии. А порой и смешные ситуации, вроде той, какая рассказана, например, в книге «Минувшее» князя С. Е. Трубецкого. Вспоминая о своем детстве, он пишет: «Кучер Гурьян умел «политично» выражаться. Помню, как, говоря о плохо выезженном Богатыре, он выразился с презрением: «не плейсированная морда, простой мужик!» Не зная, очевидно, значения слова «плиссированная», кучер, тем не менее, по звучанию верно определил его как нечто утонченное, сложное, в высшей степени окультуренное — и применил неожиданно и остроумно. Неудивительно, что князь с семи лет запомнил это слово на всю жизнь. «Неплиссированная морда!» Да ведь это неологизм; если хотите, на этом наши авангардисты в начале века новую поэзию делали.

Особая статья — прозвища коллективные (чаще всего насмешливые), которыми награждали жителей целой деревни их соседи. Они сохранились в сказках, преданиях, прибаутках, притчах, но чаще всего — в песнях-дразнилках. Известный в прошлом веке собиратель фольклора ученый крестьянин Александр Никифорович Зырянов записал, например, в Пермской губернии такую шутливую песню с характеристикой девиц разных окрестных сел Шадринского уезда: «А где каки девушки? А ешшо где каки голубушки? Шадрински — калашницы. А осеевски — кисельницы. Тарабаевски—квас продавать. Тушановски—рукавицы вязать. Мыльниковски девки — ягодницы... Подкорытовски — модницы. Кривские — недоросточки, поизмяли в лыгах косточки. Дрянновски — сарапожницы. Мальцовски — к обедне ходить. Канашински — горшешницы. Ивашевски — мешешницы». (Лыги — ноги; сарапожницы — этого слова нет ни в словаре местных говоров, ни у Даля; по-видимому, местное новообразование, понятное в своем кругу.)

Уральский краевед Владимир Павлович Бирюков, ныне покойный, приводит в своих работах множество коллективных прозвищ:

КРУПЕННИКИ — в деревне занимались в основном обдиранием круп.

КУДЕЛЬКА — рабочие асбестовых рудников — из асбеста делали куделю.

БАТЫ — в деревне употребляли в качестве присказки «бат», то есть баит, говорит.

ЧЕСНОКОВИКИ — любители пирогов с чесноком и диким луком.

ЧЕРНОТРОПЫ — неопрятные, идущие в избу с грязными ногами.

РАСТЯГАИ — растягивающие концы слова, протяжно говорящие.

КОСУЛИНСКИЕ НИЩИЕ или просто КОСУЛИНСКИЕ — деревня Косулино промышляла нищенством. Замечу, кстати, что слово «косулинский» стало нарицательным для обозначения убогих, ни к чему не годных людей и употреблялось в качестве обидного прозвища, даже оскорбления, еще на моей памяти, в моем детстве, протекавшем в центре огромного города Свердловска. Так ребята дразнили друг друга.

С прозвищем ОБУШНИКИ связана драматическая история. Так прозвали в прошлом веке рабочих Верх-Нейвинского завода, где рабочий убил за зверское обращение демидовского управителя Зотова обухом топора.

Современные коллективные прозвища живут и сейчас. Я записала этим летом прозвища ЧУГУНЯТА, ЧУГУНКИ и — жителей соседнего селения — ПАРИЖАНА (за высокомерие и преувеличенное представление о своей деревне).

Жаль, что прозвища уходят и забываются, мало собираемые, толком не хранимые. Фольклористы увлекаются больше крупными жанрами. Но ведь уличные фамилии, прозвища, клички — своеобразная яркая ветвь русского фольклора. В моей практике лишь однажды встретилось собрание прозвищ, сделанное в краеведческом музее городка Верхний Тагил, бывшей демидовской вотчины. К сожалению, сотрудники музея не смогли объяснить происхождение прозвищ, которые относятся к началу века, а то и к веку прошлому. Приведу некоторые из записанных в музее прозвищ (с посильными моими пояснениями местных слов).

КАЗАРА. СЫТЫЙ. СОЛОВЕЙ. СУНДУК. ДЫРКА. УХО. СОРОКА. ОФИЦЕРИК. БАСКЯШШИЙ (красивый). РЯБОК. БОБРИК (по прическе). АЛЯБЫШ (род колобка, сдобной булочки). МОРОЗКО. ЛЫВА (большая лужа). БАДА (человек, который может приврать). МОРЯК. ЛЕННИК (возможно, от слова лен — тот, кто треплет лен). ЛЕНТА. ЛИСА. БУЛЬБА. МЕРЕЖА. КЕРЯ (финно-угорское друг, приятель). КОНЕК (бегал по крышам, видно, был кровельщиком.). ЛЕНГЕН (искаженное от рентген?). БАКАНЯ (вероятно, от фамилии). СОТНЯ. СОЛОНКА. ГОЛЫШ. БУРДА. БОРОДАЧ. ЛЯГУША. ПИХТА. КОЛОБОК. ПРАВДА. ДЕГТЯРЬ. МУХА. ВЕРЕВКА. МАХАЛЬ. КОЗЫРЬ. ГАМА (шумный, громкий). ГУСЬ. СОХАТЫЙ. САПОГ. БУКА. ФАРТОВЫЙ. ЛЯМОЧКА. БОМБА. ТЕЛКА. КУДРЯ. ГОРОШИНА. КОТЕЛ. КОЛОКОЛЬЧИК. ГОРЛО. ТЫКВА. БЕЛЫЙ. ПОП. КУСУН. КУРИЦА. КОЗУЛЯ. НОС. ВАРНАК. ЧАХОТКА. ШКАЛИК. ПЕСТЕРЬ (большой короб из лыка или прутьев, в переносном значении — простоватый, неповоротливый человек).

Воистину, **«выражается сильно российский народ! И если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище... ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубливается топором».**

Хрестоматийное это высказывание Гоголя живо и по сей день.

ВОДА В РЕШЕТЕ, ЧЕРТ В СТУПЕ...

Разговор о семиотике жилища (начало см. «Родина». 1994. № 5: «Вот тебе Бог, а вот и порог...») мы продолжаем рассказом о сакральных значениях домашней утвари — обыденных предметов, населяющих славянский дом.

«Баба Яга едет с крокодилом драться на свинье...» Лубок первой половины XVIII в.

Ложка играла заметную роль в обрядах восточных славян, олицетворяя собой конкретного члена семьи — живого или умершего, являясь одной из немногих личных вещей крестьянина. Ложки помечали, избегали пользоваться чужими, причем ложка мужчины подчас противопоставлялась остальным по размерам и форме; ее охотно применяли в народной медицине, полагая, что с помощью ложки умершего хозяина можно избавиться от родимого пятна, бородавки, нарыва, опухоли в горле и т. п.

Перед едой ложку клали обычно выемкой кверху, что как бы означало приглашение к еде; после же трапезы ее переворачивали, давая понять, что наелись. Впрочем, в Орловской губернии не разрешалось класть ложку «вверх лицом» перед трапезой, иначе «умрешь с раскрытым ртом и глазами». По поверью белорусов Могилевской губернии, во время поминок «ложку за каждым приемом пищи нужно класть на стол, чтобы ею ели деды, непременно выемкой вверх, иначе покойники перевернутся в могилах лицами вниз».

Если ложка, оставленная на поминальном столе, символизировала, как правило, только одного умершего члена семьи и акт его кормления, то много ложек — всех умерших родственников или семью в целом, включая живых и мертвых. В Гомельской области после поминок складывали ложки в кучу и оставляли до утра на столе, чтобы быть всем вместе на том свете. На ночь ложку оставляли около миски с поминальным блюдом, а на следующий день судили о том, приходили ли ночью «деды»: если утром ложка оказывалась перевернутой, значит, ею пользовался умерший.

На Украине и кое-где в Белоруссии и Литве в ночь под Рождество участники ужина оставляли свои ложки на столе; как правило, их складывали венчиком на бортик миски с остатками кутьи; считали, что если ложка за ночь упадет или перевернется, то ее владелец в этом году умрет. На Русском Севере на ночь выносили на улицу свои ложки, наполненные водой: если она замерзала с ямочкой, то это сулило ее хозяину смерть, а если с бугорком — то жизнь.

Нож активно использовался в ритуалах, наряду с другими металлическими вещами (ножницы, иголки, серпы, топоры, косы, гвозди), главным образом в качестве оберега от нечистой силы. И защитные, и вредоносные функции ножа основываются на его способности резать, колоть, наносить раны. У восточных и западных славян считалось, что нож, брошенный в вихрь, ранит черта и на нем останется кровь.

Нож и другие металлические предметы сопровождали человека, когда он считался наиболее уязвимым для воздействия нечистой силы, в первую очередь их использовали для защиты некрещеного младенца, женщины в предродовой или послеродовой период, жениха и невесты во время свадебного обряда. В Новоград-Волынском уезде Волынской губернии для охраны новорожденного от конвульсий мать, ложась спать или выходя из дома, клала нож в колыбель или брала его с собой. Там же баба-повитуха трижды обводила ножом вокруг кумы, когда та несла крестить ребенка, чтобы злой дух не мог приступить к младенцу. В Гомельской области мальчику клали в колыбель нож, чтобы он стал плотником, а девочке — гребенку, чтобы она умела прясть. В Полесье, выходя из дома после родов, женщина затыкала за пояс нож, реже — ключ или гвоздь. Там же мать подкладывала под себя нож при кормлении грудью ребенка.

В Белоруссии и на Украине широко практиковалось процеживание молока через нож, серп или иголки. Например, в Черниговской области говорили, что если корова доится кровью, то надо лить молоко на нож, положенный под цедилкой на подойник: этим «ведьме перерезаешь язык». С другой стороны, в быличках нож описывается как одно из орудий ведьм, отбирающих молоко у коров. В Овручском районе говорили, что, когда ведьма захочет молока, она идет к себе в хлев, забивает в соху нож и подставляет доенку, молоко так и бежит струей с ножа.

В Белорусском Полесье, если скотина заблудилась в лесу, хозяин обращался к знахарю с просьбой «засечь» ее. Знахарь шел в лес, находил дерево, больше других покрытое зелеными листьями, поднимал кверху принесенный с собой нож и произносил заговор, в котором просил Господа Бога и святого Юрия «засечь» скотину. Произнося последнее слово заговора, знахарь вбивал нож в дерево и возвращался домой. На следующий день перед восходом солнца он снова шел в лес и вынимал нож из дерева. Если тот оставался чистым, то это означало, что животное не погибло и уже не сойдет с того места, где оно находилось, когда его «засекали», а также что оно защищено от волков. Если же нож оказывался с ржавчиной, то, значит, скотина стала жертвой волков еще до того, как ее «засекли». Втыкание ножа при пропаже скотины широко представлено в белорусских материалах XIX века. Как правило, нож втыкали не в живое дерево, а в бревно где-то в доме; например, на Смоленщине нож втыкали над дверями. Сходные действия известны также у русских и украинцев. В Дубровицком районе Ровенской области для того, чтобы сатана не трогал скотины, требовалось встать до восхода солнца, раздеться, взять под левую руку нож или косу, трижды обежать вокруг хлева и забить их в стену. Обегание хлева с ножом выражает идею, которая в заговорах передается мотивом «железной стены» до неба; затыкание ножа в стену хлева как бы замыкает эту железную стену на замок.

В Ровенской и Волынской областях известны случаи, когда во время свадьбы, собрания людей или большего праздника в стол втыкали снизу нож, чтобы гости меньше ели.

Решето и сито наделены многозначной символикой. Решето воплощает идею богатства и плодородия, связанную с мотивами дождя, неба и солнца, используется в ритуалах как вместилище даров, а также чудес, в народной медицине играет роль оберега и роль оракула — в гаданиях.

Одно из наиболее устойчивых и архаических значений решета основано на его уподоблении небесному своду (вспомним русскую загадку: «Сито вито, решетом покрыто» — «Небо и земля»). По поверью Житомирского уезда, радуга «тянет воду из моря, на небо; на небе устроено как бы решето, но оно всегда задвинуто; когда радуга натянет воды, оно отодвигается, и идет дождь». Поверье о том, что туча пропускает воду через свои поры, как через решето, отмечалось также у украинцев Подольской губернии, в Прикарпатье, Болгарии и имеет параллели у других народов мира. В связи с этим у восточных и южных славян лили воду через решето, чтобы вызвать дождь, а в Гомельской области, наоборот, переворачивали решето, стремясь дождь остановить. В Брестской области во время засухи вдова зачерпывала из какой-нибудь канавы или лужи на поле или рядом с ним воду решетом и несла ее в реку; чтобы вода не пролилась, решето устилали клеенкой или замазывали его глиной. В народной медицине вода, пропущенная через решето, могла заменять собой дождевую воду. В Витебской губернии считали, что «если беременная подвергалась опасности... ее нужно троекратно напоить водой, добытою с опрокинутого вверх дном ведра... а за отсутствием такой воды... обыкновенная вода проливается через решето или сеть на дно опрокинутого ведра, обыкновенно на дворе, — и в руках опытной знахарки приобретает все значение дождевой воды».

Воду, пролитую через решето, наделяли целебными свойствами. В Полесье поливали водой через решето ребенка или домашних животных; брызгали через решето воду на корову и теленка после отела; от испуга обмывали ребенка водой, пропущенной предвари-

тельно через перевернутое решето, и давали ребенку попить ее; трижды обходили по солнцу больную корову, поливая вокруг нее землю через решето; при эпидемии поливали через решето улицу. В Вологодской губернии в Великий четверг брызгали через решето воду на овец, «чтобы в огородах дыры казались им меньше». В Курской губернии при болезни «сушец» у ребенка сажали на окно под решето кошку и над решетом купали ребенка; считалось, что хвороба перейдет на кошку и та издохнет, ребенок же останется в живых.

Мотив ношения воды решетом известен в сказках и песнях. С особой устойчивостью он встречается в сказке о мачехе, ее дочери и падчерице. В сказке из Тульской губернии мачеха прогнала падчерицу из дома и та нанялась к Бабе Яге: «Баба Яга дала ей решето да и говорит: ступай, топи баню и воду этим решетом таскай. Она затопила баню, стала воду таскать решетом. А сорока прилетела: чики-чики, девица — глинкой, глинкой! Она замазала глинкой, насилу натаскала». Когда Баба Яга дает то же задание мачехиной дочери, та прогоняет птичку, которая хотела дать ей добрый совет. Сказочный мотив находит близкую аналогию в обрядовом испытании. К «Римским древностям» Дионисия Галикарнасского восходит рассказ о весталке Туккии; чтобы доказать свою целомудренность, она сделала то, что, «по пословице, считается совершенно невозможным»: зачерпнула в Тибре воду решетом и принесла ее, не пролив, на форум, в храм Весты. Подобное обрядовое испытание отмечено и в средневековой Польше. Верование в то, что в награду за целомудрие дается чудесная способность носить воду решетом, известно не только в Европе, но и в Индии.

В польских сказках к девушке, которая по повелению мачехи прядет ночью, является дьявол, и она, чтобы выиграть время до пения петухов, дает ему разные задания, в частности просит наносить воды решетом. В русской сказке черти требуют у солдата задать им работы; он посылает их натаскать решетом воды в городские бани.

В севернорусских причитаниях при описании гроба — посмертного жилища — упоминается о том, что в него «решетом свету наношено». Этот мотив возводится к легенде, известной в русских и украинских пересказах: когда люди построили первый дом, они забыли проделать в нем окна и пытались, выйдя на улицу с решетом, поймать в него солнечный свет и наносить его в жилище.

Ступа — этот предмет домашней утвари для толчения зерна используется в обрядах главным образом как эротический символ.

В свадебных обрядах восточных славян ступа широко использовалась в различных шуточных, пародийных эпизодах. В ряде мест Минской губернии, когда поезд молодого приезжал за невестой, производился шуточный ритуал толчения воды в ступе. В Ровенском уезде в понедельник после свадьбы гости испытывали характер молодой: наливали воды в ступу и давали ей толочь до тех пор, пока она не выплещет всей воды. В Украинском Полесье на свадьбе ступу рядили женщиной, а пест мужчиной. В Житомирской области в последний день свадебного обряда устраивали пародийное венчание родителей новобрачных, причем ступа выступала в качестве налоя. Аналогичным образом на Псковщине бытовала святочная игра, во время которой венчались вокруг ступы, изображающей церковный налой. В Черниговской области «нечестной» невесте ставили пест вместо жениха.

У русских и украинцев считалось, что в ступе можно истолочь болезнь, перетолочь больное животное на здоровое; под ней пытались заморить лихорадку. «Железная ступа железная, на той ступе железной стоит стул железный, на том стуле железном сидит баба железная...» В сказках и поверьях Баба Яга и ведьма ездят или летают в ступе.

Пест в обрядности наделяется эротической символикой; в фольклоре и поверьях фигурирует как атрибут ведьмы и Бабы Яги. «Ездит в ступе, пестом погоняет, вперед метлой дорогу разметает»; или «ездит в ступе, пестом упирается, помелом побивается, хлещет сама себя сзади, чтобы прытче бежать». В белорусской сказке «Мал Малышок» из Могилевской губернии Баба Яга едет верхом на козле, погоняя железным толкачом. По поверьям Болховского уезда Орловской губернии, «у колдунов и ведьм необходимыми орудиями... служат: ступа, толкач, помело, сыч или филин, кот большой, треножник, кочерга и кадка с водой... Ведьмы прилетают на помелах, ухватах или в ступе, в руках у них бывает толкач или рог с табаком». В украинской сказке из Черниговской губернии самая старшая, киевская ведьма приезжает на шабаш верхом на песте. По поверьям белорусов Волковысского уезда Гродненской губернии, Баба Яга — хозяйка всех ведьм, вместо ног у нее железные песты; когда она идет по лесу, то, ломая его, прокладывает себе ими дорогу.

От удара пестом Бабы Яги герой севернорусской сказки валится на землю или превращается в камень. В Могилевской губернии детей пугали Железной бабой, которая живет в полях и огородах; она хватает детей, которые ходят одни по полям и огородам, бросает их в свою железную ступу, толчет и ест.

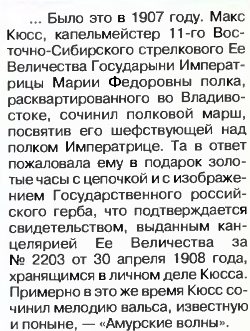
На лубочных картинках, иллюстрирующих «Беседу отца с сыном о женской злобе» (XVIII в.), злая жена изгоняет мужа из дома, правой рукой она замахивается на мужа кувшином, а левой держит пест, между мужем и женой видна опрокинутая ступа. На лубочной картине «Баба Яга дерется с крокодилом» она сидит верхом на свинье; в правой руке держит вожжи, в левой пест. Использование песта как орудия боя имеет давнюю традицию. На античных вазах сохранились изображения, на которых вакханки убивают пестами Орфея, ими же бывают вооружены Нереиды.

Публикация АНДРЕЯ ТОПОРКОВА

«Плавно Амур свои волны несет...»

Такими словами начинается песня, сочиненная и распеваемая на мелодию вальса «Амурские волны».

Юрий БИРЮКОВ

... Было это в 1907 году. Макс Кюсс, капельмейстер 11-го Восточно-Сибирского стрелкового Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка, расквартированного во Владивостоке, сочинил полковой марш, посвятив его шефствующей над полком Императрице. Та в ответ пожаловала ему в подарок золотые часы с цепочкой и с изображением Государственного российского герба, что подтверждается свидетельством, выданным канцелярией Ее Величества за № 2203 от 30 апреля 1908 года, хранящимся в личном деле Кюсса. Примерно в это же время Кюсс сочинил мелодию вальса, известную и поныне, — «Амурские волны».

У «Амурских волн» есть посвящение, свидетельствующее о том, что молодого дирижера вдохновили на создание лирического вальса вовсе не бурные волны батюшки-Амура, а ласкающие золотые пески владивостокских пляжей, голубые дали Амурского залива. И еще — любовь к женщине. На обложке первого издания вальса помещен портрет той, кому посвящены «Амурские волны», —Веры Яковлевны Кирилленко.

Кто она?

Долгое время никому из тех, кто занимался поиском материалов о вальсе «Амурские волны» и биографией его автора, ничего не удавалось выяснить по этому поводу, если не считать упоминания

о том, что по окончании русско-японской войны В. Я. Кирилленко была членом правления «Владивостокского общества повсеместной помощи пострадавшим на войне нижним чинам и их семьям».

Кстати, при последующих изданиях «Амурских волн» посвящение было снято, имя Веры Кирилленко никогда больше не упоминалось, а на месте ее фотографии стали изображать Амурский залив и корабль на владивостокском рейде.

Но что могло связывать Кюсса с этой женщиной? Дружба? Любовь?

Косвенным свидетельством переживаний Кюсса по этому поводу могут служить названия последующих его сочинений, в том числе и вальсов, написанных в те годы: «Скорбь души», «Грустные думы», «Разбитая жизнь». Последний из них наряду с «Амурскими волнами» получил, кстати сказать, огромную популярность в дореволюционной России.

Примерно так рассуждал я, анализируя и сопоставляя различные версии в своих передачах, которые вел на радио и телевидении. И всякий раз надеялся, что кто-нибудь да откликнется на мой рассказ о тайне посвящения к вальсу.

И вот удача: в декабре 1991 года я получил письмо от москвички Е. С. Беловой.

«Я — ровесница века, — писала она, — детство провела во Владивостоке. Хорошо помню Кюсса, про которого вы рассказывали, потому что жила на одной с ним улице. Наши дома были рядом, и я даже дружила с его дочерью Фридой.

В ту пору, когда Кюсс сочинил свой вальс, я была совсем маленькой девочкой и потому, естественно, не знаю тайны интересующего вас посвящения. Однако помочь вам в ее разгадке, надеюсь, смогу...»

И далее Елена Самуэльевна (так звали мою корреспондентку) рассказала, как несколько лет назад в районной поликлинике познакомилась с пожилой женщиной, семья которой до революции тоже жила во Владивостоке. Зашел разговор и об «Амурских волнах». И тут выяснилось, что вальс этот посвящен был не то ее маме, не то бабушке.

«Вот кого надо было бы вам обязательно найти и расспросить о Кюссе, если она жива, а я попытаюсь помочь в этом и навести справки о своей землячке», — так закончила свое письмо Елена Самуэльевна. И в самом деле она помогла отыскать эту женщину в городе с многомиллионным населением.

Наконец-то я беседую с Данаей Михайловной Кузнецовой.

— Вера Яковлевна Кирилленко — моя бабушка. Ее дочь — Евгения Александровна — моя мама. Отец — Михаил Гедеонович Гедеонов, потомственный дворянин — был морским офицером. Что же касается дедушки, Александра Андреевича Кирилленко, мужа Веры Яковлевны, то его именем даже редут на Русском острове назван. Он ведь был героем русско-японской войны. Так и назвали: «Редут капитана Александра Кирилленко». После окончания войны он был представлен Государю, тот присвоил ему звание полковника и назначил командиром того самого 11-го Восточно-Сибирского полка, в котором служил капельмейстером Макс Кюсс.

Обо всем этом я знаю со слов моих родственников, бабушки, дедушки, храню издания «Амурских волн» и других вальсов Кюсса, подаренных им бабушке, маме, с посвящениями и автографами. У нас в семье ведь все играли на фортепиано, в доме всегда было много молодежи. Приходили дедушкины сослуживцы, друзья — офицеры. Танцевали, пели, музицировали. И Кюсс приходил, бывал в нашем доме.

Душой и организатором всех этих вечеров была, конечно же, бабушка. Она была обворожительно красива. (Мать ее — гречанка, а отец — генуэзец. Девичья ее фамилия — Склауни.) И дедушка мой был красавец. Когда они венчались в Керчи, весь город сбежался посмотреть на эту пару. Всю жизнь бабушка любила только его, была вместе с ним до последнего его смертного часа.

Понимаю, что воспоминания мои вас, возможно, разочаровали и читателей ваших будущих, наверное, тоже, ведь они ждут рассказа о романтической любви. Возможно, любовь и была или, скажем так, влюбленность, на этом ведь вся музыка вальса замешена. И потому слова к нему напрашиваются вовсе не те, что ныне поются, а лирические, отвечающие настроению и характеру музыки.

Как вы считаете?..

Долго продолжалась наша беседа. Эта русская женщина пережила за свою жизнь столько, что на несколько других хватило бы. Но это, пожалуй, тема для отдельного рассказа. Я же вернусь к истории вальса «Амурские волны» и биографии его автора.

Как сложилась судьба композитора? К сожалению, узнать удалось очень немного.

Родился Макс Авельевич Кюсс 20 марта 1874 года в Одессе, учился там в музыкальном училище и зарабатывал себе на жизнь игрой в частных городских оркестрах. Первую музыкальную пьесу — «Грезу любви» — сочинил в 1898 году. К тому времени он был уже дирижером оркестра. Поступив на военную службу, уехал на Дальний Восток, где и проявился его композиторский дар.

В годы первой мировой войны служил дирижером в 5-й Казачьей дивизии и в Отдельном батальоне георгиевских кавалеров, а после революции — в Красной Армии. В 1927 году демобилизовался и обосновался в Одессе.

То было время, когда звучала другая музыка, и потому о вальсах Кюсса забыли, о нем самом — тоже.

Последний раз его видели в Одессе во время войны, когда она была окружена врагом, через месяц после оккупации гитлеровцами — в толпе, состоявшей из нескольких тысяч человек, проходивших по Пушкинской улице в сопровождении конвоя захватчиков. Этих людей отвели в село Дольник и там расстреляли из пулеметов...

Так оборвалась жизнь композитора. Но музыка его жива! Она возродилась и обрела известность едва ли не большую, чем прежде.

В 1944 году ноты забытого вальса «Амурские волны», сохранившего свое название, но потерявшего автора, случайно попали в руки талантливого композитора и военного дирижера Владимира Александровича Румянцева. Тот служил в Хабаровске, руководил ансамблем песни и пляски Дальневосточного фронта. Музыка вальса взволновала его, а название «Амурские волны» ассоциировалось с широкой и могучей рекой. И композитор решил сделать хоровое переложение вальса для ансамбля. Слова к нему попросил написать солиста руководимого им коллектива Серафима Попова.

Ни Румянцеву, ни Попову ничего не было известно о романтической истории создания вальса «Амурские волны» и его авторе. Музыка вальса навеяла им совершенно иные образы, которые и были воплощены в тексте песни. Ансамбль ее разучил, стал исполнять. Она обрела широкую популярность на Дальнем Востоке, долетела до Балтики, где флотский ансамбль несколько переиначил слова. Таким образом у С. Попова появился соавтор — К. Васильев. В этом виде «Амурские волны» были в 1952 году впервые записаны на радио и прозвучали на всю страну. А спустя два года новую, третью по счету, обработку вальса «Амурские волны» осуществил известный хоровой дирижер профессор Владислав Соколов. Руководимый им Московский хор молодежи и студентов спел этот вальс на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Будапеште, после чего его запели во многих странах мира.

Напоминаем слова:

Плавно Амур свои волны несет,
Ветер сибирский им песни поет.
Тихо шумит над Амуром тайга,
Ходит пенная волна, пенная волна плещет,
Величава и вольна.

Там, где багряное солнце встает,
Песню матрос на Амуре поет.
Песня летит над широкой рекой,
Льется песня широко, песня широко льется
И несется далеко.

Красоты и силы полны,
Хороши Амура волны.
Серебрятся волны, серебрятся волны,
Славой Родины горды.

Плещут, плещут, силы полны,
И стремятся к морю волны.
Серебрятся волны, серебрятся волны,
Славой русскою горды.

Красива Амура волна,
И вольностью дышит она.
Знает волна — стерегут ее покой.
Спокойны реки берега,
Шумит золотая тайга.
Дышит волна ее чудной красотой.

Величав Амур седой,
Мы храним его покой.
Корабли вперед плывут,
Волны бегут, бегут, бегут.

Ты шуми, Амур родной,
Ты шуми седой волной,
В грозном беге прославляй
Наш родной заветный край.

Плавно Амур свои волны несет,
Ветер сибирский им песни поет.
Тихо шумит над Амуром тайга,
Ходит пенная волна, пенная волна плещет,
Величава и вольна.

«На закате ходит парень...»

Признаться, мне самому эта песня запомнилась и полюбилась с детства, когда я впервые услышал усиленные репродуктором, установленным на крыше кинотеатра в родной станице Семикаракорской, далеко окрест разносившиеся напев и слова. Запомнилась и осталась во мне чем-то дорогим и заветным...

Как и многие другие произведения великолепного песенного дуэта — композитора В. Г. Захарова и поэта М. В. Исаковского, песня «И кто его знает», написанная в декабре 1938 года, сразу же стала популярной.

По воспоминаниям Михаила Васильевича Исаковского, известного советского поэта, его давно привлекала украинская народная песня, в которой была фраза: «Бисов батька його знае, чого вин моргае». «Эта фраза и дала мне разбег для песни», — признавался поэт.

Исаковский отправил текст новой песни Захарову и приписал: «Мне бы хотелось только, чтобы эта песня не была «скороговоркой», а чтобы музыка ее была плавной, быть может, несколько замедленной. Что касается припева, то он, по моему разумению, должен быть каким-то «лукавым», что ли. Это потому, что ведь девушка знает, почему все происходит, но отчасти из девичьей скромности, а больше из лукавства (невинного, конечно) и своеобразной кокетливости делает вид, что она не понимает, в чем дело».

«Об одном не сказал Михаил Васильевич, — дополнял своего друга и соавтора Владимир Григорьевич Захаров, — девушка не только лукавит, будто она не знает, что все это значит, она еще и грустит, потому что все-таки любит этого паренька. Вот этот элемент грусти совершенно обязателен в музыке...»

Первыми исполнителями песни, блестяще воплотившими творческий замысел авторов, стали прославленные солистки хора имени Пятницкого Александра Прокошина и Валентина Клоднина. Песня «И кто его знает» в их исполнении была записана до войны на грампластинку. В те же годы ее включила в свой репертуар и Лидия Андреевна Русланова.

Наряду с песнями «Синий платочек», «Любимый город», «Спят курганы темные» песня «И кто его знает» оставалась в памяти музыкально-поэтическим символом довоенного, мирного времени. Многие, наверное, помнят эпизод из фильма Александра Столпера «Парень из нашего города»: на берегу реки удят рыбу Сергей (его роль играет Н. Крючков) и Петька и поют песню «И кто его знает». В это время крупно, во весь кадр, встают цифры «1941». К героям фильма мчится мотоциклист с тревожной вестью о том, что началась война...

В годы Великой Отечественной войны песня «И кто его знает» послужила поводом к созданию многочисленных переделок, как правило, сатирического плана.

Чем ты, Гитлер, недоволен,
Аль не радует житье?
Потерял я, отвечает,
Войско лучшее свое... —

так пелось в одной из них.

От редакции.

Тем из вас, дорогие читатели, кто в 70—80-е годы следил за передачами популярного телевизионного цикла «Песня далекая и близкая», имя автора этого рассказа должно быть хорошо знакомо: Юрий Евгеньевич Бирюков — многолетний ведущий этих передач, а также других песенных рубрик на радио, телевидении, в различных печатных изданиях, полковник запаса, военный педагог, композитор и музыковед, историк песни и ее летописец. Материалов по биографиям и судьбам песен собрано в его архиве великое множество — десятки тысяч.

Напишите нам, про какие из них вы бы хотели узнать в будущих выпусках нашей рубрики.

Напоминаем слова:

На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.
И кто его знает,
Зачем он моргает.

Как приду я на гулянье —
Он танцует и поет,
А простимся у калитки —
Отвернется и вздохнет.
И кто его знает,
Чего он вздыхает.

Я спросила: «Что не весел?
Иль не радует житье?»
«Потерял я, — отвечает, —
Сердце бедное свое».
И кто его знает,
Зачем он теряет.

А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке — только точки —
Догадайся, мол, сама.
И кто его знает,
На что намекает.

Я разгадывать не стала —
Не надейся и не жди.
Только сердце почему-то
Сладко таяло в груди.
И кто его знает,
Чего оно тает.

Светопечатники

Рубрику ведет кандидат исторических наук
Владимир НИКИТИН

Кремль. Вид с Замоскворецкой набережной. 1883 г.

В 1868 году Мартин Шерер сдал свою фотографическую фирму «Шерер, Набгольц, бывшая А. Бергнера» в аренду курляндскому гражданину А. И. Мею, сроком более чем на десять лет, с условием: сохранить прежнее название фирмы (в него ввели только знак «К°»). Арендный способ передачи заведения новому лицу сохранял за фирмой прежние заслуги и права, а также право воспроизводить на изделиях все прошлые награды (медаль за выставку 1865 года), изображение российского герба и выполнять заказы императорского двора, то есть называться «Фотографами Его Императорского Величества».

В августе 1873 года Мей уведомил московскую публику, что при фотографическом заведении открывается новая «отрасль фотографии — фотолитография (Lichrdruck)». Так как этот способ светописи еще не был известен в России, хотя имел уже применение за границей, то позволим себе указать на его преимущества. Фотолитографический рисунок имеет ту разницу с фотографией, что сня-

Вид из-за Яузы – от церкви Симеона Столпника. 1884 г.

тый фотографическим путем предмет печатается на литографском станке, а потому делается доступнее по цене и скорости исполнения, вследствие чего пригоден там, где требуется большое число экземпляров, как-то: при изданиях картин, рисунков, ландкарт, видов, планов, чертежей и т. д. В высшей степени хорош этот способ там, где предмет или рисунок настолько мелок и подробен, что не представляется никакой возможности сделать его от руки.

«Господ, интересующихся предметом, просим пожаловать для обозрения образцов и ознакомления с производством», — писал А. И. Мей.

К концу 1870-х годов фирма не знала себе равных в различного рода фотопечатных работах, что и заметили специалисты на московской фотографической выставке 1882 года, на которой Мей и его компаньон получили серебряную медаль.

Именно на светопечать Мея и обратил внимание лидер московской буржуазии, потомственный почетный гражданин и председатель московского биржевого комитета Н. А. Найденов, задумавший издание альбомов, посвященных улицам, соборам, монастырям и церквам города Москвы. Издание должно было состоять из четырех частей: 1-я посвящалась Кремлю и Китай-городу; 2-я — Белому городу; 3-я — Земляному городу; 4-я — местности за Земляным городом. Он объявил конкурс на лучшие фотографии, в котором приняли участие фотографы И. Дьяковченко, Ф. Мебиус, А. Мей и другие. Найденов признал работы Мея и Шиндлера лучшими; они же должны были с фотографий для издания исполнить фотогравюры и фототипии.

Первый альбом вышел в 1883 году. Во вступительной статье говорилось: «Цель настоящего издания состоит в сохранении на память будущему вида существующих в Москве храмов, не касаясь при этом нисколько того, какое значение последние имеют в отношении историческом, археологическом или архитектурном».

Фирма «Шерер, Набгольц и К°, бывшая А. Бергнера» сотрудничала и с императорскими театрами. По их заказам были отсняты целые спектакли, которые потом пускались в широкую продажу в виде открыток-

Вид левого берега Москвы-реки ниже Бородинского моста. 1888 г.

фототипий. Эту фотографию любили актеры, композиторы, писатели. Довольно часто услугами Мея пользовался Л. Н. Толстой. Портреты получались настолько удачными, что их брали за основу для гравировальных работ художники.

Фирма Мея вышла на международную арену — участвовала во всемирных выставках, издавала почтовые карточки с видами российских городов, которые «ходили» по всей земле. В это время на бланках фотографий Мей изображал уже три российских герба. Очень популярными в России были издания фирмы — серии открыток-фототипий: типы народов России и виды городов. Фототипии выполнялись не только по собственным фотографиям, но и по прекрасным снимкам других фотографов. Рядом с Меем работал и его сын. Последнее упоминание о фирме встречается в посвященном русским городам комплекте открыток, датированных 1918 годом.

Татьяна Шипова

Типы России. — Types de Russie. 111

Вид с Высокояузского моста на север. 1887 г.

Вид Ильинки
(от Юшкова переулка к бирже). 1897 г.

С 1995 года редакция «Родины» намерена выпускать журнал в улучшенном полиграфическом исполнении.
Этот номер — пробный образец. Небольшая часть тиража (18 тыс. экз.) напечатана в Англии.
Мы приносим извинения подписчикам, что не можем обеспечить всех более качественным вариантом журнала, выполненным за рубежом. Но надеемся, что с нового года «Родина», напечатанная в отечественных типографиях, не будет отличаться в полиграфическом исполнении от «английской» версии.

Компьютерное макетирование, цветоделение и фотоформы фирмы «М-Стиль».

Сдано в набор 20.04.94. Подписано к печати 12.05.94.
Формат 84x1081/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8.
Уч.-изд. л. 25,21.
Тираж 100000 экз. Заказ № 1300.
Цена в розницу — договорная, по подписке 100 руб.

Адрес редакции: 103132, Москва, ул. Воздвиженка, 4/7.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.